

P.S.

літературне
інтернет
видання

№ 49 квітень 2016

Нам 4 года! Ура!

В этом месяце нашему журналу исполняется 4 года. Поэтому отставляем в сторонку чай и бодро открываем коньяк. За вас, за нас и за дорогих авторов!

Сегодня, в наш день рождения, мы рады представить произведения наших постоянных авторов. Новая интернет-новелла от Инны Ньюсман «На смерть», продолжение «трагикомедии» Евгения Белого, уже полюбившиеся

«Евангелие» Вадима Доннерветтера и «История одного андрогинна» Моргана Роттена, и, конечно же, «Миллениум» Дианы Вольз. Спасибо, за что вы с нами!

Как вы уже заметили, наш журнал немного изменился внешне. Теперь каждая читательница может стать лицом номера. Что для этого нужно? Да сущий пустяк! Зайти в нашу группу в VK, загрузить свое фото в альбом «Девушка с обложки» и ждать вердикта редакции. Более подробно об этом, в нашей группе в VK.

С праздником вас! Приятного прочтения!

ВНИМАНИЕ!!!

Журнал является **НЕ** коммерческим изданием. Все участники журнала работают бесплатно, на добровольных началах. Мы **НЕ** взимаем плату за публикацию произведений, **НЕ** производим пересылку номеров авторам с их произведениями и **НЕ** платим гонорары.

Авторские права на размещенные произведения принадлежат их авторам, и защищены Законами об авторском праве Украины и РФ, а так же международными законодательными актами об авторском и смежном правах.

Пунктуация и орфография авторов сохранена.

ВНИМАНИЕ!!!

Некоторые произведения содержат сцены насилия, секса, не пристойного поведения и психологические тяжелые сцены. Поэтому, не рекомендуется для прочтения лицам младше 18 лет.

Прочтение возможно с разрешение родителей, опекунов, либо лиц выполняющих их функции.

При копировании материала ссылка на АВТОРА и «Литературное интернет-издание PS» **ОБЯЗАТЕЛЬНА!**

Нам 4 года!	7
Отзывы читателей	
Рецензия	13
Андрей Григорович	
Монастырские страсти	15
Абасага	
Как жаль	23
Виктория Ерух	
Нет выхода, лишь из могилы	23
Виктория Ерух	
На свете нет случайных встреч	23
Виктория Ерух	
Как хочу в тебе я раствориться	24
Виктория Ерух	
Билет в будущее	25
Виктория Ерух	
Брату	25
Цыплаков Петр	
Возвращение к Отцу	26
Цыплаков Петр	
Утро	27
Цыплаков Петр	
Ностальгия	27
Цыплаков Петр	
Радикальное братство	28
Цыплаков Петр	
Город привет!	28
Щербицкая Ксения	
Вас ли мне любить?	29
Щербицкая Ксения	
Ты оттолкаешь и ревнуешь...	29
Рыбаков Егор	
Поет душа	30
Олег Хрипко	
Моему пропавшему деду...	30
Александр Сзагов	
Не забыть...	32
Николай Ардеев	
Апрель начнется первого, во вторник...	33
Шкарина Дарья	
Ты только мой	34
Еванжи	
Первая победа	34
Владислав Беликов	

Отравленная пешка Владислав Беликов	35
Эпитафия без конца Владислав Беликов	36
Я тобою болею Еванжи	36
Дефолт Дефолтыч Абубекир Жемухов	37
Неистовые годы Аиша Ким	39
Сорняк Наталья Волобуева	39
Баллада о волке snoz	40
Трагикомедия. Песнь пятая Евгений Белый	41
Грузинские дожди Джулия Джи	42
Диетическое айкидо Марина Жан	43
Подснежник Элеонора Кременская	53
Сережка Светлана Еремеева	57
Кишинев Лариса Сергеева	59
Про стойкого солдата и оловянную ложку Андрей Эйсмонт	60
Ты у меня попляшешь! Андрей Григорович	64
Хурма Александр Антошин	68
Последняя встреча с отцом Краснов Иван	70
Все по этикету Иван Шестаков	73
Не судите строго Балаев Алексей	74
Иголка Марусь Петрова	77
Не говори мне о ней Алексей Рубан	83
Кэл Алексей Рубан	83

Где брат твой?	85
Алексей Рубан	
Хрустальная мечта	87
Надежда Нестеренко	
Вот моя деревня	88
Надежда Нестеренко	
Напиток тайги	90
Надежда Нестеренко	
Передача Давай поженимся	94
Надежда Нестеренко	
Не судите строго	96
Алексей Балаев	
Очередь	99
Георгий Кавсехорнак	
На смерть!	100
Инна Нюсман	
Мама виновата	102
Дарья Мясникова	
Все на выручку!	103
Дарья Мясникова	
Миллениум	105
Диана Вольз	
Летописи межмирья	106
Александр Маяков	
Евангелие от Лейлах. Труп звезды	110
Вагим Доннерветтер	
Кто похитил Стива	112
Карин Гур	
Рожденная воином. Врата Нурберила	114
Хиль Де Брук	
Брутальная быль	119
Александр Черкасов	
Моя Америка	125
Нина Охард	
Паразиты	130
Волкова Елена	
Лава-кейк	134
Тузучева Ксения	
История одного андрогина	141
Морган Роттен	
Приключения в бункере	147
Аверин Александр	

PS.

литературное
интернет
издание

25 апреля 2012 года наш журнал выпустил первый номер. Уже прошло 4 года. Какие-то цели достигнуты, какие-то в процессе достижения, а какие-то еще в планах. Наше издание не стоит на месте, мы развиваемся. И все это благодаря нашим авторам и нашим читателям, число которых постоянно растет.

Знаете, когда мы создавали наш журнал, мы и подумать не могли, что мы станем теми, кем мы есть сейчас. Подумать только, почти пятьдесят номеров. А мы до сих пор помним работу над первым номером. Тогда нас было всего четверо. Александр Маяков, Надежда Леонычева, Яна Янурова и Наталья Колесник. Основатели журнала. Первый месяц, а именно за такой срок был запущен журнал, был насыщенный. Мы разрабатывали разделы, продумывали дизайн, хотя тогда он был самым простым и, можно сказать примитивным. Первый номер, тогда еще «Анклава пера», верстался в Microsoft Office Word. Представьте себе, в ворде! Это была небольшая брошюра на 52 страницы, куда были помещены, в основном, произведения самих редакторов и несколько произведений наших ближайших друзей. Это сейчас у нас более 350 авторов, несколько десятков из которых публикуются регулярно. Это сейчас у нас очередь на публикацию расписана на полгода вперед, а тогда мы искали авторов. Мы предлагали публикации нашим знакомым, тем своим знакомым, а те своим. Вот так мы росли и продолжаем расти.

Сейчас из основателей остались только двое, Александр Маяков и Надежда Леонычева. Но в нашей команде появилось много других лиц! Лиричная Елизавета Панчишина, не по годам мудрая Расима Ахмедова и, конечно же, острый на язык и ум Максим Желудев. Эти имена уже давно стоят наравне с именами основателей журнала. Их можно назвать ветеранами нашего

дела.

Но не стоит забывать и о новичках. Хотя, Элину Ким уже можно отнести к разряду «старичков». Да и Катерина Львова не новичок в нашем деле, у неё большой опыт работы в изданиях. Элина, как уже многим известно, занимается редактированием произведений. Ни одна ошибка, пометка и описка автора не останется без её внимания. Катерина же превосходно проводит интервью с нашими авторами. Её беседы с мастерами и новичками пера не оставят никого равнодушным. Легки и интересные разговоры о литературе, мировоззрении и творчестве поражают своим откровением. Такое ощущение, что она давно знакома с авторами, хотя со многими она общается впервые. Не это ли профессионализм?

Да, в нашей команде работают как самоучки, новички, так и профессионалы своего дела.

У нас хорошая новость! В этом году число опубликованных произведений превысило 1000. Только подумать, 1000 произведений. Самых разных жанров и стилей!

А наша аудитория? 60 стран! Почти в трети мира знают о нашем издании.

Но это не предел, это только начало. Перед нами открыт весь мир, мы открыты перед всем миром.

Спасибо всем нашим авторам и читателям за то, что вы с нами все эти года. Особенно хочется поблагодарить наших постоянных авторов. Великолепную Диану Вольз, прекрасную Александру Метафор, непревзойденную Инну Нюсьман, немного циничного Вадима Вегнера, завораживающего своими мирами Евгения Белого, многогранного Алексея Мухина, просто божественную (другого тут и не скажешь) Хиль де Брук. Разумеется, мы не можем не упомянуть о нашем психологе от бога, Роттене Моргане. Юлий Задорожный, Егор Пасько, разве можно забыть их произведения, которые никого не оставят равнодушными. Воистину, они мастера короткого рассказа. А назовите хоть кого-то, кто не восхищался красотой Алины Миорай, Елизаветы Кекиш и Оксаны Ткаченко. И мы сейчас говорим не только о произведениях.

Всех не перечислить. Но мы хотим сказать вам все большое спасибо за то, что вы с нами. Мы любим и ценим вас.

Всегда ваша, редакция PS

.....

Журналу «P.S.» уже 4 года! На первый взгляд, совсем детский возраст. Но для интернет-издания — это своего рода большое путешествие в мир литературы. И я от всего сердца поздравляю «P.S.» с праздником! Желаю долгих лет жизни, процветания, счастья!

Моя первая публикация в литературном интернет-издании «P.S.» состоялась в июле 2014 года. Здесь я дебютировала с рассказом «Среди лета», что было в тот период весьма символично. Хотя мой пер-

вый настоящий литературный дебют произошёл гораздо раньше. Я думаю, что для каждого писателя определённое произведение имеет собственную ступеньку на лестнице жизни, состоянии души и сердца. Поэтому литературный труд продолжает жить на каком-то метафорическом уровне благодаря волшебному прикосновению автора. С большим интересом я читаю поэтические и прозаические работы, публикуемые в «P.S.». Интересные рубрики, подборки новостей, авторские материалы – всё выстроено с правильной, грамотной подачи редакции журнала. И в первую очередь большая заслуга в этом главного редактора «P.S.» Александра Викторовича Маякова. Интернет-издание постоянно развивается, добавляя яркие краски как на страницы «P.S.», так и в жизнь его авторов. Я имею в виду различные конкурсы, и, в частности, конкурс красоты «Мисс PS», в котором я принимала участие осенью 2015 года, и получила огромное количество приятных отзывов не только о красивом содержании моих книг. Поэтому я выражаю особую благодарность всем читателям журнала «P.S.», который, я надеюсь, будет продолжать нас радовать творчеством ещё многие годы. Удачи!

Оксана Ткаченко,
писатель, журналист

.....

Постскрипtum. Post Scriptum... По русски ЗЫ. Замечу Ышшо) Шучу) Но замечу... Почему что-то действительно путное приходит к нам в голову уже после того, как было сказано основное, казалось бы, главное и нужное? Почему мы так часто устраиваем «разбор полетов» событиям, в которых повели себя не так, как нам самим бы хотелось? И разве каждый из нас не мечтал бы хоть раз о том, чтобы вернуться назад и переписать историю своей жизни с того или иного момента?

Для тех, кому даровано Перо в жизни, Бог или Дьявол открывают маленькую лазейку. Мы можем воплотить в жизнь... пусть на бумаге, но действительно осуществить то, что сами не в силах исправить или же изменить; вложить в уста наших героев именно те слова, что были нами не произнесены в жизни, наделить их теми качествами, которые самим бы хотелось иметь. И дописать вовремя то самое ценное и особенное, без чего образ сущего мог бы остаться неполным, нанести финальный мазок, сделать последний штрих, поставить последнюю точку... или же многоточие, как право признания в том, что нет предела в стремлении к совершенству.

Post Scriptum... P/S, после написанного... если продолжить думать в этом направлении, то именно в этих двух маленьких буковках возможно уловить саму суть сладких мук творчества, саму соль человеческого бытия. Будет ли тебе что сказать после написанного на смертном одре? И останется ли некий «Пост Скрипtum» после того, как ты покинешь к чертям этот мир?..

Вот я загнул, аж сам себя загрузил) Пусть это будет первым тостом) А теперь... Ну, вы уже догадались...

P/S

Мое знакомство с этим замечательным журналом и с не менее прекрасными людьми, которые стоят у его руля, началось со скандала) Черт дернул меня как-то раз написать статейку о том, почему я недолюбливаю ватников и совков. Журналу тогда за меня влетело. Ресурсу P/S на МИРТЕСЕН было отказано в статусе «Доверенный». Но это не только не только не сделало меня персоной нон грата, но и, напротив, сблизило, сдружило с Надин Ривс и Александром Маяковым. Они встретили неприятности со смехом и поздравлениями в мой адрес. В каком еще журнале такое возможно? В тот момент я проникся к этим людям глубоким уважением, которое испытываю и по сей, нынешний день.

А потому второй тост, суть послесловие мое будет за то, чтоб со страниц интернета журнал Пост Скрипtum шагнул в мир реальный и сделался одним из самых лучших иллюстрированных глянцевого издания в нашем чокнутом мире) С четырехлетием, ребята!)

WD

.....

Дорогие создатели, авторы и читатели журнала!

От всего сердца хочу поздравить всех нас с Днем рождения "P.S."!

4 года стабильности и развития - это важный и большой результат, которого команда редакции достигала с непреодолимым упорством и с огромным желанием. Я хочу пожелать вам неиссякаемых сил и креатива, хорошего бизнес-роста и еще больше преданных талантливых авторов и благодарных читателей.

Ура!)

Диана Вольз

.....

В этом году журналу "PS" исполняется 4 года. Мне бы хотелось от всей души поздравить редакторов и читателей журнала с такой, пока что, не круглой, но уже довольно внушительной датой. 4 года! 4 года стараний, творчества и трудолюбия. 4 года безвозмездного труда, который на самом деле значит для нас всех очень много и не требует материальных оценок! Однозначно, я питаю чувство гордости и уважения, поздравляя команду "PS", ведь осознаю важность их трудов; трудов - которые не дают умереть современной литературе, ко-

торые поддерживают каждого из нас, которые вселяют в нас вдохновение, желание - творить и читать. Ведь большего нам всем и не нужно. С днем рождения, "PS"!

Морган Роттен

PS. журнал...Что могу сказать об этих ребятах.

Знаком с данным коллективом уже достаточно давно, года три точно, и дабы не лить лишней воды просто скажу. Огромное спасибо ребятам за то, что они делают! Помогая поэтам раскрыть свой потенциал, творчество, раскрыться как личность. Лично мне они в этом очень сильно помогли. Так что, еще раз, Спасибо что ВАШ журнал существует. Вы действительно делаете нужное дело, СПАСИБО вам.

Евгений Белый

Журнал, когда он только-только создавался, представлялся для меня интересным проектом и в то же время больших ставок я не делала. Основными и самыми деятельными создателями были Яна Янурова и Александр Маяков, я тогда была взята как знакомая и соавтор Яны (с соавторством тем тоже своя история). Будучи третьей силой журнала, а так же человеком знающим других пишущих людей лично, я стала рекламировать им журнал и зазывать публиковаться у нас. Кто-то принимал мое приглашение и присылал рассказы и стихи, кто-то игнорировал (сейчас удивляются, чего я молчу, а я два раза не предлагаю, да и свято место пусто не бывает). Постепенно авторы сами стали нас находить, и уже мы не ищем авторов на публикации, они у нас расписаны чуть ли не на год вперед.

И вот когда журнал наш был маленьким и авторов мы еще искали, Яна покинула наши ряды.

И во главе журнала остались мы с Сашей. К тому времени мы уже успели подружиться и сойтись во взглядах на журнал и на жизнь вообще. Так что проблем с дальнейшим руководством не возникло.

PS дал мне возможность общаться с потрясающими, талантливыми людьми, учиться чему то новому, узнавать и открывать мир через литературу молодых авторов, которым есть что сказать. И это на самом деле великолепно. Некоторые авторы стали уже друзьями, с которыми можно общаться и советоваться в вопросах творчества, помогать друг другу за пределами электронных страниц журнала.

Я считаю, что наш журнал стал вполне самостоятельным миром, с его постоянными обитателями и гостями, где жизнь идет и развивается, меняется.

Надежда Леонычева
Старший редактор

Четыре года журналу. Думаете, я буду рассказывать о том, какой у нас замечательный журнал? Нет! Я четыре года работаю в женском коллективе. Четыре года в женском коллективе, Карл! Дурдом? Нет, все не так ужасно, как рисуется. Возможно это потому, что мы работаем удаленно и не видимся каждый день. Да и коллектив у нас не столь большой. Из мужчин только я и Максим. Но, увы, Макса поглотила рутина семейной жизни и появляется он редко. Поэтому с прекрасной половиной редакции я остался один на один. Надя,

Лиза, Расима, Элина, Катерина, все они разные. У них разные взгляды на жизнь, разный опыт, как жизненный, так и профессиональный. И я им очень благодарен за работу в нашем издании. Особенно я благодарен Наде. С ней мы не просто работаем в издании, с ней мы настоящие друзья. У меня даже нет таких друзей среди мужчин. С Надей мы можем обсуждать такие темы, которые не всегда мужчины обсуждают друг с другом, не говоря уже о том, чтобы разговаривать о таких вещах с женщиной. И все это произошло во время работы над журналом.

И самое интересное то, что среди авторов тоже больше женщин. Я имею ввиду постоянных авторов. Диана Вольз, Инна Ньюсман, Алина Миорай, Оксана Ткаченко, Александра Метфор, Елизавета Кекиш, Хиль де Брук (да, это девушка!). Вот сколько у нас постоянных авторов мужчин? Евгений Белый - раз, Алексей Мухин – два, Вадим Доннерветтер – три, Роттен Морган - четыре. Четверо мужчин и... дам считать не будем. И это еще не все! Не так давно к нам пришла Надежда Глебова. Пока что её произведения всего лишь в листе ожидания, но она уже активно участвует в жизни журнала: приняла участие в конкурсе красоты «Мисс PS 2016» и акции «Девушка с обложки». Кстати, на правах рекламы, дорогие дамы! Мы перенесли конкурс красоты «Мисс PS» на весну! Не упустите шанс! Так же мы ввели акцию «Девушка с обложки». Отныне любая читательница может стать лицом нашего журнала!

Мои слова должны были выглядеть как какая-то жалоба на тяжелый труд в дамском кругу. Сказание про непостижимую мужским умом женскую логику. Отнюдь! Работать в женском коллективе легко и приятно. Никакой это не террариум, как кто-то говорит. Ну, может тому кому-то не повезло, и он попал в террариум. Я же попал в цветник, ей богу!

На этом все, еще раз спасибо за то, что вы с нами.

Главный редактор, Александр Маяков.

Рецензия

Уважаемая госпожа Н. Так получилось, что я ознакомился с Вашим творением, я бы не побоялся сказать, монументальным трудом. Именно объём вашего произведения привлёк моё внимание. Буду с вами откровенен, за всё то немалое время, что я занимаюсь издательским делом, мне не доводилось держать в руках такого количества рукописных страниц. Я был буквально раздавлен их массой! Пока я не собрался с духом, и не принялся за чтение, я предположил, что кто-то решил переписать от руки всё собрание Российской государственной библиотеки, но осознав всю тщетность своей затеи, остановился на половине пути. Признаюсь, над первой страницей вашей рукописи я просидел немалое время, подобно Жану Франсуа Шампольону, расшифровывающему знаки Розеттской плиты. Поистине, это были часы редчайшего наслаждения! Словно приступая к составлению иероглифической азбуки, устанавливая соотношение между иероглифическим письмом и демотическим, а также между ними двумя и еще более загадочным третьим, иератическим, я разбирал Ваш почерк, как прилежный ученик, радуясь каждому узанному слову.

Через несколько дней мне удалось прочесть несколько страниц вашего романа, правда, значение некоторых слов так и остались для меня неразрешимой загадкой, в следствие Вашего несколько вольного обращения с общепринятыми правилами грамматики, но в тот момент это не имело серьёзного значения, так как, ваш своеобразный стиль изложения, первое время, пока я к нему не привык, не способствовал пониманию, того, о чём вообще идёт речь. Зато, когда я сумел разобраться в элитарности манеры Вашего письма, я смог насладиться Вашим удивительным умением заострить внимание читателя на мельчайших подробностях быта героев романа.

Благодаря лишь знакомству с Вашим творчеством, тайнопись медицинских заключений и рецептов перестала быть для меня тайной... Но извините, я отвлёкся.

Лично на меня произвело неизгладимое впечатление описание утренних процедур Аделаиды (38-54 глава), уверен, этот эпизод не оставит равнодушными будущих почитателей Вашего таланта. Описание же страданий Вальдемара, причиняемых ему межпозвоночной грыжей (глава 87- 123), дове-

ли меня до слёз, заставив со всей серьёзностью озаботиться состоянием собственного здоровья. Впрочем, это личное.

Моей непростительной ошибкой было то, что я, по многолетней привычке, начал читать вашу рукопись с синопсиса. Только этот промах стал причиной того, что я так задержался с ответом. Видимо, Вы перепутали синопсис с рерайтингом, я это понял на 247 главе, собственно, самого романа, когда Аделаида, которую Вы в синопсисе представляете как Алевтину, согласилась показать

Альберту (Вальдемару) щиколотку, тогда, как в синопсисе тот умолял приподнять рукав платья выше локтя. Особо хочется отметить скрупулёзность, с которой Вы описываете личные вещи Аделаиды. Было очень интересно и познавательно читать об устройстве и способах применения щипцов для завивки волос (глава 56, стр. с 54-89).

Плавное течение повествования Вам удалось оживить интригой. Красной нитью, пронизывающей роман с начала и до конца, в лучших детективных традициях, проходит тема таинственного исчезновения с туалетного столика Аделаиды пластмассовой фигурки негрятёнка. Переживания герои-

ни, связанные с пропажей вещи, обоснованные, как выяснилось позже, подозрения в причастности к этой истории Вальдемара, сложная гамма чувств, испытываемая Аделаидой, её мучительные метания между всё возрастающей симпатией к нему, и желанием справедливого возмездия за покушение на её собственность, необходимость поделиться своими подозрениями со следователем, занимающимся этим запутанным делом, заставляя сопереживать героине, и вместе с ней сделать непростой выбор между робко зарождающейся любовью и гражданским долгом. Неопределённость ситуации, несомненно, будет держать читателя в напряжении всё время. Наградой же, за переживания о судьбах геро-

ев, красочное полотно непростых отношений которых Вы обрамили фактурной глиптикой характеров близких и дальних родственников, друзей, сослуживцев, малознакомых людей и просто прохожих, а также котиков и собачек, что несомненно, придаёт роману содержательность и глубину, будет неотвратимо счастливый конец.

Эпилог же (стр. 1687-2171), вкратце осветит в памяти читателя все перипетии романа, и наконец, даст ответы, оставшиеся за скобками, на все животрепещущие вопросы, которые возникли в процессе прочтения книги. В частности: кто же всё-таки похитил фигурку негрятёнка?

Надеюсь, вас это не огорчит, но я пишу Вам уже, как частное лицо.

Главный редактор нашего издательства несправедливо посчитал, что те полтора года, что я читал Ваш роман, потрачены мною впустую. Но что значит моё увольнение, по сравнению с тем, что мне посчастливилось припасть к неиссякаемому роднику Вашего таланта.

С наилучшими пожеланиями, бывший заместитель главного редактора издательства «Краткость - сестра таланта» Мукочтеев А. В.

P.S. Если Вас не затруднит, копию продолжения вашего романа, где ставшие мне почти родными герои, наконец-то, признаются друг другу в своих чувствах, вышлите на адрес...

Автор: Андрей Григорович

Монашьярские сырассни

Часть первая

Эта статья была написана в главе «Великие мистификации». Я решила ее выделить отдельно, надеясь, что она не останется незамеченной. Может быть, мой опус дойдет до «любимой святой обители». Там меня узнают. Привет всем сукам и стервозам!!!

Я полгода прожила в православном монастыре, и еще полтора года часто посещала обитель и поддерживала отношения с ее насельниками. Сложилось так, что я оказалась в самой гуще монастырских событий и тайн. Писать правду о монастырях и религии не безопасно. Если правда выражается общими фразами и собственными измышлениями, то никто преследовать вас не будет. Болтайте сколько хотите! Но материал, который намереваюсь изложить, церкви, явно, не понравится. За такие сведения и откровения не только предадут анафеме, но и стараются утопить в дерьме. Церковь очень поднаторела в возведении поклепов. А также она имеет достаточно мощные рычаги давления на людей. Но, волков бояться – в лес не ходить. А я пойду. Итак.

Прежде всего, уверяю, что я не атеистка и не

марксистка-ленинистка.

При этом, я не религиозный человек, и не ищу новых «правильных» верований и, тем более, не собираюсь создавать и распространять иные, «мудрые», учения.

История религии – это самая грандиозная мистификация среди всех мистификаций на планете Земля. Масштабность религиозного дурмана (любого вероисповедания) просто поражает. Само понятие – религия – столь обтекаемо и обширно, что позволяет включать в себя совершенно разные, порой противоположные взгляды и идеи. Истолкование этого термина в словарях сводится примерно к такому объяснению: Религия – это одна из форм общественного сознания, совокупность духовных представлений, вера в сверхъестественные силы, в богов и поклонение им. А также – святыня, набожность, мировоззрение и мироощущение, специфическое поведение, культ. Исторические формы развития религии: племенные, государственные, мировые. Поскольку религиозная идеология обтекаема и туманна, то на ее фоне прорастают разные структуры, манипулирующие сознанием масс. И уже не ясно, что первично, а что вторично в данном

процессе: то ли создавалось религиозное мировоззрение и к нему прилипло манипулирование, в целях подчинения масс отдельным личностям и группам; то ли ради манипулирования массами создавалась сложная идеология, способная обеспечить подчинение толпы.

Отношения человечества с религией напрямую связаны с политической идеологией сообществ. Одни «ценности», поддерживая другие «святости», причудливо переплетаются в своих интересах. А главный интерес для столь, казалось бы, отдаленных друг от друга областей человеческого бытия – обман, посредством которого подчиняется воля огромных масс. Конечно же, не только я это понимаю. Но мой взгляд на этот предмет имеет свои особенности, потому что это взгляд не сверху, не со стороны, а изнутри проблемы. Мне есть, что сказать весомое.

Читая культовые тексты, любой религиозной концепции, в здравом уме и рассудке (не будучи приверженцем никакой из доктрин), не возможно не заметить массу противоречий, которые перемешаны с откровенной дуростью, унижением человеческого достоинства и свободы личности. Некоторые те-

зисы поражают откровенным хамством. Как может здравомыслящий человек все это «проглотить»? А очень просто! Вся несурязица и явная ложь привязываются к определенным человеческим ценностям. К мудрым притчам приклеивают дикое самодурство. На благородные цели навешивается мерзость. К своду обоснованно правовых законов добавляется требование о бездумном подчинении и смирении. Я не стану приводить многочисленные цитаты из «священных» книг, в доказательство своих слов. Они всем известны. Их давно замусолили. Кратко упомяну лишь некоторые. У меня закипали мозги, когда я прочла изречение Иисуса о том, что он не мир принес, а меч! Он еще много чего странного сказал. И то, что разделит отца и сына, мать и невестку; и то, что родные – враги. Святые отцы Старого Завета не гнушались обманом. Страх за собственную шкуру принуждал выдавать жену за сестру. Жену могли подарить, как презент. Ради обладания чужой женой, некий старозаветный благочестивый ценитель женской красоты мог отправить ее мужа на верную гибель. Да что там мужа на гибель отправить! Ради достижения своих целей с именем бога уничтожались семьи и целые народы. Евреи, считающие себя избранными, стерли с лица земли население города, пожелав присвоить понравившиеся

территории. Беспринципность и безнравственность описываемых в библии историй просто зашкаливает. К примеру, отцу надлежало убить любимого сына, выражая свое смирение и подчинение. А чего стоит уничтожение младенцев по приказу Ирода? Но все это «мелочи», по сравнению с дикостью главной доктрины всего христианства, согласно которой, Бог Отец, приносит Сына своего в жертву, ради спасения человечества, которое обречено убить ЕГО Сына, чтобы жертва состоялась. Не дикость ли, что бог приносит жертву? Пристало ль БОГУ жертвовать? И кому ОН, САМ БОГ, приносит эту жертву, обрекая человечество на страшный грех?! Вы хотите узнать, каким образом кровь Иисуса отмывает человечество, убившее Иисуса, от грехопадения? Не вопрос! Вам ответят так витиевато и запутанно, что и вовсе крышу снесет. А разве может быть сим деяниям и теориям здоровое объяснение?! Я привела лишь некоторые положения из библии. Тексты других религий также наполнены дуростью, только на свой лад. Перечислять все абсурды можно долго. Дело в том, что они не случайны в «святых» текстах. Они там главные. Это то, что должны принять адепты, той или иной религии, безоговорочно. Вот когда произойдет безоговорочное принятие всего этого сумасбродства, тогда

адепт созрел и делай с ним, что хочешь. Для этого фальшь упаковали в оболочку общечеловеческих ценностей. Для этого реальные события (с чудесами и без чудес), те которые действительно являются частью истории человечества, смешиваются с вымыслом, с откровенной ложью.

Во всем этом мракобесии есть главная составляющая, посредством которой, вполне нормальные люди подсаживаются на религиозную «иглу» – это манипуляции с сознанием. Манипулируют человеческим сознанием не только в сектах. Этим грешат все, без исключения, культы, и главные узаконенные религии мира, в том числе. Некоторые манипуляции более жесткие и крутые, некоторые – более завуалированные и хитрые. В любом случае, все верующие, к какой бы религии они не принадлежали, являются зомбированными. Все культовые тексты написаны с определенной последовательностью предложений, слов и понятий; все молитвы читаются в специально разработанном ритме; все службы проводятся в намеренно обусловленных повторениях молитв и ритмических действий. Вы прочли, прослушали, просмотрели и, в зависимости от личной гипнабельности, очень быстро или не очень быстро, подсели на «иглу». Наркома сложно вернуть к здравому смыслу жизни.

Психологические наркоманы никаких доводов и разоблачений не признают. Вывести их из одурманенного состояния очень сложно, поскольку одуроченные таковыми себя не чувствуют. Но должно же общество когда-нибудь выздороветь! Надежда только на чудо...

Конечно, мои откровения не исцелят народные массы. Но если помогут кому-то не сделать опрометчивый шаг, значит, не напрасны мои старания.

Прежде чем изложить главную, по моему мнению, составляющую самого масштабного мирового обмана, хочу рассказать коротко о монастырской жизни, так как она отражает если не все, то многие процессы религиозного мировоззрения и движения в целом. Писать буду, в основном, о христианстве, поскольку его идеология мне более известна.

После многих перипетий в своей жизни, я продала дом, который некогда собственноручно строила вместе с мужем, и отправилась в далекий монастырь. Что же собой представляет святая обитель? Итак:

Жизнь в монастырях пакостная, мерзкая и грязная в прямом и переносном смысле. А вся дрянь этой жизни прикрыта блестящей церковной мишурой и краснобайством священников. Словоблудию батюшек в рясах обучают профессиональ-

но. Священник обязан иметь хорошую память, звонкий голос, обладать артистичностью. На все вопросы верующих, возникающие вследствие противоречий в «священных» писаниях, батюшки имеют заведомо заученные ответы, и умение красиво и виртуозно выкрутить из неудобной темы. Многие из них поднаторели в нейролингвистических техниках. Я лично столкнулась в монастыре с архимандритом, который владел гипнозом и кодировал людей, без их ведома и согласия. Хотя, официально православная церковь выступает против таких практик, тем не менее, они применяются довольно широко.

Причин, приводящих людей в монастыри, множество. У каждого своя, индивидуальная история. Но можно выделить несколько главных. Одна из них – экзальтация, которая часто возникает под воздействием чтения жизнеописаний «святых» старцев, «провидцев». Человек, который попал под огонь церковного влияния, начитавшийся «священных текстов», мудрых притчей, особенно если он молод и не искушен, наполняется неким воодушевлением и желанием пройти благочестивым путем. Зачастую такое желание подпитывается тайной мыслью о достижении святого нимба над собственной головой. И в монастыре появляется новый адепт. Такие эк-

зальтированные новички поначалу терпят все монастырские прибабасы, добиваются пострига, молятся, стараются выполнять устав новой жизни. Выносливым довольно долго хватает терпения, иные ломаются быстро. И начинаются личностные трагедии.

Расскажу историю одного парня, чья жизнь была преднамеренно изувечена религиозным влиянием его святейшества патриарха Всея Руси Алексия. Алексей в начале нового века совершил несколько поездок в Украину, где принимал участие в храмовых богослужениях, а также провел ряд встреч с молодежью. На одной из таких дискуссионных бесед он раздавил своим авторитетом и психологической подготовкой молодого паренька, как личность, и сломал ему жизнь.

Вырос Иван в небольшом городке, в благополучной, достаточно обеспеченной семье верующих. С детства его приучили читать библию и ходить в церковь. Парень был неглуп, хорошо учился в школе, после окончания которой, уехал в большой город и поступил в университет. Здесь произошла переоценка многих ценностей, заложенных Богомольными родителями в его голову. Иван много читал философских трактатов, в том числе и религиозной тематики. Если он и не стал атеистом, то детская его

вера обрушилась. У парня появились новые интересы в жизни. Иван намеревался окончить университет с красным дипломом, получить хорошую работу, жениться, иметь детей. Он упорно к этому шел. За год до окончания вуза Иван влюбился и женился. В общем, все было в ажуре. Но тут приехал патриарх. Иван пошел на встречу. Он подготовил ряд вопросов, которые ему давно наболели. Не зря же он корпел над книгами, не зря же он так настрадался, раздумывая над всеми библейскими непонятками. Иван решил сразиться с Алексием. Он был хорошим парнем, но амбициозным. Вот и пришел на дискуссию.

Куда тебя Ванька занесло?! Мало ты читал, коль не знаешь, что такие дебаты даже среди маститых проповедников и их оппонентов никогда не заканчивались выяснением истины. И точка в споре не поставлена. Потому что все эти словопрения – сплошная демагогия. Скажи то – не знаю что. Ну а люди в расшитых рясах так поднаторели, что тебе, несмышленишу, и не снилось. Его святейшество прошло такую школу – университетам не чета.

Итак. В зале собралось студенчество. После непродолжительного диалога Алексий любезно согласился отвечать на вопросы. Вопросы были разные. Кто-то спрашивал с подобострастием, кто-то с недоверием. Патриарх отвечал кратко и мудро. На-

конец дошла очередь до Ивана. И тут началось. Иван сыпал цитатами из библии, перемежая их высказываниями знатных мыслителей, разбирал по косточкам все нелогичности библейских сюжетов, негодовал по поводу обманов и распрей ветхозаветных старцев. Патриарх, с прищуренными пронзительными глазами, спокойно и уверенно отвечал на каждый каверзный вопрос.

Эх, Ванька! Все цитаты давно разобраны на буквочки. Если что-то не срастается в «новом завете», так найдется нужная мудрость в «ветхом». Коль же грешит непонятным высказыванием или требованием «старый завет», так «новый» опровергнет беззаконие. Чего спорить-то? О чем? О том, что априори не имеет доказательств и сводится лишь к словоблудию. Но Ванька спорил с азартом и блеском в глазах. Его самооценка раздулась. Ведь он втянул в дискуссию самого патриарха всея Руси! На Ивана шикали однокурсники, но он не останавливался. И тогда Алексий, ответив на очередной вопрос, жестом руки властно остановил Ивана.

- Молодой человек! – сказал он. – Вопросы хотят задать и другие присутствующие в этом зале. Негоже лишать их такой возможности. А с вами мы продолжим беседу после.

Встреча закончилась. Молодежь покинула зал. Но Ванька остался. Бежал бы ты, детка, к мо-

лодой красавице жене. Но нет... Ивана проводили в комнату к патриарху. Алексий говорил не долго. Ему, психоаналитику, нейролингвистике, не требовалась длительная беседа, чтобы из строптивого Ваньки, у которого амбиций полные штаны, сделать послушного зайку. Как только Иван предстал перед его патриаршим взглядом, Алексий сразу взял инициативу в свои руки. Его святейшество похвалил Ваньку за начитанность, за знание священных писаний, за вдумчивость. Сказал, что церковь очень, ну просто очень-очень, нуждается в умных, грамотных людях, таких, как Иван. Именно они, молодые и даровитые – будущее православной церкви. Церкви требуются талантливые лидеры. Иван имеет все шансы стать таким лидером, только при одном, всего одном условии – Ивану надлежит усмирить свою гордыню. И он, патриарх Алексий, приглашает Ивана уехать вместе с ним в новую жизнь. Жизнь, посвященную богу. Для этого нужно мужественно решиться оставить все бречное. На раздумье Ваньке давалось время до утра. Потому что утром следующего дня патриарший кортеж отправлялся в Москву. Ванька должен был решить свою судьбу в течение вечера и предстоящей ночи. На самом же деле, судьба его была уже решена и предрешена, с того момента, когда он посмел спорить с самим патриархом.

Ванька примчался в комнатку общаги, где его ждала красавица жена, и на одном дыхании выпалил ей весь свой восторг. Завтра он, простой парень Ванька, поедет вместе с самым патриархом аж в Москву, покорять духовные высоты служения богу. Жена, конечно же, должна простить. Придет время, и она будет гордиться, что некогда знала Ивана. Слава богу, что детьми они еще не обзавелись. Иван собрал небольшую сумку. Зачем ему теперь лишние вещи? Все бременное требовалось оставить. Жена рыдала и как за соломинку хватаясь, показывала незавершенную преддипломную работу мужа. Просила окончить университет, надеясь, что у Ивана будет время подумать. Но за Ваньку уже подумал патриарх. Родителям Иван позвонил лишь утром и сообщил потрясающую новость. Их единственный сын решил принять постриг. Приехать до отъезда кортежа у них не было шанса. Ведь Ваньке патриарх сказал, что лишние проводы и слезы не нужны. Университет гудел. Патриарх был доволен. Это был красивый реванш над выскочкой. Теперь этот сопливый «мудрец» смиренно с сумочкой через плечо сел к его машине. Вот и разрешен весь спор. В машину патриарха Ваньку не посадили. Он ехал в составе свиты. Кортёж мчался с ветерком. В одном из монастырей сделали остановку. Патриарх отдохнул,

вкусно оттрапезничал, разомлел и позвал Ивана.

- Ты, сынок,- сказал ласково,- здесь останешься. Теперь это твоя обитель, а ты мое чадо. Учись смирению и терпению. Знай, я за тобой слежу. Не ропщи, и мы еще встретимся. Помни, о чем я тебе говорил.

На этом знакомство Ивана с патриархом закончилось. По велению святейшества Ивана постригли в иноки в течение трех дней пребывания в монастыре. Алексия он больше не видел. Мавр свое дело сделал. Алексей никогда не интересовался, как живет его чадо. В церковных кругах шла своя борьба и возня. Вскоре Алексей умер. Пришел новый лидер. Об Иване и его дарованиях он и вовсе ничего не слышал. Где-то далеко от родного городка и также далеко от Москвы, несет свою службу инок, а может уже монах. Я не знаю, как он себя теперь чувствует и что думает.

Разочарование приходит, если не ко всем, то ко многим после пострига и смирения. Некоторые сбегают. Что, в общем, есть самым разумным в таких ситуациях. Разумным, но не безопасным. Монастыри умеют преследовать непослушных. Преследование носит завуалированный характер. Во первых, всех новоиспеченных монахов и монахинь предупреждают, что уход из монастыря после пострига грозит им карой небесной. Ворота, мол, открыты. Никто никого не

держит силой. Но наказание божье настигнет. При этом рассказываются страшные истории, случившиеся с теми, кто посмел после пострига покинуть «святую» обитель. Кто-то неизлечимо заболел, кто-то умер, кто-то остался без крова и т. д. Многие из историй вовсе не выдумка.

Монастыри очень влиятельные образования и свои щупальца простирают во все сферы общественной жизни. Церковники имеют тесные связи с социальными структурами – юридическими, медицинскими, общеобразовательными. А высшие чины в рясах водят особую дружбу с высокими должностными лицами. И в этой дружбе вера в бога или отсутствие оной не играют никакой роли. Эта дружба основана на взаимовыгоде. Церковнослужители, при надобности, всегда получают нужный юридический, медицинский документ. Докажут свою правоту в скользких делах. Особенно много таких дел в сфере недвижимости. Мирские же чиновники, находят в церквях свои интересы и не малые. Существуют некие схемы

«благотворительности». Большую роль играет численный электорат верующих, «правильно» ориентуемый батюшками и матушками. Через монастыри проворачиваются большие финансовые аферы. Если кому-нибудь из искателей правды случай-

но выпадет «честь» знать подробности таких схем, то такому «счастливчику» нужно срочно заказывать черный «чемоданчик». Конечно же, никто из священнослужителей высокого ранга, свои «святые» ручки не пачкает. Исполнителей у церкви, особенно у монастырей, предостаточно. Приказ выполнить то или иное поручение спустится по виртуальной лестнице «избранных», и поступит в уши исполнителя от некоего дяди Вани или тети Мани. В особых случаях есть и более экзотические способы выполнить «волю небес». Об этом расскажу ниже. При такой взаимовыгоде и взаимовыручке, тесно взаимодействующих религиозных и светских структур бороться против них за права и правду равносильно самоубийству. Думаю, что мне уже нечего бояться. К тому же я ведь мистик. И все мои дознания строятся на мистических историях. Кто им поверит?

Если кто из монастырских насельников, принявших постриг, наживал пятами, то вряд ли ему удастся избежать встречи с исполнителями. Наказание он получит соответственное своему статусу в монастыре и осведомленности о делах церковных.

Почти одновременно со мной в обитель Х (так я буду называть монастырь, в котором жила) пришла одинокая женщина, одна из восторженно

(несмотря на свой почтенный возраст) настроенных адептов. Вскоре она благоговейно приняла постриг в инокини. А спустя несколько месяцев ужаснулась реалиям окружавшей ее действительности и решила бежать. Вышла за монастырские ворота и потопала на вокзал, поскольку приехала из другого города, где у нее имела квартиру. До вокзала не дошла. С ней поговорили. Вернули. В следующий раз она выбиралась окольными путями. Когда в монастыре обнаружили пропажу, послали гонцов на все вокзалы. Но упустили. Баба таки уехала. По дороге, видимо, радовалась освобождению, потому что не знала о ждущем ее сюрпризе. С момента пострига, она уже не являлась владелицей своей квартиры, которую, якобы, продала некоей особе. После квартира была перепродана. Кому достались деньги? Догадайтесь сами... Монастыри делают такие дела чужими руками. Они, как бы, ни при чем. Документ был подписан собственноручно новоиспеченной инокиней, только она не знала, что подписала такой документ, который был составлен по всем юридическим правилам. Где она скитается? Ищет правды в других обителях? Тщетно. Это один организм. Вот вам и пример, как наказание настигло бабу, посмевавшую ослушаться. Наказать сбежавшего из монастыря - обязательное

условие. Это система запугивания, которая должна выглядеть мистически. Как иначе удержать тех, чьи надежды оказались обманутыми? Разочарование, рано или поздно, настигает всех, кто пришел на волне экзальтации.

Но есть и другие причины, приводящие людей к монастырским вратам. Самые распространенные – неудачно сложившаяся личная жизнь, одиночество, страх перед старостью. Если эти факторы сопровождаются приверженностью к церкви, ее обрядам, то вполне могут вызвать желание покинуть мирскую жизнь и найти тишину, спокойствие, божью любовь и благодать за высокими монастырскими заборами. Чаще всего такой мотив сопровождает в обитель людей старшего возраста. Их принимают, вскоре стригут в инокини, в монахини, обирают до нитки и делают послушными рабами. Старые люди более смиренные и редко покидают монастыри. Да и куда им деваться? Они жалуются богу на несправедливости и потихоньку едут мозгами. Изредка, некоторые, особо рьяно верящие в писания, начинают воевать с монастырским начальством, обрекая себя на несносную жизнь. Их втаптывают в грязь. Именно такое положение становится для престарелых полумудрых соискателей «правды» некоей целью их существования. Ведь согласно религиозной доктрине, чем больше тебя

гнобят, уничижают, и чем больше ты смиряешься при этом – тем больше зарабатываешь божьей благодати. А там, смотри, наберется этой благодати на целую святость! Может оно так и положено в монастырях, если бы не мерзость, сопровождающая монашеское «святое» житие-бытие. Особенно в этом отличается молодежь. Разочаровавшись в «святых» идеалах молоденькие инокини и монашки, не имеющие воли уйти, потеряв общественно-социальную адаптацию, начинают приспосабливаться к монастырским реалиям. Воля их подавляется техниками зомбирования и запугивания. Большинство из них остаются, в принципе, верующими людьми. Только их вера начинает носить какой-то странный характер. В маленьких подавленных головках рождаются свои альтернативные взгляды на понятия о нравственности и порядочности. В монастыре широко бытует утверждение: чтобы монах не делал – он уже заранее прощен господом, потому что жил в святой обители. Большая часть насельников монастырей, искренне верит, что, коль, жизнь их, мягко говоря, нелегка, то и прощение ими заслужено. Этот постулат – главное самооправдание всем паскудствам, которые творят люди в рясах. В монастырях процветает наущничанье, воровство, поливание друг друга грязью, подлые подставы, и самое отвратительное –

это лесбиянство и гомосексуализм. Этим грешат не только христианские монастыри, но и иные однополое сообщества закрытого типа, как добровольного, так и принудительного характера. Я во все не хочу сказать, что каждый, из живущих в таких сообществах, в том числе и монастырях, причастен к похабной развлекухе. Нет! Думаю, многие даже и не знают о подобном явлении у себя под боком. И все же, такое явление имеет место быть и оно широко распространено.

Монастырская братия очень разношерстная, и в своих нравственных качествах, и в своих пристрастиях. То о чем я сейчас пишу, это не субъективные выводы после пребывания в одном монастыре Х. Кроме личного знакомства с храмовым бытом у меня было достаточно встреч и бесед с разными людьми, прошедшими школу жизни в «святых» обителях.

Монастырская молодежь, после определенного срока проживания в ограниченном пространстве и коллективе, отрезвев от своих фантастических иллюзий, и болезненно ощутив, что жизнь проходит, начинает искать способы скрасить свое убогое существование. Образуются некие дружественные группки монашек, объединенные по интересам. Их количество и численность зависит от того, сколько молодежи проживает в монастыре. Интересы же

формируются согласно пристрастий, и способности наступить на горло собственной песне о непорочности христовых невест. Загулы молоденьких монашечек иногда поражают воображение. Я была свидетелем таких развлечений, поскольку три месяца жила в монастырском доме, где собиралась молодежь. Это был деревянный домик, отдельно стоящий от общего корпуса, в котором находилась ванная комната со стиральными машинами, кухня и несколько келий. Меня подселили в комнату к пожилой монахине, в остальных же помещениях домика располагались молодые девицы. По вечерам сюда же, под предлогом надобности постирать или искупаться собирались их подружки, живущие в общем корпусе. Поначалу ко мне отнеслись настороженно. Увидев это, я сказала соседкам, что им не стоит напрягаться в моем присутствии. Их жизнь – это их жизнь, а моя жизнь – это моя жизнь. Я пришла в монастырь с твердой директивой никого не осуждать, поэтому старалась не только не судить непристойное поведение монашек, но и понять их. Вскоре они перестали меня замечать.

Поздно вечером на кухне домика начиналось приготовление скоромной (как говорят монахи) пищи и ее обильное вкушение. Молодые девки, попросту, хотели есть и позволяли себе иногда оторваться. Небольшие

деньги у них водились. Игуменья каждый месяц выдавала мелкие суммы монашкам на необходимые нужды. Насельники имели право, испросив разрешение, сходить в город за покупками. Молодые же пользовались гораздо большими негласными привилегиями. И деньги им перепадало больше, и в город они бегали чаще, и работой их не загружали вовсе. Молодых берегут во всех монастырях. Они, так сказать, и украшение, и главные певчие в хоре. Монастырю без молодежи никак нельзя. Все должны видеть, что вера сильна и имеет будущее. А каким образом эту молодежь привязывают к «святым» обителям – никого не касается.

Монашки частенько веселились допоздна, а в особых случаях и до утра. Любили не только вкусно поесть, но и выпить. Некоторые баловались «веселой травкой» и хохотали до колик в животе. Устраивали праздники. Бывало, на вечеринки заглядывали мальчики в черных рясах. Как-то на зимние святки, когда времени у всех было много, в домике собралась немалая разнополая компашка. Ели, пили, потом запели. И пели, не что иное, как церковные песни! Пели ангельскими голосами. И до утра трахались. Не все из девиц становились в монастыре законченными лесбиянками. Некоторые предпочитали завязывать интрижки с любвеобильными батюшками. Иногда

к девочкам заглядывали и вполне мирские парни. Именно такие связи очень пресекались! Ничто не должно было вылезть за монастырские стены. Все происходящее в монастыре известно руководству. Работает система наушничества. Девочкам часто прощают «шалости», которые не выходят за пределы обители. Игуменья знает о проделках младшеньких «сестричек», но скрывает свою осведомленность, чтобы сохранить «достойное» лицо. А в случае шумного скандала, она, ведь, ни при чем. Одна громкая история чуть не разразилась в монастыре Х. В монастырях всегда есть наемные рабочие. Один из таких – маленький, щуплый, рыжий, неженатый, верующий сорокалетний мужичок, втерся в доверие к молодым красивым монашкам и предложил им хороший заработок и незабываемое развлечение. И нашлась паратройка желающих. Сначала он устроил самодельную фотосессию для красоток, после которой появился альбомчик с целомудренными и пикантными фотками монашек. Дальнейший шаг состоял в том, чтобы эти фотки показать озабоченным мужикам, друзьям предпримчивого «бизнесмена». Рыжий придурок жил напротив монастыря и уже успел оборудовать комнату для тайных встреч. Дело набирало обороты. Но несмотря на всю засекреченность предприятия, руководству донесли о гото-

вящемся блудодеянии. Альбомчик изъяли. Мужичка вышвырнули, раскрыв о нем всю «правду». Вор, мол, он, и с бесами якшается. Девочек пожурили. Дело замяли. Мужичок этот, конечно, дрянь! Но девки-то были согласны!

Монахини почтенного возраста также не отличаются благопристойностью. Жить в маленьких комнатухах вдвоем, втроем не просто. А чужим людям в возрасте, со сломленными судьбами, со сложной психикой и с тараканами в голове – и подавно. Монашеский ненормальный уклад жизни делает людей невротиками, и вся старушечья вредность, обретенная с годами, в монастырях раздувается многократно. Здесь можно ожидать любой пакости – от мелкой до очень большой. Хорошему «другу» могут наплевать в тарелку, испортить одежду, подложить чужую вещицу и обвинить в воровстве. «Изысков» много...

Таковы отношения между насельниками. Конечно, монастырей много и каждый имеет свои особенности. В некоторых, не строгих обителях, жить свободнее и легче. Таким считается монастырь Х. Существуют обители с более жесткими порядками. Но жизнь в них протекает в том же русле, только более завуалировано

Автор: Абасада

Как жаль

Как жаль, что так не справедлив наш мир
Всем стервам достаются истинные парни,
В руках её он просто не любим,
Она играет с ним как в домино и нарды!
Как жаль, что так не справедлив наш мир,
Девчонки с теми, кто совсем не любит,
Несчастной стала после встречи с ним,
Не знала, что её он вдруг погубит.
Не могут просто взять так и сойтись,
Он настоящий и она с мозгами,
Боятся снова провалиться вниз,
Ведь, больно было всем, когда теряли.

Автор: Виктория Ерух

Нет выхода, лишь из могилы

Нет выхода, лишь из могилы!
Всё остальное ерунда!
Собрать в кулак лишь стоит силы,
Пройдёт любая вдруг беда.
И точно также в этом мире,
Недостижимых целей нет.
Работать, верить в свои силы,
Лишь это правильный совет.

Автор: Виктория Ерух

На свете нет случайных всерьез

На свете нет случайных встреч,
На свете нет случайных чувств,
Не всех мы можем уберечь
Всё очень зыбко, ну и пусть!
Когда сойдутся два героя
По виду разные совсем,
Мысль пролетит: «А может, стоит?
Или останешься ни с чем».

И встретятся огонь и воздух,
Она блондинка, он брюнет,
Голубоглазый он, серьёзный,
Ну и весёленький дуэт!
Она смешная карглазка,
Он лето, а она зима.
Наверно встреча эта сказка,
Так необычна и чудна.
И как-то жмёт в области сердца,
Наверно тает лёд с него,
Оно мечтает отогреться
И сохранить своё тепло.
Одно лишь сердце не обманет,
Оно подскажет верный путь-
Кого в своей жизни оставить,
А от кого и улизнуть.

Автор: Виктория Ерух

Как хочу в тебе я раствориться

Как хочу в тебе я раствориться,
Ощутить опять твоё тепло,
Как вином, хочу тобой напиться,
Чтобы стало на душе мне хорошо.
Я хочу обнять тебя крепче
И на ухо нежности шептать,
Знаю, что тогда мне станет легче,
Душу перестанет в клочья рвать,
А ещё, хочу тебя поцеловать,
Ощутить вкус сладких твоих губ,
Я мечтаю повернуть всё время вспять,
Верить в то, что где-то меня ждут.
Но мечтаем мы с тобой о разном,
Ты герой, а я хочу семью,
Твоя жизнь таит в себе опасность,
Каждый день, ты будто на краю...
Я хочу спокойный тихий вечер,
Телевизор, кофе и объятия,
Тёплый ужин, чтоб горели свечи,
Чтобы спорили о том, кто ел в кровати.
Да, я знаю, что мечтам моим не сбыться,
Не сойтись с тобою нам опять,
Но мне хочется в тебе лишь раствориться
И тебя лишь, одного хочу обнять.

Автор: Виктория Ерух

Билет в будущее

Ты лучший человек на свете!
Прекрасней в мире всех людей!
И попрощавшись на рассвете,
Хотела встретиться скорей.
Люблю тебя и это странно,
Хоть ты сейчас совсем не мой,
Я в чудо верить не устану,
Ведь потеряла свой покой.
В твоих глазах сияют звёзды,
Твоя улыбка дарит свет,
Вернуть нам всё, ещё не поздно
И в будущее взять билет.

Автор: Виктория Ерух

Брату

Брат мой, свет мой, стук услышь...
Сердца дверь в ночную тишь
Мне открой, к себе впусти,
Ссоры прежние прости!

Брат, биение сердец
Создал в нас один Отец,
Чтобы забились в унисон,
Жаром чувств прогнавши сон!

Брат мой, свет мой, нам давно
Место в Вечности дано,
Но полны мы суетой,
Брат мой, свет мой, дверь открой!

Мы для Вечности сердца
Распахнем, и Песнь Отца,
Воскресив любви мотив,
Петь начнем, сердца сроднив.

Брат мой, свет мой, о, впусти,
Чтоб нам вместе расцвести
В час рассветный наших душ,
Светом сердца тьму разрушь!

Автор: Цыплаков Петр

Возвращение к Отцу

О, дух мятущийся, постой,
Не во Всевышнем ли покой?
Есть Божий Свет в истоке лет —
На все тревоги в Нем ответ!

В том Свете — нежный Глас Творца:
«Приди, рожденный от Отца,
Ты так похож и не похож...
Я подожду, когда придешь!

Я подожду, когда в мирах
Ты вдруг узнаешь: Время — прах,
Если оно для нас с тобой
Не предстает Любви рекой!

Иль ты не помнишь — в Облаках
Миров творимых — твоих снах
Ты был Моей Любви лучом —
И мы творили все вдвоем!

И Я тогда же захотел
Создать тебе любви удел,
Чтоб ты и сам желал и мог
Растить своей любви цветок.

И ты тогда его растил,
Меня в Твореньи возлюбил,
Но темный замысел пришел:
«Творение — и мой престол!»

И вот блуждаешь ты в мирах,
Живишь их тьму, лелеешь прах,
Своею тешишься игрой,
Но не обрел ты в них покой!

О, отпрыск Вечности, заря
Твоих страстей восходит зря
Над прахом: той зари удел —
Недолгий век непрочных тел!

Любви ж потоки... Их исток
Во Мне, ведь Я — творящий Бог,
Вернись, ушедший от Творца,
И вновь найди во мне Отца!»

Автор: Цыплаков Петр

Утро

Еще в безвидности ночной,
Пока не ставшие собой,
Сплетенья форм плывут и ждут,
Когда их к свету воззовут.

Но вот зари святой призыв:
Завесу ночи приоткрыв,
Тьму прорезает первый луч,
Желанен, кроток и могуч.

Уже горят любви огнем,
Обращены к заре лицом,
Кусты, деревья и дома,
Природы девственность сама
Встречает солнца первый зов
И облекается в покров
Живящих солнечных лучей.
Как будто тысячи свечей
Кругом зажглись, и птичий хор
Созвучно сердцу на простор
Стремится...

...Радостно очам,
Что из лучей небесный Храм
Для Славы Божией возник
И в нем явился Божий Лик.

Сердца да узрят дня Исток,
В котором — Сам творящий Бог!

Автор: Цыплаков Петр

Ностальгия

Но как же Свету и сиянью чувства
В хрустально-ясной сердца глубине
Я предпочел сомненье и безумство
И очутился в тяжком вещном сне?..

Где ж Божий Свет, что, мир мне открывая,
Роднил меня и с деревом, и с небом,
И с каждым травным шорохом и звоном
И с песней птиц в небесной вышине,
Душа моя, звенящая, живая,

Питаема была небесным хлебом,
Знакомая с простым законом:
Кто дарит жизнь, Тот и живет во мне!

Автор: Цыплаков Петр

Радикальное братство

Душ сады — неисчислимы,
В это свято верь,
Души — други-побратимы
Раньше и теперь.

Этих душ сады цветущи
Можно отыскать,
В тех садах, как в райских кущах —
Мир и благодать.

Но и тот, кто беден Светом,
Кто суров и строг,
Разве он не ищет Лето
Среди ста дорог?

Все мы Свет и Лето ищем,
Чаще для себя,
Но найти для сердца пищу
Можно лишь любя.

Все мы — други-побратимы
Раньше и теперь.
Если любим, то любимы —
В это свято верь.

Автор: Цыплаков Петр

Город привет!

Тебя я обнимаю,
Любимый человек...
И сердцем понимаю,
Любовь моя навек...

И может быть серьезно,
В тебя я влюблена...
Порою это просто,
Влюбиться навсегда...

Автор: Щербицкая Ксения

Вас ли мне любите?

Поезія

У вас меня нет,
И вас мне не надо,
Я сделала свет,
И этому рада.

И сколько прожить,
Мне не скажут подруги,
Чтоб вас мне любить,
Нет в сердце потуги.

"И я вас прощаю
Подруга моя
Вы были сестрою
Простите меня..."

Автор: Щербицкая Ксения

Ты оттолкнешь и ревнуешь...

Так странно за тобою наблюдать,
Как необычайно изменилась сразу ты,
Как смог тебя так сильно взволновать?
И не дано понять тех истин непростых.

Ты продолжаешь вечно бунтовать,
Что нет любви и не было ни разу,
Той правды не дано, увы, узнать,
Ты больше сердце слушай, а не разум.

Давно ты стала зеркалом моим,
Читаешь мимику, эмоции и жесты,
Конечно знаю, что тобою я любим,
И пусть ни мне жена, чужая ты невеста.

Мои глаза ты ловишь постоянно,
И сердце сильно бьется, сразу ускоряясь,
Глаза закрою, в неведении останусь,
Ревнуешь, чуть улыбнется девушка иная.

Тебя я отпускаю, милая моя родная,
Лети мой ангел, будь счастлива, любима,
Меня не бойся, о любви твоей давно я знаю,
Моя ты девочка, столь искрення, ранима.

И мама мне дала хороший жизненный урок,
Ты просто наблюдай, ругать тебя не станут,
И жди её, чуть впереди, на перепутье всех дорог,
И чаще с нею быть, глаза любимой не обманут.

Автор: Рыбаков Егор

Поем душа

Люди добрые. Скажите. Почему я. Не летаю.
Небо звездное. Такое. Ты прости меня. Прости.
Ярким светом. Солнце. Жизнь. Чудесно освещает.
На закате. Так прекрасны. Так легки его лучи.
В темном небе. В лунном свете. Не заметно. Изменений.
Так и хочется. Подняться. Над покинутой страной.
Что ты плачешь. Мое сердце. От раздоров. И волнений.
Что ты хочешь. Разум. Темный. Отвести меня. Домой.
Разум темный. Отвечает. Корабли и океаны.
Не для смертных. Ты бродяга. Надо ездить под Москвой.
Ну и что, что сердце плачет. Про какие-то туманы.
Говорит. Любите нежно. Город крепкой головой.
Ты летаешь. Ты страдаешь. Под крылом твоим нет силы.
Разверни свое сознание. И глаза свои открой.
И доступно тебе станет. Все не только Мира здание.
А летать не так уж важно. Не прощайся с головой.
Сердце вторит. Говорю же. В синем небе. Ярким светом.
Люди разные летают. Серебром кладут стихи.
Улыбка твоя одна лишь, меня превращает в камень.
А горе твое,- большие вонзает в меня крюки.
Одна лишь твоя улыбка, и в сердце любовь воспрянет.
А горе твое,- ошибка. Оттачивает клыки.

Автор: Олег Хрипко

Моему пропавшему деду...

Моему деду – командиру эскадрильи штурмовиков.

Числился без вести пропавшим до 1989 года. Найден на дне реки Полонка возле г. Дно вместе с экипажем.

Всего наша семья потеряла во время Великой Отечественной войны 12 человек убитыми на разных фронтах в разные годы.

Я знаю праздников не мало,
И красных дней в году не счесть.
Но в них тепла не доставало,
Хотя помпезность в датах есть.
А Новый год – особый случай,
Когда душа в душе поёт.
И этот день – он самый лучший
И даже в снег и в гололёд.
Приходят в дом воспоминанья.
Волшебник с полночью вдвоём
Исполнят детские желанья,
Не оставляя на потом.
И «молодильных» яблок деду
Подарит Дедушка Мороз.
Он их отведаёт. К обеду
Займётся музыкой всерьёз.

Наденет на плечо тальянку,
Сотрёт платочком с клавиш пыль.
«Забаритонит», как тачанку
Нам заменил автомобиль.
«Пальцовкой» продолжая роды,
Вдруг разукрасит верх и низ.
Попса – скорее ветер моды.
А он – от Бога гармонист.
Под Новый год играет парень,
А не седой, в годах старик.
И я играю с дедом в паре,
К таким «дуетам» он привык.
Уже давно не треплет уши.
Люблю его, а он – меня.
Мой дед на свете – самый лучший,
В нём много тёплого огня.
Звучат мелодии от деда.
Под ёлкой праздничной вдвоём
Поём, что «нам нужна Победа...»
А смерть с зарплатой подождём...
Поём уральские частушки
И песни средней полосы,
Саратовские «нескладушки»
И про Чапаева усы.
Нам с дедом весело, не скучно,
Чего скучать под Новый год?
Давно мы с дедом неразлучны,
В семье он нужный эхолот.
Здоровья каждый год желаю
И знаю точно, что старик
Мне присмотрел соседку- кралю,
Сказав о внуках напрямик.

Хитёр мой дед – проказник бабий,
Любитель женских нежных чар.
И политесы строит ради,
Всегда в глазах любви радар.

Но верность бабке Антонине
«Седой шалун» всегда хранил.
Остался верен «лучшей mine»,
С войны одну её любил.
Но не считал всю жизнь зазорным
Молодку тайно ущипнуть.
Пощёчину терпел покорно,
А получал их? Просто жуть.

Я прятал смех от взгляда деда,
Чтоб подзатыльник избежать.
Он мог прожить два дня без хлеба,
Без женщин – час, со скрипом – пять.
Но ровно в полночь за Победу
Мой дед сто грамм со всеми пил...
Потом валялся до обеда
С давлением и потерей сил.

Весной он умер в День Победы.
Смотрел парад при орденах,
Свои законные отведав,
Держа тальянку на руках...

Автор: Александр Сгадов

Не забудь...

Я ждал!
Я ждал простых два слова.
Простых, но теплых для души.
Я был уверен,
Все расставит время,
Соединятся вместе две души.

А время шло, смеялось, намекало:
«Развей иллюзии свои»!

Да!
Молодость, даруешь нам мгновенья,
Чтоб в старости,
Достать из закровов
Столь чудные деньки, благоволенья,
Что слезы по щеке текут ручьём.

Я не могу сказать, что не пытался
И что пытался в полную я мощь

Но я бежал!
Я за тобой так гнался!
Но не догнал,

Споткнулся о порог.

Я буду помнить, наши все мгновенья.
Знакомство, дивною зимой!
Когда явилась ты, как сновидение
И растворилась, с первым же лучом.

Я буду помнить, осень, день рожденье
Но не смогу поздравить тебя вновь.
Я постараюсь сделать все в мгновенье.
Я потушу свою любовь...

И будешь приходить мне в сновидениях
И уходить, как день прогонит ночь.
И в том поту мне не забыть мгновенья,
Где думал, что дарю любовь.

И от чего бегу?
Теперь не знаю...
Разрушил, сжег я все мосты.
Так будет лучше!
Точно!
Знаю!
Но от чего же снишься ты?

Автор: Николай Ардеев

Апрель нагнемся первого, во вторник...

Апрель начнется первого, во вторник.
Туманом города покроет Бог,
И солнце упадет на подоконник
Седую пылью от кривых дорог.

Апрель начнется с первой птичьей стаи,
С разлива неба над Москвой-рекой,
С машин, с железа, с яркой стали,
И, наконец, разрушит наш покой.

Апрельским ветром зимние сугробы
Сметет Весна, пытаясь закричать,
Очистит солнце наши небосводы,
Пойдет по лужам весело играть...

Автор: Шкарина Дарья

Ты только мой

Ты только мой, делить тебя не стану,
Ты мой и сердцем и душой,
Любить тебя я век не перестану,
Ты только будь, пожалуйста, со мной.

Зови, меня Лисенком улыбаясь,
Дари мне поцелуи каждый день,
И никогда со мной не расставайся,
Иначе я умру, ты мне поверь!

Пиши мне по утрам» скучал родная»
А вечерами «я тебя люблю»,
Дари мне наш кусочек рая,
А я тебя любовью одарю.

Не разлучит, ничто нас ты поверь мне,
Ни вьюга, ни метель, ни холода,
Ты только жди, пожалуйста, и верь мне,
Придет и в нашу жизнь с тобой Весна.

И наша встреча будет непременно,
Она загадана судьбой,
И ты меня увидишь мой любимый,
И больше не расстанемся с тобой...

Автор: Еванжи

Первая победа

Он больше не верил ни в Деда Мороза,
Ни в то, что подарки приносят олени.
А в прошлом году он так ждал паровоза –
Под елкой иголки кололи колени...

Он с младшей сестренкой делился открытьем,
Но Машка-дуреха твердила упрямо:
«Какой же ты глупый и маленький, Витя!
Не могут обманывать Папа и Мама»

И был Новый Год. И совсем не случайно
Он встал позже всех. На холодном паркете
Под елкой стоял паровоз (made in China),
Блестящий, но без батареек в комплекте.

Сестренка ему щебетала, ликуя,
Про форточку что-то, следы на балконе...
Отец улыбался. Улыбку такую
Он видел потом у Христа на иконе.

Да, вырос давно. В детство заперты двери,
Но помнит то утро, когда раздираем
Желанием выкрикнуть злое: «Не верю!»,
Он выдохнул: «Папа, давай поиграем»

И елка светилась. И Маша сияла.
И куклы катались в его паровозе.
И вечером Мама, укрыв одеялом,
Читала им сказку. О Деде Морозе.

Автор: Владислав Беликов

Отравленная пешка

Отравленная пешка,
и сбить нельзя.
Отравленная пешка
сильней ферзя.

На маленькой головке
бесцветный лак.
Напрасны все уловки.
Не сбить. Никак.

Шажочек деревянный.
ef, fg.
Ты можешь строить планы,
но всё, уже.

В пространстве черно-белом
свои тиски.
Не выйти за пределы,
за край доски.

Автор: Владислав Беликов

Эпитафия без конца

Человек утонул в печали.
Он лежал на сухом причале.
Было поздно, но все кричали.
Доктор ухом упал на грудь

И пытался расслышать сердце.
Побежали за водкой с перцем.
А какой-то товарищ в берцах
Порывался беднягу пнуть...

Да дыши же! Кругом веселье!
То крестины, то новоселье.
То зима, то весна с капелью.
Шарик вертится, как юла.

Че те плохо? Гони унынье!
Позитивнее, позитивней!
Медитируй на зелень с синью.
Будь счастливым, и все дела!

...Он лежал, как актер на сцене.
Доктор встал, отряхнув колени,
И сказал пару слов на фене,
Впрочем, это была латынь.

И хотя, как и всем в партере,
(Всем неспящим, по крайней мере)
Мне хотелось сказать: «Не верю!»,
Приходилось сказать: «Аминь!»

Автор: Владислав Беликов

Я тобою болею

Я тобою безумно болею,
Не найти мне лекарств от тебя,
Я сама излечить не сумею.
Свою душу больную, все зря!

Мне тебя не хватает, поверь мне,
Даже если ты рядом со мной,
А когда мы не вместе, то время
На часах замирает порой.

Замирают минуты, секунды,
Шорох листьев и шум дождя,
Звуки музыки, звуки вселенной,
Я не слышу их без тебя.

Почему же любить – это больно?
Почему так болит душа?
Ведь любовь – это чудо Господне,
Почему же так больно тогда?

Автор: Еванжи

Поезія

Дефолт Дефолтыз

С небольшим дефектом головы,
Некто был устроен на работу,
Просто рядовым
На очень низкую зарплату.
Он не будь дитя Дефолта
Имел бы стандартные мозги,
Но будучи лишенным с детства
ласки.

От всех требовал: "верни долги"?
Сын Дефолта хоть мне был никто
Днями, меня тоже напрягал,
До того бестактно
О в прошлом содеянном
я глубоко жалел.

Когда я был в его возрасте
Я старших уважал,
И "ворюгой" никого не обзывал:
Своим счастливым детством
им обязан был.

Чертов Дефолт Дефолтыч
Доведет меня до инфаркта,
Как в дверь кто постучит,
Душа уходит в пятки.
В богато вышитой рубашке,
Когда ребенком я ходил,
Считал себя персоной важной
И нос немного задирал.
Тогда, раз не был слабоумным,
То и сегодня не дурак,
Со своим хорошим прошлым,
На склоне лет - матерый волк.
С отцом Дефолта-младшего,
Я лично был знаком,
Я только с ним не выпил водку.
Когда незванно он пришел.
Мне гость напомнил стукача,

Неистовые годы

Летят годы,
Мы все такие же патриоты,
Своей страны и нации,
И текущая деградация молодёжи,
Для них давно забыты эти слова!

Славное прошлое черно-белое забыто,
Теперь не чернила с пером, а ручки.
Нынешний удел новый издаёт запах,
Не тот привычный нам детей 90-х.

Я приверженец чёрно-белого кино,
Дивно простых белых хлопковых платьев,
Красной ленты на волосах,
А в руках моих полевые ромашки.

В глаза моих искренность и честность чувств,
Верность лишь одному,
Сдерживаю обещания,
Данные мной, когда то давно.

Летят годы,
Мы уже не те патриоты,
Своей страны и нации,
И текущая деградация,
Замедляет ход градации.

Автор: Аиша Ким

Сорняк

Сорняк - такое же растение,
Как то, что возвращено рукой.
Он просто создаёт тиснение
Любимцам, выбранным судьбой.
Рука убийство совершает
И не даёт себе отчёт,
Сорняк под корень вырывая -
Убийствам бесконечен счёт.
Ничто культуре не мешает
На солнечный стремиться свет,
Она сорняк не замечает,
Ведь жизнь его свели на нет.
Он солнца свет ещё увидит,

Пока не превратится в корм;
Трухой коричневою станет -
Тогда он будет просто сор.
Итак, освободив пространство
Цветку, по праву привилегий,
Не скажет он, что может статься
С таким же, как и он побегом.

Автор: Наталья Волобуева

Баллада о волке

Серый волк, седая морда,
На загривке шрам от пули.
Где твоя сегодня стая?
Что один скользишь во мраке?

Бликом лунным серебришься,
Попадая в пятна света.
Серым сумраком уходишь
Под лесной дремучий полог.

Коркой наста по низинам,
Обтекая буреломы,
Огибая волчьи ямы,
На кого ведёшь охоту?

Запах мускусный оленя
Потянулся жирным шлейфом,
Пробежал пушистый заяц
Иль мышкуешь для разминки?

Лёгкой и бесшумной рысью,
Останавливаясь часто,
Поднимая кверху морду,
Ты идёшь горячим следом.

Не даёт покоя голод
Крепче клятвы, горше страха:
Терпкий запах течной суки
Раздувает жаром ноздри.

Серый волк, седая морда,
На загривке шрам от пули.
На весеннюю охоту
Не зовут с собою стаю...

Автор: snoz

Трагикомедия. Песнь няжная

- «О чем ты молвишь числами, скажи?»

Богине я вопрос адресовал,

«Тебе нельзя то знать, пойми,

Я не отвечу, сколько б ты не вопрошал»

- «Дай ты ей денег, иль Айфон купи,

И все она тебе расскажет...

Ой, вы ж нижний круг уже прошли.

Ну, может нового чего покажет»

С задором этот крик раздался от ворот,

Мы вышли к городу на круге ниже,

Чей вход пещерой был сокрыт як грот,

Без страха мы с Богиней шли все ближе.

Но тут она лишь вздох издав,

Растаяла во цвете ада,

А я стоял, не понимая осознав,

Что за такая предо мной преграда?!

Во близи не было ее и тут я осознал,

Что путь мне предначертано пройти саму,

Как бы си мысль я не отрекал,

Но далее мне идти лишь одному.

Черт у ворот меня встречал,

Играя ланью шаловливой,

«Ты верно, Ангел и не ожидал,

Что в аду может быть счастливой,

Та жизнь, что ты себе придумал в голове,

Теперь ступай же, иль умри,

Али останешься лежать ты на траве?

Лишь по команде ты моей – ЗАМРИ!

Коль уж покинула тебя деваха,

Так ныне ты доверься мне,

Тебе я укажу сии круги размаха,

И подчинишься ты сией судьбе!»

Я молча следовал за бесом,

Пытаясь осознать, «Да в чем же суть?!»

Но он за мыслью держал ответа,

«Брось друг мой, это просто муть!»

«Ты сам виновен что она ушла,

Ее ты сам спустил, того не понимая,

Теперь же, Ангелок, пора пришла,

За мною следовать, дорогою внимая»

Да что за чары, он повел меня,
Действительно мой разум поглотя,
Шли ноги сами, я не чувствовал себя,
И взад мой путь, увы, не обротя.

Рвов в дали около десятка,
Передо мной открылись широко,
Я шел держаюсь строгого порядка,
Хоть понимал, идти еж далеко.

«Смотри же Ангелок, вот они все муки,
При жизни что людей губили наяву,
Все те, о ком ты говорил «Вот суки»
Гниют перед тобою здесь, в аду.

Пороков их с тобою мне не перечислить,
Грехов нам их не перебрать,
И небесам, увы, их не зачислить,
Их бездне суждено с собой забрать.

А что со взглядом, друг крылатый?
Ведь сам желал их покарать»
Мне нечего ответить, прав же бес проклятый,
Я помню, как людей подобных мне хотелось наказать...

Автор: Евгений Белый

Грузинские дожди

Идут за окном дожди,
Но счастью нет предела.
Москва, меня не жди-
Моя душа ещё не спела.

Пусть с дождём
Исчезнут слезы мои.
Ведь то, что за окном,
Придёт в сердца строчки.

Я не хочу покидать дом,
Не хочу расставаться
Ни сейчас и ни потом
С родными. Хочу остаться...

Здесь живёт моя семья,
Ты назвал меня своей сестрой.
Здесь земля моя...
И моё сердце отныне с тобой.

Автор: Джулия Джи

Диетическое айкидо

«Бывает два типа телосложения –

атлетическое и котлетическое.

(Анатолий Макаров)

Глава 1 МЯГКОЙ НАТУРЕ

– МЯГКАЯ ОБОЛОЧКА

Тело человека красноречиво отражает его натуру, и, как показывает практика, лишние килограммы быстрее пребывают у «мягкотелых». Такие особи прячут свою сверххранимую душу за слоем защитного жира. И как бы этот несчастный не морил себя диетами, пока он не вырастит в себе железно-волевой каркас, не бывать ему стройным. Мягкой натуре – мягкая оболочка.

Глава 2

МЕШАЕТ ТЕЛО

С детства меня не покидало странное чувство – чувство ненужности собственного тела. «Какое оно тяжелое и неповоротливое! Какие медленные ноги! Я бы давно была на месте, если бы не оно!». Мне часто снился один и тот же сон: я пытаюсь убежать от страшного чудовища, но ноги...! Они почти не двигаются! Меня переполняет страх! Чудовище настигает меня, и я просыпаюсь под громкий стук собственного сердца!

Глава 3

ХРОНИЧЕСКОЕ НЕСОВЕРШЕНСТВО

Свое несовершенство я начала осознавать рано. Казалось, во мне все не

так – не так пахну, не так хожу, не то говорю. Больше всего меня бесила собственная фигура. Как природный аналитик, я долго разбиралась в причинах своей вечной проблемы и хронического «самонедовольства».

Глава 4

ПРИЧИНЫ

«ОБЖОРСТВА» или ЧТО ТАКОЕ ЖИР?

Первая, физическая причина, на мой взгляд, называлась так – культ застолья. Поговорка «Когда я ем, я глух и нем», не прижилась в кругу моих домочадцев. Нас было много – дед, бабушка, тетя, я и родители. Вечером мы дружно садились за круглый стол под большим оранжевым абажуром. Здесь было светло и уютно. Поговорить и блеснуть остроумием любили все, и количество калорий росло параллельно затянувшейся беседе. Находиться в такой компании было сплошным удовольствием. С тех пор в моем сознании закрепилась прочная связь щедрого застолья с долгим и приятным общением.

Я была первой внучкой – всеобщей любимицей. Каждый из взрослых старался, при случае, побаловать меня чем-нибудь сладеньким. Отсутствием аппетита любимица не страдала, и уплетала угощение с большим удовольствием. Позже я узнала, что количество жировых клеток закладывается у человека в раннем детстве, и, часто, от

этого зависит наше будущее телосложение. Последствия всеобщей «любви» были весьма предсказуемы.

Вдобавок, я ходила в садик, и автоматически попадала в «Общество чистых тарелок». Посему, хочешь – не хочешь, а приходилось все доедать. Таким образом, как удовольствие с одной стороны, так и насилие с другой, привели к тому, что мой организм стал привычно пропускать «порог насыщения», и лишние калории, как и положено, автоматически переходили в жир.

В зрелом возрасте мне пришлось бороться и с этой привычкой, волевым усилием отодвигая тарелку при первом появлении чувства сытости. Когда это удавалось, я испытывала гордость за маленькую победу над собой.

Глава 5

«УДОБНЫЙ» РЕБЕНОК

Вторая причина лишнего веса тоже имела семейно-психологическое происхождение и называлась так – «удобный ребенок».

В семье я считалась «хорошим» ребенком – послушным и спокойным. Своего детства я не помню. А, может, просто не хочу вспоминать. В то беззаботное время мне так и не удалось ощутить окрыляющую свободу, которую с ностальгией вспоминают многие бывшие девчонки и мальчишки. Находясь под

неусыпным контролем, я всегда выполняла указания взрослых, чтобы быть «хорошей девочкой». Моя установка была удобной для всех, но отделяла меня от своих собственных желаний.

Последнее слово в родительской иерархии всегда оставалось за мамой. Ее авторитет в семье был непререкаем. При всех несомненных достоинствах, в маме присутствовало одно обременительное качество - вечная неудовлетворенность происходящим. Ей хотелось, чтобы все было непременно «красиво» и «так, как надо». Этот ориентир был весьма приблизителен не только для всех членов семьи, но и для самой мамы. Выполнить его с большой степенью точности практически не представлялось возможным. В результате, мама была разочарована, а остальные - виноватыми. И хотя это состояние приятным не назовешь, для «нерадивых» родственников оно было обычной нормой.

Я тоже не была исключением, и всегда делала что-то «не так» - «некрасиво» оттопыривала нижнюю губу, «неправильно» сидела на диване, ходила «не так, как надо». В памяти осталась картинка: солнечный летний день. Я, маленькая пятилетняя девочка в желтом платьице, шагаю с мамой по рынку. Вдруг вижу ярко-одетую, красивую тетю в темных очках, на высоких каблуках. «Это же тетя из кино!», - думаю я и смотрю на нее с восхищением, открыв рот. В этот момент мама меня резко одергивает

и кричит: «Ты что! Разве можно на людей так смотреть!?!». Видимо, с тех пор мои глаза стали часто моргать, смотреть застенчиво и робко. Они растерялись и так и не поняли - как же все-таки надо смотреть на этих самых «людей»?!

После таких поучительных оплеух, на душе оставались растерянность и удрученность. Они переходили в подсознательный страх сделать что-то не так, смотреться смешно и нелепо. По закону «чего боишься, то и получаешь», я выглядела соответственно - неловкие движения, лишняя полнота, неудачная прическа. Страх осуждения уводил меня от своих желаний и действий. А зачем что-то делать, если все равно все будет «не так»?! Зачем тогда вообще что-то делать?!

Любое желание содержит в себе потенциальную энергию. Жир - это наша нереализованная энергия, заторможенная весьма иллюзорными страхами.

Но заниматься чем-то, все-таки, хочется. Самое безопасное и необходимое «дело» - еда. Ей-то мы и посвящаем солидное количество времени, щедро отдавая приятному процессу нерастраченный запас собственной продуктивной силы. Но поскольку замечания - наша «зона комфорта», мы наказываем себя сами. Как? Да просто едим и толстеем «за это», неправильными формами материализуя свою вину.

Ученые пришли к выводу, что человек, который поглощает пищу осознанно, не спеша и с удовольствием, толстеет и ест

гораздо меньше. Неуправляемое обжорство и полнота - порождения страха и самоосуждения.

Глава 6

ШУТНИК - ПАПА

До пятилетнего возраста я ужасно любила бегать. Родителям удавалось с трудом поймать шустрого ребенка. Я до сих пор помню это состояние свободы и полета. На детских фото я очень хорошенькая - белые кудрявые локоны, красиво очерченные губки, и очень серьезные большие глаза.

Дворовые мальчишки ходили за мной по пятам, а в школе, на восьмое марта, моя парта ломилась от подарков. Но все это было в младших классах.

Чем старше я становилась, тем больше осознавала свое несовершенство. Шутник-папа тоже внес свою лепту в создание многочисленных комплексов растущего подростка. К примеру, видя мои титанические попытки подтянуться на турнике, он дал мне имя - «сарделька на снаряде». Было еще много «милых» имен, напрочь похоронивших во мне желание заниматься спортом и проявлять на людях свои скромные физические возможности. Страх показаться неловкой и неуклюжей был сильнее желания общения, а урок физкультуры - настоящей пыткой. Мое тело реагировало на занятия спортом совершенно странным образом. Когда учитель физкультуры однажды измерил мне пульс после очередной лыжной пробежки, он с удивлением обнаружил, что тот не ускорился, а замедлился. Это был своеобразный телесный

бойкот ребенка ненавистному уроку. С тех пор праведный гнев учителя сменился жалостливым ворчанием.

Глава 7

РОКОВОЕ «ЕСЛИ»

Любимым словом отца было слово «если». «Да, дочь, это хорошо», - говорил он, - «но вот если бы...». Само по себе слово «если» не означает ничего, но в том-то и весь его ужас. Оно порождает чувство самонедостаточности и хронической неудовлетворенности. «Понравилась, если бы... Победила бы, если бы... Поступила бы, если бы...». Получается, что ты сам - нечто «недо». В итоге, ты начинаешь себя «до» - до-полнять. Чем? Да всем, чем можно - более удачным другом, вызывающим нарядом, четырьмя высшими образованиями и еще многим, многим другим. Проигрывая в гонке за собственной полно-ценностью, ты периодически «успокаиваешь» себя чем-то сладким и вкусным, округляя очертания и без того несовершенных форм.

В противовес «суетливому и враждебному» миру я создала свой - спокойный и творческий: книги, рисунки, музыка. Он был удобен и безопасен, но там я расходовала только свою психическую энергию - энергию мыслей и чувств. Физическая пребывала в застое, что пагубно отражалось на моей фигуре. В результате, к 14 годам я заработала близорукость и далеко не идеальные формы.

Глава 8

«ЕДОМАЗОХИЗМ»

Свою борьбу за стройность я начала в 14 лет - время буйного расцве-

та подростковых комплексов.

Первым шагом к физическому «совершенству» был отказ от столпов русского стола - хлеба и картошки. Родные были в шоке, когда я, невразумительно оправдываясь, отодвигала от себя любимую еду, вступая в бой со своим аппетитом и напором семьи. Это было тяжело, но иногда мне удавалось одерживать победу в неравной схватке. Что интересно, я неосознанно выбирала для «подвига» самый неудачный день, когда маме или отцу приходило в голову сотворить что-то особо вкусное. Все с удовольствием поглощали очередной «шедевр», а я, как последняя идиотка, тренировала силу воли, сидя в своей комнате, глотая слюны и испытывая мучительное чувство неудовлетворенности. В этом тоже выражалась уже привычная для меня зона комфорта - чувствовать себя вечно виноватой, «хорошей и воспитанной» девочкой. У родственников мое поведение вызывало лишь непонимание и усмешки.

Привычка к наказанию порождает т.н «едомазохизм», которым, к слову сказать, грешат многие, затюканные в детстве, представители человеческого рода.

Одним из видов самонаказания является вредная для тебя еда. Ты знаешь о ее вредности, но ешь именно ее, в очередной раз доказывая миру свое «несовершенство» - «Подобное тянется к подобному!».

Глава 9

ЗАПАХ ЖЕРТВЫ И

ВКУС ПОБЕДЫ

Что больше всего мешает человеку быть счастливым? Чаще всего - чувство вины и бесконечного долга. «А ну перестань плакать! Видишь, как тетя на тебя смотрит!». «Разве можно себя так вести! Вон милиционер идет! Сейчас тебя заберет!». «Тебе не стыдно ходить в этом сарафане! Ты же в нем голая! Что соседи подумают! Да на тебя же пальцем будут показывать!». «Ты должна себя хорошо вести!». «Ты должна получать только четверки и пятерки!». «Ты не должна расстраивать маму и папу!». «Должна, должна, должна...!».

Эти родовые страшилки воспитали во мне чувство хронической тревожности и непонятного долга перед чужими людьми.

Чувство вины считается лучше всего. Человек в таких случаях удивляется - «У меня что, на лбу написано?!». Да, действительно, написано. Но не лбу, а в каждой клетке твоего тела. От тебя «пахнет» жертвой! Как правило, этот «запах» остро чувствуют продавцы и, не стесняясь, обвешивают таких и обручивают, нутром чуя, что этот человек постесняется что-то сказать в ответ. Именно на таких отыгрываются хамы и хулиганы. В общем, все происходит, как в басне Крылова «Волк и ягненок» - «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать!». По такому же принципу создаются и тяжелые браки. «Жертва» всегда привлекает «палача». Более того, по привычке, она же сама к нему и стремится.

Послушные дети, как правило, не имеют своих желаний. Ты слышишь слово «надо», и идешь на него, как ослик на привязанную впереди морковку. Получая пятерки, выигрывая на олимпиадах и конкурсах, я никогда не испытывала чувства радости. Лишь спустя годы я поняла причину ее отсутствия.

«Вкус» победы можно почувствовать лишь в одном случае: когда она – результат ТВОЕГО собственного желания! Лишь тогда она рождает состояние счастья и удовлетворения!

Глава 10 КАТАЛИЗАТОР УРОКА

У любого урока есть катализатор. Чаще всего, это взрослый член твоей семьи. Явным катализатором моего урока был отец. Он всегда ел, как в последний раз, показывая не совсем здоровый пример нам – своим детям. Этот веселый и жизнерадостный человек выделялся отменным аппетитом не только среди членов своей семьи, но и на больших многолюдных застольях. Мама стыдилась, когда муж по-хозяйски придвигал к себе тарелку с любимым блюдом и съедал его, нисколько не сомневаясь в правильности и полной законности своих действий. Хотя это было и «некрасиво», но папу ценили за юмор и человеколюбие, легко прощая ему столь незначительный грех. Тем более, что он сам любил над этим посмеяться.

Отец любил не только кушать, но и готовить. Надо отдать должное, это получалось у него отменно. В свой субботний выход-

ной, оставаясь дома, он задавал нам каверзный вопрос: «Ну, какой заказ на сегодня – навести порядок или приготовить чего-нибудь?». В ответ, конечно же, дружно раздавалось – «приготовить!», и, вернувшись после трудового дня, мы с восторгом наслаждались очередным изобретением семейного шеф-повара.

Когда, в поисках истины, я анализировала причины своего пагубного пристрастия, на ум всегда приходил большой папин образ. «Большой», в реальном смысле этого слова. Папин живот к старости достиг слишком больших размеров. Мама предполагала, что причины его «болезни» были родом из детства. Отец был шестнадцатым ребенком в семье, а в больших семьях работает проверенное правило – «кто смел, тот и съел». Наверняка, приходилось «шустрить», чтобы не остаться на задворках обеденного стола. Другие причины нам были неведомы, пока не возникла еще одна интересная версия из более далекого прошлого.

Глава 11 СТРАННОЕ ВИДЕНИЕ

К моей матери, человеку с необычными способностями, иногда приходили странные видения-озарения. Чаще всего это происходило утром – между сном и бодрствованием. В одном из таких утренних полуснов она увидела молодого парня, прикованного цепями к столбу и умирающего от голода и жажды. Хотя это был незнакомый юноша, она четко знала, что

это – ее нынешний муж, мой отец, и эта утренняя картинка – из прошлых жизней. Мама видела, в каких жестоких страданиях умирал парень. Так появилась еще одна версия нездоровой привязки отца и возможность понять, почему в этой жизни он так боится остаться голодным, всегда до отказа заполняя холодильник и свой желудок. Надо отдать должное, отец старался побороть пагубное пристрастие. Даже пробовал голодать. С его аппетитом это было настоящим испытанием. Но прыти хватало ненадолго, и потом все опять возвращалось в старое русло.

Глава 12 ОТЗВУКИ ДАЛЬНЕГО ПРОШЛОГО

Наши страхи идут из разных источников, в том числе, и из прошлых жизней. Они остаются в матрице души, и удивляют нас отсутствием своего происхождения в этой жизни. «Откуда это во мне? Ведь со мной ничего подобного не случилось?!». За полгода до своего ухода из жизни, отец почти не мог ходить из-за огромного веса. Он ел гораздо меньше, но для организма с больным сердцем и нарушенными обменными процессами и этого было много. Стол, хоть и в меньшей степени, по-прежнему оставался для него единственным местом наслаждения.

Отец умер на семидесятом году жизни. За три года до смерти это был вполне жизнерадостный и жизнеспособный человек, но булимия, в конце концов, завершила свое черное дело.

Глава 13 ПИСЬМО ОТЦУ

Когда папа умер, я чувствовала себя виноватой в своей беспомощности ему помочь. Но что теперь было делать?! Всегда не успеваешь сказать самое главное! А надо бы! В конце концов, поздно вечером я зажгла свечу и написала ему письмо - его светлой душе, решив таким образом выговориться и высказать отцу все, что накопилось. Я попросила прощение за все, что сделала не так или не смогла сделать вовсе, и поблагодарила его за урок жизни, который стал для меня весомым предупреждением. Я знала, что отец непременно «получит» мое послание и обязательно меня поймет.

Глава 14 РЕЦЕПТЫ СТРОЙНОСТИ

Похудеть мне удалось лишь во время первого замужества. Я ждала ребенка, и с моим маленьким ростом носить большой живот было очень тяжело. Ела я мало, и лишние килограммы слетали с меня легко и радостно. Сын родился крупным, и после родов я обрела идеальный для своего небольшого роста вес – 45 кг. Мне очень нравилось быть такой миниатюрной и сексуальной. Мой первый муж и до того меня обожал, а в таком виде не было предела его любвеобильной нежности.

У каждого человека есть свои «формулы успеха» в разных аспектах жизни. Один из рецептов моей стройности звучал так – активная сексуальная жизнь с партнерами, обожающими меня такой, какая я есть.

Такими были мой первый и третий мужья. Все мои действия и мысли вызывали у них «щенячий восторг» и сексуальное желание. Эти нехитрые проявления влияли на мою фигуру гораздо лучше любой диеты и тренажеров. Но, как только в моем поле появлялся человек, начинающий «рихтовать» мой несовершенный образ, мой организм тут же выражал сопротивление, защищаясь слоем ненавистного жира.

Глава 15 «ДЕДОВА НОГА» или «ЛЮБОВЬ К СЕБЕ»

Сейчас очень модно говорить о любви к себе, но многим непонятно, что это значит. В юности я оказалась свидетелем весьма непосредственного примера такой любви. Мой дед по маминой линии был затейник еще тот. Женщины его обожали. О любовных похождениях деда знало полгорода, но, как ни странно, даже в строгое советское время это не мешало ему быть уважаемым и успешным человеком, фанатично преданным Коммунистической Партии. Порой дед любил приложиться к рюмашке, и тогда родные оказывались свидетелями причудливых проявлений его самообожания.

Как-то я зашла проводить стариков. Бабушки дома не было, а спальня была приоткрыта. Я заглянула в комнату и перед моим взором предстала интересная картина. Пьяненький дед лежал на кровати в семейных трусах. Его правая нога была поднята. Дед шевелил грязноватыми пальчиками и любовался своей конечностью, восторженно

приговаривая, - «Какая ножка!». Осторожно закрыв дверь, я покатила со смеху, но потом частенько возвращалась к этой поучительной картинке.

На многочисленных примерах несчастных женщин, я убедилась, насколько людям свойственно себя не любить. А ведь именно от этого зависит встречная реакция. Вселенная считывает твою программу «нелюбви», и воплощает ее в жизнь. Окружение может быть разным, но смысл его отношения к тебе будет один – «нелюбовь».

Еще в студенческие годы, живя в общежитии, мы с девчонками удивленно наблюдали, с каким восхищением любовалась на себя в зеркало наша однокурсница. Ее - нескладную, худую, с длинным носом и тонкими губами трудно было назвать красавицей. На фоне хороших фигуристых девчонок она выглядела дурнушкой. Но именно эта «дурнушка» никогда не страдала от нехватки ухажеров. А красоткам оставалось лишь завистливо поглядывать на подругу, по-королевски управляющую целым шлейфом женихов.

Жизнь наглядно продемонстрировала мне самой, как меняется отношение людей, когда ты начинаешь, действительно, себя любить. За долгий период второго замужества я наслушалась много гадевших слов в свой адрес. Маленькие мужчины часто бывают тиранами. Они стараются «возвысить» свою персону, перекидывая акцент на недостатки своего партнера.

Мой организм реагировал на критику весьма

своеобразно - когда я находилась дома одна, чувствовала прилив энергии, желание танцевать и что-то творить. С приходом мужа возникало только одно желание - поест. Это была защитная реакция. Вдохновение в такие минуты застенчиво пряталось в желудок, и все, включая творчество, малодушно перемещалось туда же.

Когда люди далеки друг от друга, их может «сблизить» только стол. В этих отношениях моя фигура округлялась, услужливо давая требовательному партнеру лишний повод для недовольств. На сцене опять появлялась все та же «виноватая и хорошая» девочка.

Домашний деспот гнобил меня за каждый лишний грамм. Его злобно-му остроумию и сарказму не было предела. В свои 27 лет, при весе в 53 кг, я ежедневно бывала в «шкурах» разных животных - «старых коров», «толстых обезьян», и многих других. Несмотря на это, я боготворила своего «наполеончика». Вероятно потому, что он сам искренне себя любил. Этот товарищ открыто и смело выражал свои желания, считая себя неотразимым. Его движения казались мне грациозными, а слова убедительными.

Первый и третий, мои нечетные мужья, высокие и статные красавцы, меня обожали. С ними я была в прекрасной форме, худела и нравилась себе. Но именно этот тяжелый брак был у меня самым долгим, а этот маленький мужчина - самым желанным. Его дерзость и уверенность в себе,

наверняка сыграли свою решающую роль.

Глава 16

ТРУДНАЯ УЧЕБА или «ЛЮБОВЬ К СЕБЕ»

Решение «любить себя» я приняла еще во времена своего тяжелого брака. Такие браки метапсихологи называют «кармическими». Хотя раннее детство и сделало из меня покладистого и удобного для окружающих человека, но маленький бунтарь еще не был раздавлен до конца, и в один прекрасный момент он возродился.

Каждому из нас нужен некий толчок, «волшебный пендель», чтобы вытащить себя из мусора детских установок и навязанных комплексов. В зависимости от «груза», кому-то для этого нужно лишь мельком сказанное слово, а кому-то - годы угнетения и обид. Я принадлежала ко вторым. Этот трудный брак научил меня быть сильной и достать, в конце концов, из себя мужество и достоинство, которые до сих пор тихо ждали своего часа в тайниках моей затравленной натуры.

Труднее всего мне далось разрешение сказать «нет» своему невыносимому существованию. «Деспот» умел создать материальный комфорт и заработать нужное количество денег для того, чтобы семья чувствовала себя достаточно беззаботно. К тому же, супруг приложил немало усилий, чтобы убедить меня в собственной неполноценности. Он упорно внушал мне, что я должна быть безмерно счастлива оттого, что такой потрясаю-

щий человек снизошел до меня - убогонькой. Конечно же, сам он так не считал. Иначе бы, не прилагал столько усилий для продления нашего совместного существования. Его перво-степенная задача сводилась к тому, чтобы убедить в этом меня.

Большинство людей принимают судьбоносные решения на грани отчаяния. Как сказал мудрый Ремарк, - «Лучшее оружие от безысходности - обреченность». В первый раз я ушла от мужа, находясь на восьмом месяце беременности. Собрала вещи, когда тот был на работе, и уехала к родителям. Родные были шокированы моим приездом, но деваться было некуда. Во мне было столько боли и обиды, что речи о примирении быть не могло. В памяти осталась картинка, как я, с огромным животом, в большом, черном свитере отчаянно плачу, приклонив голову к спинке дивана, а отец гладит меня по голове и тайком утирает свои слезы.

Уйти от мужа я порывалась и после, уже с ребенком на руках, но каждый раз он добивался примирения и возвращал меня обратно, несмотря ни на что. Однажды, после моего очередного побега, с риском для жизни, ночью, ехал на машине по полуразрушенному речному мосту, пытаюсь догнать сбежавшую жену. Примирение проходило по стандартной схеме - разборки, извинения и страстная ночь любви.

Первое время после воссоединения жизнь казалась раем - идеальные отно-

шения и супружеская забота. Но потом все возвращалось на круги своя. С каждым таким «уходом», я становилась сильнее и увереннее в себе. Наконец-то я начала понимать, что могу выжить и сама и, несмотря на любовь к своему обидчику, жить без тирании мне все-таки легче. Со временем стало очевидным, что муж нуждается во мне гораздо больше, чем я в нем. Моему «нарциссу» жутко нравилось быть объектом поклонения, и он дорожил женой, ежедневно убеждающей его в собственной неотразимости. Я же, в конце концов, убедилась, что мне больше по душе свобода и любовь к себе.

Глава 17 ПЕРЕМЕНЫ

Как говорил знаменитый индийский ученый и философ Ошо: «Любая проблема исчезает в момент ее осознания». В моей жизни настал момент, когда, наконец, пришло озарение - «Чтобы начать новую жизнь, надо самой стать новой. Внутреннее равно внешнему».

Четко поставленная цель автоматически начинает притягивать нужных людей, информацию и ситуации. Это закон Вселенной.

После принятия выстраданного решения «научиться любить себя», Вселенная в одночасье предоставила мне поток необходимой информации. Методов оказалось много, но я выбрала для себя те, которые, действительно, помогли мне в корне изменить не только отношение к себе, но и свою судьбу.

Глава 18 ДЕЙСТВЕННЫЕ

СПОСОБЫ ПРИТЯЖЕНИЯ ЛЮБВИ

Упражнений всего было три – простые до гениальности!

Первое называлось - «Любовь к себе». «Я тебя обожаю! Ты само совершенство! Я тебя обожаю!». Эти слова, подкрепленные чувством нежности, надо было мысленно адресовать каждой клеточке и части своего тела, начиная от кончиков пальцев ног до макушки. Упражнение следовало делать утром в постели, каждый день в течение месяца. Поначалу мне мешало странное чувство неловкости, но, чем дальше, тем удивительнее был эффект. О нем я скажу чуть позже.

Второе упражнение называлась «Я – ребенок». Как только проснешься, надо мысленно, с вдохновением сказать себе – «Я – ребенок! Во мне работает энергия ребенка! Я остро и радостно воспринимаю мир!».

Что такое ребенок? Ребенок – это игра, творчество, радость и многомного желаний. Я просто физически ощущала, как каждая клетка моего тела наполняется радостью и энергией ребенка. Спустя месяц после выполнения упражнения, я получила первый результат. Он меня удивил и очень обрадовал. Мои кудрявые волосы, которые от бесконечных стрессов стали сидеть и выпрямляться, вновь обрели прежнее здоровое состояние. Они закудрявились и заблестели, а природный каштановый цвет стал более ровным и ярким. Сидна же исчезла, как не бывало.

Третье упражнение называлось «Восхищение собой». Оно заключалось в том, что в течение дня надо испытывать восхищение к каждому своему шагу и действию, начиная от потягивания утром в постели и заканчивая предвкушением сладкого сна, приложившись головой к подушке. Проснулась – восторг! Потянулась – супер! А как я умываюсь – просто сказка! И так далее и тому подобное. Упражнение, как и все остальные, я делала в течение месяца. Эффект превзошел самого себя, но об этом чуть позже.

Глава 19 «НОВАЯ» Я

После месяца выполнения третьего упражнения, «восхищение» начало постепенно вытеснять «вину». Во мне стало укрепляться чувство уверенности и спокойной силы.

Вместе с любовью к себе, проснулась ненависть к любому давлению и диктату, даже своему собственному. Запрет вызывал обратные действия. А что тут удивительного?! Запретный плод всегда сладок!

Разобравшись в злополучной закономерности, я решила поступать дипломатично – «Если гора не идет к Магомету, Магомет идет к горе». Если организм не хочет меня слушать – я буду слушать его. Диета должна соответствовать твоей сути! Нельзя ущемлять свою индивидуальную природу!

Раньше я всегда слушала других. Теперь настал момент услышать себя. «Хочу» вытесняло ненавистное «надо». Поначалу было непривычно давать сво-

ему организму то, что он хочет и когда он хочет. Не хочет завтракать – не пичкай. Не хочется супа – не ешь. Хочешь чай с пирожным, а потом обед – так и будет! А хочешь пирожное вместо обеда – пожалуйста! Как это и следовало ожидать, тело с удовольствием ответило на мой «благородный жест» - ранее ленивый кишечник начал работать гораздо лучше. Видимо, принцип «хочу» пришелся ему по душе. Причем, под воздействием «хочу», каким-то странным образом, сократились мои порции, и здесь, как выяснилось, не было ничего удивительного. Когда ты слушаешь свое «хочу» с любовью к себе, организм начинает работать не «против», а «на» себя.

Еще я начала танцевать. В детстве я мечтала танцевать, но волею судьбы оказалась в музыкальной школе. Сейчас же, под воздействием «хочу», детское желание обострилась. В отсутствие мужа, я включала музыку и танцевала. Маленькая дочка, глядя на меня, пыталась делать то же самое, смешно приседая и топая ножкой в своем манеже.

ВЫВОД: Слушай свое истинное «хочу» и станешь счастливым!

Глава 20

НЕОЖИДАННЫЙ ЭФФЕКТ

По версии ученых, наши чувства сильнее мыслей в 24 раза. Я убедилась в этом на себе. Алгоритм моих перемен был триедин – осознать, принять решение, действовать в свою пользу. Для всего этого потребовалось долгое время, но эф-

фект я ощутила достаточно быстро. Упражнения сработали на все сто!

Во-первых, мужчины стали обращать на меня гораздо больше внимания. Аура обожания и внутренней радости, которая образовалась вокруг меня за этот месяц, действовала на них магнетически. Муж тоже заметил во мне перемены. Как-то раз, поглядывая на меня восторженно-лукавым взглядом, он вдруг сказал: «Слушай, а ты еще ничего!». Конечно, этот комплимент не был самым изысканным, но в его устах это звучало, как выражение восторга.

Во-вторых, я разрешила себе поменять свои детские установки, сделав открытие, что разумный «пофигизм» и здоровый эгоизм гораздо полезнее слепого альтруизма. Раньше я старалась угодить другим. Переживала, чтобы все было «красиво» и «как надо», и, при этом, всегда была в дураках. А сейчас, решив идти навстречу своим желаниям и радоваться жизни, я обнаружила, что окружающие почему-то стали принимать в этом процессе самое активное участие. Оказывается, многим людям нравится доставлять радость другим. Они получают от этого истинное удовольствие. Я почувствовала, что мир, наконец, повернулся ко мне лицом. А что я для этого делала? Да просто дала ему понять, что тоже достойна внимания и радости. Оказалось, миру совершенно все равно. Он принимает наши желания буквально, и помогает их осуществить.

В этот «новый» мир,

мой супруг, со своими неоправданными амбициями и нарциссизмом поместиться никак не мог. Ему нужна была покорная служанка, для которой он – главный и единственный предмет обожания. В ином случае милость «хозяина» была невозможна. Развод стал неизбежен, и он последовал.

Развод и разрыв отношений со своим мучителем я переживала особенно болезненно. В этом тяжелом браке мне постоянно приходилось защищаться, а, как известно, когда нет других защит, тело спасается слоем «защитного» жира.

Глава 21

УРОКИ СУДЬБЫ

Каждый из нас приходит в жизнь с определенным уроком. Он заложен в матрице судьбы, ну а гены и воспитание дают благодатную почву для его развития. Я родилась с отменным аппетитом и склонностью к полноте. Эти семена благополучно проросли в «тепличных» условиях моей семьи.

Параллельно с уроком, в нас заложено желание его пройти. Урок бесполезен, если он не выучен!

Глава 22

ДИЕТИЧЕСКОЕ

АЙКИДО

В постулатах эзотерики сказано, что мы не способны избавиться от пагубных пристрастий, заложенных в матрице судьбы. Но ими можно «овладеть»! Я, наконец, поняла, что в моей ДНК нет команды «безразличие к пище». Остается одно - осознанно направить свое обжорство в полезное для себя русло.

Желание похудеть преследовало меня всегда.

В конце концов, я устала бороться с собой. «Используй силы «противника» себе во благо!». Этот принцип заложен в борьбе «Айкидо». «Кричать на тучу - напрасный труд! Возьми зонтик и с удовольствием наслаждайся погодой».

Свое «Диетическое айкидо» я расценила так – «Раз организм настроен на любовь к еде - дай ее! Но дай ту, которая пойдет ему на пользу!».

Первым делом, я составила для себя список любимых, но полезных продуктов и режим питания, учитывая свой тип конституции, группу крови и энергетику. Мой тип, согласно индийским канонам – «тип слизи». Это когда в организме много воды, а жир, как известно, на 90 процентов состоит из нее. И еще там мало «огня» и его надо постоянно «разжигать» – есть «огненную» пищу. Я с удовольствием изучила «огненные» продукты и стала их активно употреблять. Кстати, в восточной и азиатской кухне они всегда на столе, и поэтому там гораздо меньше тучных людей.

Согласно группе крове, мне рекомендовалось есть больше мяса (не при вегетарианцах будет сказано!). Я всегда его любила, но внутренне испытывала некую настороженность к своим предпочтениям. Теперь же, найдя всему этому научное объяснение, я, наконец-то, разрешила себе есть любимые продукты с чувством глубокого удовлетворения. По восточному гороскопу я – «тигр», что тоже, видимо, отража-

лось на моих пристрастиях.

В помощь ко всему, я взяла на вооружение маленькую тарелку, урезав свои долгоиграющие порции. Чтобы не потянуться за вожделенной добавкой, я настраивала себя - «Не волнуйся, дорогая! Поешь позже!», и, успокоив на время свою плоть, благополучно погружалась в другие дела до следующего приема пищи.

Глава 23

КТО ТЫ – СТАЙЕР ИЛИ СПРИНТЕР?

Используя нумерологию, я определила, что моя энергетика имеет большой, но кратковременный заряд. Я всегда удивлялась своему быстрому превращению из «урагана» в «овощ». Энергия фонтанирует, бьет ключом, я – «гвоздь программы»! Проходит час, два – и ее нет. Она ушла. Мне хочется уйти подальше от всех, лечь и выспаться. Батарейка разряжена и требует основательной подзарядки.

Это понимание собственного устройства помогло мне выстроить свой жизненный алгоритм. Я, наконец-то сообразила, что умеренность – не мой конек. В жизни, как и в спорте, существуют спринтеры и стайеры. Это генетическая предрасположенность. Стайеры – любители небольших нагрузок, но выносливые, и могут выдерживать их долгое время. Я отношусь к спринтерам. Мне по душе мощные нагрузки, но только на короткое время. При наличии энергии, я в короткий срок сверну горы, но потом – разбитая колымага, которой необходимо время, чтобы

восстановиться.

Путем многочисленных проб и ошибок, пришло понимание, что этот принцип касается всего, что есть во мне. Надо просто идти ему навстречу. По отношению к еде это выглядит так – есть «нормальными» для себя порциями, но редко - с большим промежутком между приемами пищи. Организм должен отдохнуть, ведь на переваривание белка уходит много времени и энергии. Помимо отдыха днем, я стала устраивать себе отдых раз в неделю – отдых от еды. Организму в этот день я давала установку – «Сегодня отдыхай с удовольствием! «Поработай» завтра!». Это был для меня не «день терпения». Я просто отдыхала - больше спала, уходила в работу, либо занималась чем-то приятно-интересным для себя. Для моего организма это гораздо проще и эффективнее, чем есть то, что я не люблю и дразнить себя мизерными порциями. В течение этого дня я пила полезные горькие травы, которые чистят организм и отбивают аппетит.

На следующий день с утра я съедала тарелку сырых овощей или кислой капусты с настоящим подсолнечным маслом и луком. Запивала это большой кружкой сладкого чая или кофе. Сей завтрак оказывал на мой кишечник эффект отличного веника. Организм после такой процедуры чувствовал себя легким и обновленным. За голодный день мое тело теряло килограмм. Причем, в течение следующего дня есть особо не хотелось. Голод

сжимает желудок, и потом наедаешься гораздо быстрее. Таким образом, в течение месяца можно прекрасно похудеть, как минимум, на 4 кг. Организм постепенно избавляется от лишнего, и наслаждается легкостью и свободой.

Приведение тела в хорошие формы всегда работает на рост самооценки и гордости за себя. Что радует, она не переходит в гордыню, как и все достижения, связанные с жертвой. Для меня, «голодный подвиг» – большая жертва в угоду собственному здоровью, эстетическому удовлетворению и главной победе своей жизни – победе над установками судьбы!

Глава 24

«ВЕЛИКОЕ ОТКРЫТИЕ» ИЛИ МЕДЛЕННАЯ ЕДА

Одним из самых поздних, но, пожалуй, самых главных открытий в долгой дороге за похудением, оказалась для меня «медленная еда». Человек я активный, «янский», делаю все быстро и, что касается пищи, то и здесь моя активность и напористость тоже имели место быть. Ела я всегда быстро и активно, экономя время. А чего тянуть, когда надо многое успеть!

Но, в один прекрасный день до меня вдруг дошло – «Боже! А куда же это я лечу?! «Быстроеды» съедают больше, а удовлетворения получают меньше! Пища ведь усваивается не сразу, и сигнал о насыщении приходит позже. Ведь, если я буду есть медленно, то, даже при маленьких порциях, буду наслаждаться любимым процессом

в три раза дольше!».

Йес! Инсайт! И, что вы думаете, действительно, я сделала для себя великое и, главное, полезное открытие! Оно заключалось в следующем – «если ты ешь медленно, смакуя до основания каждый вожаделенный грамм какой-либо вкуснятины, то, во-первых, ты продлеваешь удовольствие, а, во-вторых, наедаешься гораздо меньшими порциями! Получается, убиваешь сразу двух зайцев! Ну а то, что процесс насыщения превращается в полезную успокоительную медитацию, и говорить нечего. Нервы успокаиваются, а вместе с ними организм начинает тормозить выработку гормона стресса, кортизола – главного замедлителя обменных процессов и первого друга нашего многоуважаемого жирка.

Боже! Столько лет надо было жить, чтобы додуматься до такой очевидной мысли! Дело не в количестве пищи, а в количестве наслаждения от ее вкуса! Вот же бред! Господи! Какой же ты, все-таки, шутник!

Эффект от применения нового «открытия» не заставил себя долго ждать. Мой неугомонный желудок, наконец-то, стал мне подыгрывать. Как мне показалось, а, может быть, и дошло – наши с ним скорости, наконец-то, совпали. Он успокоился, испытывая, при этом, чувство глубокого удовлетворения. Ну а приятнее всего было получить, казалось бы, два несовместимых ощущения – сытость и легкость одновременно! Я благодарна Богу за этот поистине царский

подарок! Но как долго я к этому шла!

Глава 25

ЗАКОН СИНХРОНИСТИЧНОСТИ СОБЫТИЙ

«Нет чудес, есть определенный уровень знаний». Это мудрое выражение я прочитала, когда мне исполнилось 35 лет. Тогда я развелась со вторым мужем. Это был тяжелый брак – брак, ведущий в бездну. Но там было много любви. Поэтому расставание было очень болезненным, и раны пришлось зализывать долго. Так часто бывает. Говорят, что любовь в тяжелых браках дается именно для того, чтобы люди были вместе, пока не пройдут испытания, данные им Богом. А твой партнер – хороший катализатор этих испытаний. Если ты с честью проходишь их, и становишься сильнее, то поднимаешься еще на одну ступеньку собственной эволюции – получаешь «зачет».

Человек не может менять в жизни что-то одно. С перемены в одном начинается меняться всё. Вступает в силу один из метафизических законов – Закон Синхронистичности Событий. Все остальные перемены приходят в твою жизнь приятным бонусом.

Первым бонусом была моя новая фигура. За время развода я похудела еще на десять килограммов, и, наконец-то обрела идеальные для себя формы.

Вторым бонусом были мои внутренние перемены. Я стала сильнее. Это расставание закалило мой дух настолько, что все остальные трудности стали казаться незначительными

и легко преодолимыми. Как ни странно, но несмотря на усложнившиеся материальные обстоятельства, «жить стало лучше – жить стало веселей».

Третьим бонусом стало новое интересное дело – метапсихология, в которое я с удовольствием погрузилась.

Ну, а четвертым – качественно новые отношения с родителями, которые стали относиться ко мне с уважением. То, на что я решилась и сделала, было для них открытием. Дочь словно подменили. Вместе безвольной располневшей недотепы появилась уверенная в себе молодая женщина – стройная и сильная, с которой теперь надо было считаться.

Конец этой тяжелой истории стал началом новой истории моей жизни – совсем другой. В ней тоже присутствуют испытания. Как же без них?! Но они другие, и воспринимаются мной совершенно иначе. В той, старой жизни, я всегда была жертвой досадных, от меня не зависящих обстоятельств. В этой, Слава Богу, я творец своего будущего и режиссер настоящего.

Но мой опыт – это только мой опыт. Это не рекомендации для всех. Каждый из нас индивидуален, и у каждого – СВОИ ФОРМУЛЫ УСПЕХА, в том числе, и в еде.

Итак, подведем итоги.

ВЫВОД 1:

Когда нет других защит, тело защищается слюем жира.

ВЫВОД 2:

Вселенная считывает твою программу «нелюбви» к себе, и воплощает ее в жизнь.

ВЫВОД 3:

Количество жировых клеток закладывается у человека в раннем детстве, и, часто, от этого зависит наше будущее телосложение.

ВЫВОД 4:

Привычка к наказанию порождает т.н. «едомазохизм», которым, к слову сказать, грешат многие, затюканные в детстве, представители человеческого рода.

ВЫВОД 5:

Реакция на тебя окружающих – зеркало твоих внутренних установок.

ВЫВОД 6:

Любое желание содержит в себе потенциаль-

ную энергию. Жир – это наша нереализованная энергия, заторможенная весьма иллюзорными страхами.

ВЫВОД 7:

Человек, который поглощает пищу осознанно, не спеша и с удовольствием, толстеет и ест гораздо меньше. Неуправляемое обжорство и полнота – порождения страха и самоосуждения.

ВЫВОД 8:

Чтобы начать новую жизнь, надо самой стать новой. Внутреннее равно внешнему.

ВЫВОД 9:

Четко поставленная цель автоматически начинает притягивать нужных людей, информацию и ситуации. Это закон Вселенной.

ВЫВОД 10:

Слушай свое истинное «хочу» и станешь счастливой!

ВЫВОД 11:

Каждый из нас индивидуален. Пойми себя и создай СВОЮ ФОРМУЛУ УСПЕХА, в том числе, и в еде.

Автор: Марина

Жан

Подснежник

Всю ночь над мирным селом Кузьминки мела метель и завывал протяжно ветер, аккомпанируя волкам. Вой «серых» разбойников звучал тоскливо и хорошо был слышен на много верст вокруг. Собак селяне заблаговременно определи-

ли в сени домов, а сами выглядывали с опаской в окна, молясь вслух о спасении и помощи со стороны Бога.

А утром распогодилось, тучи разбежались и солнце, отражаясь в каждой снежинке, ослепило Николашку Веселовского, вос-

ставшего из-под сугроба. Ослепило так, что он и, зажмурив глаза, все видел перед собою фантастические разноцветные круги, плававшие неторопливо, будто пестрые рыбки в прозрачном аквариуме, тяжело стоявшем на массивной тумбе

в просторном коридоре фельдшерского пункта.

Николашка оказался пятым в очереди на прием к фельдшерице. Перед ним на мягком стуле сидела прямо, так, что сразу была видна школьная выучка с бесконечными выкриками учительницы: «Сядь прямо, не горбись!», невольно и сам Николашка выпрямился. Так вот, перед ним сидела худенькая пятнадцатилетняя девочка, из-под подола ее шерстяного платья торчали острые коленки, маленькая, едва оформившаяся грудь, перетянутая двумя шерстяными платками, все время сотрясалась. Девочка глухо кашляла, каждый раз прижимая белый носовой платок ко рту. И Николашка жадно глядел: не покажется ли на платке кровь, как при чахотке? Девочка, перестав сотрясаться в бесконечно-сухом кашле, замирала на минутку, глядела безнадежно и устало перед собою на цветной плакат о профилактике гриппа и тут же снова начинала кашлять. Аккуратный носик, пухлые губки и зеленые глазки, все в ней носило отпечаток жестокой болезни и бессонных ночей.

Сочувствуя, Николашка осторожно, одним пальцем, дотронулся до ее почти прозрачной белой ручки, и когда она поглядела на него, попытался ободряюще улыбнуться...

Перед девочкой в очереди сидела в мягком кресле женщина с ребенком. Длинными пальцами она беспрестанно трогала лоб ребенка. Хватала одеяло с яркими хвостиками пеленок, выглядывающих из-под головы ребенка и тут

же, принималась все это поправлять, разглаживать и снова поправлять. Ребенок, толстощекий, розовый младенец мирно спал, причмокивая во сне губами, но женщина все прислушивалась к его дыханию, все наклонялась, недоверчиво всматриваясь в спокойные черты своего дитяти.

И Николашка, которому все сразу стало ясно, жаль сделалось безумной матери с ее страхом над маленьким человечком. Он со своего скрипучего старенького стула, стоявшего в самом углу, где Николашке было самое место, дотянулся до женщины, и когда она к нему обернулась, успокоено хмыкнул, что, мол, все будет путем. Она только досадливо отмахнулась от него.

Николашка не обиделся. Он знал, что был пьян и, возможно, приперся на прием в больничку с запахом перегара. Но он провел ночь в снегу и что-то с ним было не так, мир вокруг выглядел другим и Николашка делал безуспешные попытки влиться в этот мир, стать своим, но что-то плохо получалось...

Перед женщиной с ребенком сидела на скамейке старуха. Изредка старуха вставала, и держась за поясницу делала несколько шагов по коридору. Двигалась она тяжело, долго ворочалась на скамейке, чтобы только приподняться и, цепляясь в бессилии за гладкую стену, пока не нащупывала шершавый косяк двери. Смотрела старуха с болью в глазах и так обреченно, как глядят иные заросшие мхом и долгопыхтением на этом свете, уставшие

жить старики, замученные своими предприимчивыми родственниками и бесконечными житейскими проблемами, от которых убежать бы да вот некуда.

Николашка ей ничего сказать не смог. Поискал, искал слов в своем словарном запасе да так и сник и перевел взгляд на ту, что была первой в очереди.

Ею оказалась молодая беременная женщина с огромным животом, который она поддерживала, как громадный арбуз, обеими руками. Она вызвала у Николашки целую бурю вопросов. Он вытаращил глаза и хрипло, непослушными отмороженными губами задал их беременной один за другим, не ожидая особо ответов, но все же надеясь хоть что-то услышать в ответ. В коридоре воцарилась удивленная тишина, и даже больная девочка перестала кашлять, глядя на него с изумлением.

А он всего лишь захотел узнать, как это беременные бабы ходят и не падают, ведь вздувшиеся животы их должны перевешивать и тянуть как гири к земле? Как они моют ноги, если из-за животов даже пальцы ног своих не видят? И почему они вообще позволяют своим мужикам так издеваться над ними, не легче бы было привязать своему благоверному большую подушку к пузу, затолкать в подушку гирю килограммов на десять и заставить его так ходить целый день да еще при этом и домашние дела делать? Почему бабы не поймут, что после такой экзекуции мужик сам начнут сторожиться, чтобы чего не случилось,

чтобы не заделать своей жене вот такое диво! И Николашка ткнул пальцем в сторону пуза беременной.

И тут вышла в коридор фельдшерица, оставив дверь в кабинет распахнутой. Она держалась вежливо и подчеркнуто сухо, точно так, как и должен держаться врач в сельской глубинке. Волосы стянутые на затылке в тугой узел почти не были видны из-за белоснежной накрахмаленной шапочки. Белоснежный халат перетянутый белым пояском смотрелся на ее ладной и сильной фигурке нарочито аккуратно. На вид ей можно было дать лет тридцать, не больше. Николашка не забыл разглядеть ее светлые, с прищуром золотисто-карие глаза. Не упустил тонких губ и упрямого подбордка. Отметил, как бы про себя, две линии вертикальных морщинок, залегших между бровями. Он вообще видел, как-то не так, замечал мелочи, мимо которых раньше, даже еще день назад, прошел бы совершенно равнодушно. Изредка в голове его что-то звенело и скреблось, и тогда он заглядывал под стул в поисках мыши, но пол и стены были идеально чисты, целы, по всему было видать, что в больничке мыши не водились. И Николашка мучился, ему было жарко, он потихонечку все приоткрывал и приоткрывал двери в сени, пуская струйки холода на себя...

Фельдшерица между тем оглядела всех пациентов и остановила свой взгляд на Николашке. Брови ее поползли вверх, но Николашка заметил все это мельком, а только при-

стально взгляделся в приоткрытую дверь за ее спиной, где белел кабинет, виднелась клеенчатая кушетка, стоял стеклянный шкаф с прозрачными пузырьками. Между тем, фельдшерица всплеснула руками и вне очереди загнала его на прием.

Николашка сильно обморозился, впрочем, боли он пока не чувствовал, видимо, из-за выпитого накануне, игравшего роль такового наркоза. И пока фельдшерица его чем-то мазала, он растерянно мигал и молчал, только изредка громко сглатывал. После уже, он начал икать и, поспешно прикрывая рот перемазанной какой-то вонючей мазью ладонью, все глядел испуганно, просительно, жалобно улыбаясь, как бы извиняясь за свое поведение.

Фельдшерица налила ему стакан воды, и когда он выпил, засунула градусник под мышку. Николашка покорился. Одежда его комом валялась возле, сам он завернутый в два колючих шерстяных одеяла сидел на стуле и глядел на беременную. Глядел, вытянув шею, как она, нисколько его не стесняясь, заголяет свой непомерный живот с утонувшим пупком, а фельдшерица водит темной присоской фондоскопа по поверхности живота, что-то там такое, внутри определяя и выслушивая. Глядел, как беременная благодарит врачей и уточкою, вперевалочку, идет в коридор. А следом входит женщина с ребенком и Николашка, прислушиваясь, улавливал ее сбивчивый испуганный шепот о поносе у маленько-

го. Фельдшерица быстро развернув одеяло, распутала ворох цветастых пеленок, достала розовое хрупкое тельце, одетое в голубую распашонку. И Николашка улыбнулся, даже обрадовался тому, что это мальчик. Мальчишка проснулся и заорал благим матом, но все с ним было в порядке, животик мягкий и мамаша поклонилась докторше, заулыбалась, тревога из ее глаз куда-то пропала и она, взяв в охапку ребенка вместе с одеялом и пеленками, попятилась в коридор, где был пеленальный стол. Тут же старуха, пыхтя и застрекая в дверях, готовая на смену, заглянула в кабинет. И потом Николашка услышал из процедурной, примыкающей к кабинету, звяканье шприца и ампул и короткое старухино «ах», когда фельдшерица сделала ей укол, вероятно, уже не первый по счету, потому что старуха тут же и выкарабкалась в коридор, придерживая ватку на уколоте месте, так что Николашке видна была часть ее спины ниже поясицы вся в следах синяков, которые обычно можно наблюдать у любого больного, нуждающегося во внутримышечных инъекциях. Вошла девочка, пугливо покосилась на Николашку, явно его стесняясь, но тут же послушно, следуя приказаниям фельдшерицы развязала оба платка, перетягивавшие ей грудь, и глухо кашляя, проследовала в процедурную. Там опять послышалась та же песня и на глаза Николашке навернулись слезы, когда вместо старухино «ах», девочка тихо заплакала.

Ему сделалось невыносимо жарко. Он скинул одеяла и встал, чтобы в одних трусах пойти в коридор и в сени, где можно было бы остыть, прохладиться. Он не знал отчего так, но фельдшерица преградила ему дорогу, взяла градусник и едва взглянув, охнула, кинулась к телефону. Дальше все произошло очень быстро. Она вколола ему укол, который Николашка даже кажется и не заметил, успокоился, коснувшись разгоряченным телом прохладной поверхности клеенчатой кушетки. И только удивился, отчего это девочка вдруг заревела в голос, глядя на него большими, обведенными черными кругами, встревоженными глазами. Отчего давешняя старуха влезла обратно в кабинет и закрестила его дрожащей рукой. Отчего женщина с ребенком подобрала с полу брошенные им одеяла и попыталась его укрыть и малыш, лежа у нее на руке, глядел на него серьезно, все понимающе, огромными глазищами. Беременная охала в дверях и плакала, с тоской заглядывая ему в лицо...

Люди в белых халатах и внутренний салон машины «скорой помощи», в которой Николашка сроду не бывал, он заметил смутно и вяло, как во сне. Сквозь мутный туман обманчивых мыслей вой сирены над головой его удивил. Кого это везут с мигалками? Неужели его? И усталость отчего-то навалившаяся тяжелым камнем ему на грудь...

Перед глазами у него возникла сельская школа и он сам, младший школьник.

До школы от дома было рукой подать, бегом, минуты две ходу, пешком - минут пять. Но Николашка как-то поставил рекорд, он шел полчаса. Вначале вихрем пронесся на воображаемой гоночной машине, подняв тучи снега, горделиво вскинув голову и царственно оглядываясь вокруг. Изредка делал покровительственные жесты в сторону нетерпеливых дошколят, метавшихся за ним с криками восторга из двора во двор. Вылетел на утонувшую в сугробах центральную улицу села и резко затормозил возле деревянной одноэтажной школы, где уже трудились всюю школьниками, из-под лопат которых даже виднелась замороженная земля с проблесками сухой травы хорошо знакомой тропинки.

Эффектное появление Николашки не осталось незамеченным.

- Веселовский! - строгая директриса протянула ему свободную лопату. - Хватит играть, откапывай школу!

И Николашка сразу потеряв весь шик, превратился в маленького мальчика десяти лет от роду, ученика четвертого класса.

- Ты прямо, как в сказке примчался, - задумчиво прокомментировала Анютка, по прозвищу «Голубые глазки», одноклассница.

- Почему это? - Николашка старался на Анютку не смотреть, он не любил барахтаться и тонуть в глубине ее голубых спокойных глаз.

- А за тобою облако снежное гналось, будто за Иванушкой-дурачком Змей-

горыныч следовал.

И тут же он вспомнил свадьбу, свою свадьбу и безмерное счастье, когда после армии, двадцатилетним парнем посватался и получил согласие. Анютка — его невеста, самая красивая девушка на селе была весела и нежна. Пропивали их долго. Гуляли целый месяц. Потом месяц опохмелялись. И жить бы как всем, но...

Со свадьбы вот уже годков как десять прошло, а Николашка все пил, ненадолго только выходя из «штопора». Он оказался запойным. Жена ушла, мать с горя почернела и померла, а больше никого у него и не осталось на всем белом свете.

Николашка вздохнул всей грудью, пытаясь сбросить ощутимый, но невидимый камень, и врач «скорой помощи» всадил ему в вену очередной укол. «Скорая» неслась на всех парах, распугивая по дороге в город легкомысленных автолюбителей и послушных водил с тяжеленными фурами. Все сторонились и пропускали машину с красным крестом, мысленно следуя, кого бы это могли повезти и что там случилось?

А Николашка между тем опять впадая в забытие, похожее на какое-то тягучее сновидение вспомнил свое далекое детство и бабушку, очень добрую, ласковую старушку. Вспомнил бесконечные сказки, которые она ему рассказывала у русской печки, когда он не мог оторвать взора от яркopotрескивающих в огне сухих березовых поленьев да так и засыпал у нее на коленях, чтобы очухаться под

утро в мягкой пуховой перине железной старинной кровати с шишечками. Ах, эти шишечки, которые он истрогал своими пальчиками!.. Вспомнился ему лес с грибами да ягодами и сосна с пахучими каплями смоляной крови. Николашка так весь и оказался возле этой сосны, где наверху, в дупле, жила бойкая белка с бельчатами. Белка, распушив хвост, спускалась с сосны на самую низкую ветку и оттуда, глядя ему в глаза, сердито цокала, мол, уходи. А Николашка протягивал ей ладонь с крошками хлеба и думал, что, может, она перестанет злиться, а возьмет у него хлебушка и успокоится. С завистью он глядел на бельчат, очень уж хотелось ему их погладить. Часто на этой сосне сидел красноголовый дятел и стучал, настукивал насекомых, тут же слетались бойкие маленькие птички и выклевывали даровое угощение, оставляя дятла с носом...

Николашка глядел

наверх, на проплывающие над сосною облака и, вдруг пошатнувшись, схватился за ствол, перемазывая пальцы в липкой смоле, сполз на сухой зеленый мох, вздохнул успокоено, с любовью глядя на разгулявшийся ветер, разбойником прыгающим от одной кроны качающейся сосны к другой. В ярком летнем небе, в проблесках между облаками ослепительной синевы, заливался жаворонок. Откуда-то из кустов малины вынырнула бабушка, светлая и одетая в белую кофту и юбку, улыбнулась ему ласково, протянула руки и сказала: «Пойдем, Коленька, пора тебе! Он улыбнулся ей в ответ и отлично понимая, куда пора, смело протянул ей руки, только повел взглядом вокруг, напоследок прошептал всему, что его окружало, что оставалось после него: «Спасибо!»

Взялся за сухие и легкие ладошки бабушки и легко, полетел с ней, вверх,

вверх, по золотистому стволу сосны к воротам другого мира. Легко прошел с бабушкой туннель. Легко миновал ангела смерти, одарившего его из-под темного капюшона теплой улыбкой, и встал на пороге замечательного мира, которым изредка грезят блаженные и дети. Где нет людской грязи, где нет пьянства, где нет борьбы за выживание и физических страданий, а душевные, кто же способен исцелить?

Николашка распахнул свои крылья, которые, как известно имеет всякая душа и полетел, радуясь обретенному покою долгожданного Дома и своему бессмертию.

А врач «скорой помощи» в это время с удивлением говорил в приемном покое городской больницы о том, что надо же откинулся «Подснежник»-то, таки не успели довести...

Автор: Элеонора
Кременская

Сережка

Скирда соломы была старая, черная. И дорога, на которой стояли люди, была черная. И люди, ежившиеся от холодного мартовского ветра, тоже были в черном... Они почти не разговаривали друг с другом, вглядываясь в мрачном ожидании вдаль. Скоро на дороге должен был показаться грузовик...

Я приехала в родное село на похороны двою-

родного дяди. Он был родом отсюда, но всю жизнь прожил в соседнем поселке. По настоянию родни, хоронить дядю было решено на местном кладбище, и теперь мы все – родственники и просто односельчане – поджидали отправившуюся за телом машину. Первой грузовик увидела сестра покойного. Она заголосила, бросилась ему навстречу...

Людей на маленьком сельском кладбище набралось много. С покойником попрощались родственники, подошли односельчане... Заколотили гроб, опустили в землю. Бросив по три горсти земли, некоторые стали расходиться по могилкам своих близких. Другие, отдавая дань покойному, ждали, пока могила будет засыпана до конца...

- Ну что, пойду и я свою Нюру проведу, - услышала я рядом с собой. Это был дядя Петя, ближайший сосед моих родителей. Полгода назад он похоронил свою жену Анну Семеновну, которую все в селе называли бабой Нюрой.

- А можно и я с вами, - напросилась я. Бабу Нюру я помнила с детства, и мне захотелось увидеть, где она похоронена.

Могилка оказалась ухоженной и нарядной - дядя Петя обильно украсил ее белыми искусственными ромашками. Однако с фотографии на памятнике на нас смотрела не хорошо знакомая баба Нюра с седыми волосами и в белом - как снег - платочке, а юная чернобровая девушка с толстыми, уложенными венком вокруг головы косами. Ниже, под фотографией - табличка с именем и двумя датами «1920-2001».

- Ой, дядь Петь, ну и фотографию вы выбрали! - вырвалось у меня. - Баб Нюра ведь здесь совсем на себя не похожа...

- Ишь ты, - видно было что мое замечание здорово обидело старика. - Тебя, девка, забыл спросить. Знаешь что - иди-ка ты с моей могилки!..

Дядя Петя наклонился к холмику и, смахивая песок с гробнички, продолжал бурчать: «Молодые, а ранние...»

Я бросилась извиняться, объясняя, что совсем не хотела его обидеть и что я сказала так только потому, что и представить

себе не могла, какая баба Нюра была в молодости красавица.

Это смягчило старика.

- Да, краше моей Нюрочки никого в селе не было, - наконец улыбнулся он. - Так ведь и я, девка, раньше был огонь!.. А что на фотографии она молодая и красивая - так ведь она для меня всегда такой и была. Такую я ее увидел, такую полюбил. А самое-то главное - эта фотография мне жизнь спасла. Три дня в 42-м я из окружения раненый на брюхе полз. На четвертый день совсем из сил выбился. Чувствую - конец мне. Достал я эту фотографию из гимнастерки, поцеловал ее, перекрестился и потерял сознание. А очнулся - в теплой постели: лесник меня подобрал и выходил. Вот так-то...

- Ну-у, это вас не баба Нюра спасла, а случай, - разочарованно протянула я.

- Опять вперед бабки лезешь! - дядя Петя снова нахмурился. Но все-таки продолжил свой рассказ:

- Подарил я перед самой войной Нюре сережки. Простенькие совсем. Металлические. Форма мне их понравилась. Вроде как веточкой, а смахивает на колосок. В этих сережках она меня и на фронт проводила... И вот пришла Нюра как-то с поля, начала умываться, глядь - а одной сережки нет! И такая тоска ее обуяла. Словно шепнул кто: это знак тебе - с Петей плохо. Утром ни свет

ни заря побежала она на поле, чуть ни ползком его все излазила. Нет сережки! Бабы смеются: что ты себя изводишь - пустячное, мол, украшение. А она словно помешалась. Три дня сережку по селу искала. Ни пить ни есть не могла. Так она себе загадала: найду сережку - отступит от Пети беда. Это она мне после войны уже все рассказала. Сверили мы с ней время, и оказалось, что сережку-то она искала, когда я три дня между жизнью и смертью болтался. А ты говоришь - не она спасла! Нюра мне и обликом своим, то есть фотографией помогала. И сердцем - подарочек мой заветный искать не бросила. И что ты думаешь, ровно на четвертый день, когда меня лесник-то обнаружил, нашла и она сережку - как раз у самого крыльца в траве лежала...

Дядя Петя вдруг часто заморгал и отвернулся.

- А что же потом с сережками стало? - припоминая, видела ли их когда-нибудь на бабе Нюре, спросила я.

- С сережками? Так ведь они же дешевенькие были: сломались от времени. Да разве в них дело?..

Дядя Петя уже улыбался. И я тоже. Мы оба улыбались, стоя около маленькой могилки в мире, в котором любовь все-таки побеждает смерть...

Автор: Светлана Еремеева

Кишинев

Да, въезд в Кишинёв был ужасен.

Самый край земли. Дальше ехать было некуда: дальше граница страны, где узаконено было мародёрство во всех его проявлениях. Та граница, которую не смог одолеть литературный герой Ильфа и Петрова, не смотря на свою изворотливость.

В моей памяти, иногда, возникает картина: полёт чумазых цыганят над длинными деревянными скамьями, тесно уставленных на маленьком школьном двореке. Они, скамьи, с грохотом падают на землю, но пацаны продолжают свой полёт, едва прикасаясь к скамьям в последний момент перед их падением.

Нет, мне не дано было оценить их безрассудную удаль, их "ухарство", всю феерию, устроенную, может, для "новенькой", прибывшей к ним издалёка.

И теперь, по размышленью зрелом, считаю, что именно в этих привокзальных

школах больших городов с совместным обучением и без преподавания элементарных основ Православия, воспитывали "быдло", по выражению диакона Андрея Кураева. Правда, он в своём выступлении ничего не говорит о "совместном" обучении: настолько оно стало привычным- даже в столичных школах- в нашем сознании.

К счастью, скоро

стараниями моей мамы, мы перебрались на квартиру на улице Котовского угол улицы Ленина в центре города, и постепенно наша жизнь наладилась.

Учиться в третьем классе я начала в другой школе, в центре города, где было нормальное раздельное обучение, где у нас был огромный приусадебный участок. Мы, ученицы, осенью и весной проводили там работы по посадке плодовых деревьев, по окучиванию кустов. Там же проходили уроки по ботанике и естествознанию. На уроках ботаники мы рассматривали срез помидора или арбуза, принесенных с наших "полей". Их вакуоли были полны соком. Никогда ранее, да и потом я не ела вкуснее плодов. Эта идиллия продолжалась два года: третий и четвёртый класс.

Обучение в пятом классе началось для меня в другой школе: мне повезло...

Там у меня была первая, любимая учительница: Надежда Дмитриевна Бучко, наш классный руководитель.

Там я пристрастилась к изучению иностранного-французского- языка, хотя многие мои подружки не считали этот предмет обязательным для себя. Учительницу Французского я часто вспоминаю. У неё было прекрасное произношение, которого она требовала и от нас.

Там нам преподавали, разумеется, и молдавский . легко запоминала детские молдавские стихотворения.

Я снова воспрянула духом, получив возможность нормально учиться, и всё свободное время посвящала изучению этого города, подаренного мне судьбой...

Улица Ленина заканчивалась на площади Победы, где весной и осенью проходили парады.

С одной стороны площади располагались трибуны, на другой-был огромный парк. Там была Триумфальная Арка, часы в которой мелодичным боем отсчитывали время. В этом же парке был кинотеатр "Бируинца"- . Но я не помню, чтобы мы посмотрели там хоть один фильм.

В конце площади был установлен памятник Стефану .А вокруг памятника, перед воротами в Ботанический сад, был разбит сквер из

чайных роз всевозможных оттенков жёлтого и различных нежных ароматов. Нам так хотелось узнать запах почти каждой розы, что на поход в Ботанический сад у нас не хватало времени.

Но в Кишинёве было нечто, что мешало мне в полной мере наслаждаться его красотой: необузданность Григория Савельевича часто приводила меня в отчаяние.

Поэтому, когда в один прекрасный день,-да это был по истинно прекрасный день,-мама сказала мне, что бабушка стала старенькой, и не хотела ли я поехать помогать ей, я с радостью согласилась. Мама удивилась, что меня даже и уговаривать не пришлось.

Бабушка моя, Татьяна Ивановна, была не похожа на всех остальных людей, от неё, каза-

лось, исходил свет.

Так я вернулась, наконец, на свою настоящую Родину. Моя крёстная мама, Мария Дмитриевна, которая любила меня самозабвенно, позаботилась обо мне.

Для меня закончились скитания по не приветливым захолустьям по прихоти Григория Савельевича.

Но мой брат, Вячеслав, такой одинокий, ос-

тался там ещё на долгие годы. Он ходил в школу для мальчиков и изучал английский, который тоже любил.

Я уехала из Кишинёва, не рассталась с ним окончательно: зимние, весенние, и долгие летние каникулы я проводила по-прежнему в этом прекрасном городе...

Автор: Лариса Сергеева

Про стойкого солдатики и оловянную ложку

Вряд ли можно встретить человека, который бы не слышал чудесную сказку Ганса Христиана Андерсена о стойком оловянном солдатики. Вот именно таким солдатиком и считал себя Колька. Так его с самого детства и называли. Вначале это его здорово обижало, что было неудивительно! Да, и кому же понравится, когда тебя дразнят! Но потом он привык и отчасти с этим согласился. Всему причиной была его фамилия - Оловянный.

Громкий стук в окно, ранним утром, в День Святого Николая угодника, заставил сторожа Овощной базы Кондратьевича от неожиданности вздрогнуть. На широком крыльце среди вчерашних срубленных капустных кочанов лежала клетчатая холщевая сумка из которой доносился тоненький жалобный плач. В ней кроме младенца, завернутого в одеяло, находилась старая потёртая от вре-

мени оловянная ложка. В результате всех этих обстоятельств наше государство пополнилось ещё одним гражданином с фамилией именем и отчеством - Оловянным Николаем Кондратьевичем.

С того самого дня и началась Колькина жизнь как в старой доброй сказке. От сверстников отличался настойчивостью и упорством. Сказать, что всё давалось легко нельзя, но благодаря стойкости своего характера, он обязательно добивался того к чему стремился. В нём как - бы соединялись два человека. Один - Добрый и ласковый, немного застенчивый, постоянно улыбающийся неунывающий. Другой - упорный, можно сказать, «упёртый» настойчивый, «безбашенный», которого победить было просто невозможно. Даже великовозрастные, отпетые хулиганы не связывались с ним и обходили стороной. Когда то в детстве, были, конечно,

неоднократные попытки с их стороны обидеть, скрутить в бараний рог, подчинить его кому-либо. Но все их старания перечеркивались упорством и негибкой волей Колькиной. Однажды, впятером его скрутили, заломили руки за спину, уткнули лицом в снег. Но он в отличие от всех остальных не только не молил о пощаде, а умудрялся кусать обидчиков до крови и плевать на них. Изловчившись, каким-то чудом, вырвался и схватился за валявшуюся на снегу трубу...

С тех пор его никто не обижал. После восьми-летки поступил учиться в профтехучилище на бульдозериста. Нравилось всё: чудесная работа, дружный весёлый коллектив молодежной бригады, и светлая ухоженная комната в «малосемейке». Колька был счастлив, но для полного счастья ему не хватало: первое - встретить свою единственную и неповторимую половинку; второе -

узнать, наконец, хоть что-нибудь о своих родителях. Он держал в руках старую оловянную ложку и размышлял: «Кто они? Где? Почему бросили его?».

Своё девятнадцатилетние встретил в звании сержанта командира отделения, парашютно-десантного батальона (за речкой) в далёком Афганистане. За год службы научился многому: стрелять из всех видов оружия, умело водить бронетранспортёр, ставить мины и разминировать их, в совершенстве овладел приёмами рукопашного боя, но самое главное научился по-настоящему ценить жизнь и дружбу своих товарищей.

Моджахеды - участники великого джихада, бойцы за веру, как они себя называли, с самого восхода ждали по обеим сторонам ущелья, когда же появится колонна с боеприпасами и продовольствием. Всё было готово для встречи: установлены фугасы с таким расчетом, чтобы можно было уничтожить одновременно и головную и замыкающую машины, а всё расстояние от начала и до конца там внизу находилось под прицелом пяти мин направленного действия. Единственное место, где могли бы спастись «шурави»- небольшой развал между скалами шириной метров двадцати и длиной примерно шестьдесят весь усыпанный валунами до самого берега горной реки. Все, кроме этого места отлично просматривалось и простреливалось сверху.

Мухаммад полевым командиром был уже не

первый год и старался проводить все операции лишь при полной уверенности в победе и с наименьшими потерями своих верных бойцов. Именно поэтому он приказал ещё с вечера сделать так, чтобы не одна «паршивая собака» не смогла уйти этим путём. С десяток противопехотных мин, растяжек и лепестковых мин было установлено и разбросано на такой маленькой площади.

Он отлично спланировал и продумал операцию. Всё должно было произойти быстро в течение двадцати - тридцати минут, а потом стремительный отход по одному ему известным тропам в Пакистан. Надо успеть уйти до прилёта этих проклятых вертушек шурави.

Насим сообщил по радиостанции, что колонна в количестве пятидесяти машин в основном бензовозов усиленная тремя автомобилями КамАЗ с зенитными установками ЗУ-23-2 и тремя бронетранспортёрами начала движение ещё в пять тридцать и уже давно должна была сюда прибыть, но на всё видимо воля Аллаха!

Над ущельем зависли два вертолётa огневой поддержки, высматривая и вынюхивая, но так ничего и не заметили. Пошли дальше вдоль дороги, чтобы убедиться в безопасности прохода колонны.

Не так глуп был Мухаммад, чтобы оставлять своих бойцов у всех на виду. Только после сигнала наблюдателя, что прочёсывающая рота ушла от места засады метров на шестьсот, он дал команду на занятие

позиций.

Колька уже не в первый раз принимал участие в сопровождении колонн. Это была тяжёлая и очень опасная задача. Не знаешь где и когда ожидать нападение. За каждым камнем мог сидеть какой-нибудь дух с гранатомётом или автоматом. За долгие месяцы, проведённые в Афганистане, уже знал многие хитрости: люк боевой машины лучше всего держать в открытом состоянии, тогда при наезде на мину появлялся шанс остаться живым и многомного других нюансов и привычек выработанных практикой нахождения в боевых условиях.

Пекло по страшному. Воздух как бы звенел от жары. Пот стекал градом, разъедал глаза. Очень трудно было постоянно плялиться, вверх на вершину скалы, в сторону слепящего солнца держа автомат наготове.

Земля неожиданно и удивленно вздрогнула. Пламя от взорванных бензовозов вырвалось на волю, и взметнулось вверх, прямо к солнцу унося вместе с собой души молодых ещё, ничего не видевших в этой жизни ребят.

Колька лежал на земле и медленно приходил в себя. Его отбросило взрывной волной от бронетранспортёра вперёд метров на двадцать. Голова слабо соображала. Вся колонна была объята пламенем. Ни стонов, ни криков раненных уже не было слышно. (Вечная им память всем погибшим в той войне!) Только откуда - то сверху доносились ликующие крики духов: «Аллах Акбар!». Рядом, метрах в десяти Лёшка

- самый весёлый во взводе паренёк из Красноярского края. Он, молча, и удивлённо смотрел на вспоротый осколком живот и выпавшие наружу кишки. Улыбаясь сквозь нестерпимую боль, пошутил: «Ах, вот она какая анатомия!»

Колька открыл аптечку, достал шприц-тюбик промедола, поставил в бедро товарищу обезболивающий укол. Сложил обратно вовнутрь живота кишки товарища и используя прорезиненную ткань перевязочного пакета наскоро перемотал бинтами. Оглядев-шись по сторонам, понял, что двигаться к пылающей колонне нет смысла, ползти дальше по дороге – расстреляют сверху духи. Единственно правильное решение – попытаться укрыться за валунами у реки.

Уложив Лёху на случайно подвернувшийся не-весть откуда кусок дермати-на пополз к валунам под-тягивая за собой товарища.

Духи давно заметили передвигающегося внизу бестолкового шурави и та-щащего за собой раненного товарища всё ближе и бли-же к минному полю. Снай-пер давно мог бы пустить ему пулю в голову, но всем им был интересен итог этой борьбы (Они-то в отличии от этого маленького и ник-чемнейшего человечка там внизу знали и о минном по-ле, и об его участии). Время поджимало, а он полз и полз... «Не стрелять! На всё Воля Аллаха!» - Мухам-мад уводил свой отряд в сторону Пакистана...

осподь помог, и не потому, что Колька с детства был крещён, и вовсе не потому, что обделён теплом

материнского сердца с ма-лых лет, а потому, что в этом современном и жесто-ком мире должна быть хоть какая-то справедливость!

У самых валунов по локоть в крови, ободран-ный, грязный, опаленный пламенем проклятой войны Николай поднялся в пол-ный рост, чтобы поднять своего друга и спрятать его за камни. Взрыв. Нестерпи-мая боль. Темнота...

Колька не видел, как пара Ми-24 вертолётов ог-невой поддержки достали-таки отряд убежавших к Па-кистанской границе душма-нов. Умиравший полевой командир Мухаммад вдруг вспомнил белобрысого бес-толкового шурави из по-следних сил волочащего своего раненного товарища к минному полю. Потре-скавшиеся губы, прежде чем замолкнуть навечно, прошептали: «На всё воля Аллаха»...

Не видел Колька , как от взрыва противопо-хотной мины нажимного действия оторвалась его ступня, обутая в потёртый старенький кроссовок и улетела куда-то далеко за валуны. Не видел, как его друг Лёха зубами отгрыз розовый резиновый жгут от перевязанных им магазинов и перетянул выше колена, то, что осталось от ноги.

Не видел, как две стрекочущих стрекозы при-землились прямо на дорогу. Он не видел, но чувствовал своей душой, что где-то ря-дом есть плечо друга, на которое можно опереться. И самое главное, что сказка про стойкого оловянного солдатика так кончится не должна...

Весна выдалась на

удивление ранняя. После ночного дежурства в при-ёмном покое Мария Пет-ровна усталая и вымучен-ная с красными от недосы-па глазами облегченно при-села на краешек расшатан-ного сидения в дребезжа-щем и радостно звенящем трамвае. Всё вокруг пело и звенело от пришедшей не-жданно- негаданно, захва-тившей весь городок в свои объятия весны. Очерстнев-шая от долгих лет пережи-ваний душа не отзывалась. Старая, одинокая с суровым выражением лица она по-сматривала, как за пыльным окном трамвая менялись асфальтированные улицы городка, как прохожие ос-торожно обходили первые весенние лужи. Вдруг ей вспомнилась родная дерев-ня, в которой родилась и прожила большую часть своей жизни, фельдшерский пункт, который считала своим домом, радостные и приветливые лица одно-сельчан. Как там сейчас, наверняка, здорово! Вспом-нила первые звенящие, кри-стально-чистые ручейки с увала до самой речки, стай-ки весёлых воробушков ра-дующихся весне, первую пробивающуюся зелёную травку, лёгкое дыхание зем-ли. И запах, чудесный запах весны! Разве, здесь в городе так весной может пахнуть? Она невольно улыбнулась.

Жить бы там да жить! Да только в деревне её ничего уже не держало. Отец с матерью похороне-ны далеко: отец – в Бело-руссии, мать в далёком Подмоскowie. Унесла война нежданно-негаданно, а на-зад не вернула. Тётка, доб-рейшей души человек уеха-ла на Урал вместе с вернув-

шимся с фронта инвалидом-мужем. Звала с собой, но не хотелось бросать отчий дом, да и работа, после окончания медицинского училища деревенским фельдшером была почётной и интересной.

Неудачный роман с приезжим студентом из города на лето отдохнуть в деревне закончился появлением на свет красавицы доченьки Иришки. Его и след остыл, и знать не знал он о появлении такой красотульки. Он исчез из жизни, а счастье осталось. И жили они душа в душу до самого окончания Иринкой школы.

Поехала в город поступила в медицинское училище по маминым стопам дочурка. Да вот незадача влюбилась она до беспамятства в молодого парня бывшего детдомовца, и рванули они оба по комсомольской путёвке на БАМ. Письма от туда шли регулярно радостные и весёлые, наполненные счастьем.

Только счастье оно ведь вечным не бывает. Декабрь. Холода. Открыла Петровна конверт, прочитала, и сердце сжалось в комок. Мужа Иришкиного на лесоповале сосной на смерть придавило. Снег глубокий был и не успел он отпрыгнуть. А сама Иришка на девятом месяце беременности. «Ты мамуля не волнуйся, вот расчёт за Сашу получу, девять дней отведу и к Новому году у тебя буду!»

Вот уж и декабрь на исходе, а доченьки нет и нет. Изволновалась, извелась вся, места себе найти не могла. Отправила телеграмму на прежнее место работы супруга дочери. От-

вет честь по чести. Так, мол, и так - такого то числа рассчитали, такого то отправили поездом и номер указали и вагон. Бросилась Петровна в милицию, написала заявление. Днём и ночью по комнатам металась, места себе, не находя. После рождественских праздников привезли в город на опознание. Она доченька милая. И разум помутился, и жизнь смысл потеряла. Умерла от сердечной недостаточности. Нашли через две недели в сугробе недалеко от станции. А был у нее ребёнок или нет, а если и был, то куда делся, то никому не известно.

Похоронила Мария Петровна свою доченьку на городском кладбище, сняла себе маленькую комнатку неподалёку и на работу устроилась в городскую больницу. И все интересы её с этого дня стали: больница, могилка дочери и служба в маленьком храме неподалёку.

Двери трамвая распахнулись, и в него запрыгнул белобрысый весёлый паренёк с синими ясными глазами. Такими синими и ясными как у её любимой покойной Иришки. Остановился возле её сиденья, схватился крепко за поручень и стоит, покачивается в такт движения трамвая. Осмотрелся по сторонам – мест свободных нет. Сумку свою спортивную на пол поставил. Стоит, качается из стороны в сторону нет-нет, да и заденет своей коленкой твёрдой Марью Петровну. А характер Марьи Петровны тот ещё! Палец в рот не ложи! «А что это ты паренёк шатаешься из стороны в сторону? Пья-

ный что ли? Или ноги молодые не держат? Не старый вроде, а на ногах не стоишь! Синяк мне своей ногой наверно настучал, а не замечаешь! Может, ещё и на коленки ко мне сядешь? Вот до дому доберёшься мамке своей на коленки и сядись! А меня не задевай!» - громко на весь трамвай выпалила она. А про себя подумала: «Что я творю старая? Крыша видимо едет!».

Паренёк смутился, покраснел (другой послал бы эту бабку куда по дальше) «Ты уж бабуля извини если обидел, Только была бы у меня мамка, я б её всю жизнь на руках носил, всё бы для неё делал. Дай бог найти её когда-нибудь! Детдомовский я. А что стою некрепко - просто без ноги на протезе не привык ещё! Маленько попривыкну, еще и танцевать научусь. Я по природе стойкий. Прости!» Приподнял штанину, а там протез. Наклонился за сумкой, куртка распахнулась, на груди кроваво блеснул орден «Красной звезды». Из трамвая вышел и быстрым шагом рванул от остановки, куда глаза глядят. Слезы от обиды текут по щекам.

Что-то оборвалось в душе у Петровны. Почему то, вдруг, этот белобрысый синеглазый мальчишка стал ей по настоящему родным и близким. Давно уже так не бегала. На колени упала. Кляла себя старую и глупую на чем свет стоит. Слезы у обоих из глаз лились ручьём, Провожал её Колька до самого дому. И она, столько лет хранившая в себе всю свою боль и страдания, накопленные за дол-

гие годы, никогда и ни кому о ней не рассказывавшая неожиданно для себя открылась перед ним.

Уговорила- таки зайти на чашку чая. Колька, неожиданно для себя, с радостью, согласился. В комнате было светло и уютно. На окнах вышитые крестиком занавесочки. В уголке иконка святого Николая Чудотворца. Чайник закипел. Петровна засутилась, забежала на стол накрывать. Блюдечки, чашечки, ложечки. Вытащила из шкафа альбом с фотографиями. «Вот оно всё моё богатство,

что по наследству от родителей досталось – этот альбом, да вот ещё и ложка прадеда моего, он когда-то её сам отливал. Мастер был на все руки. Такую тяжеленную не встретишь. Сейчас всё с нержавейки да с алюминия. Было две, да вот одна осталась- вторая с доченькой моей Иришкой пропала!» И выложила на стол старую оловянную ложку. Колька смотрел на неё широко раскрыв глаза. Вскочил с места, подбежал к спортивной сумке...

«До чего же здесь в родной деревне, в родитель-

ском доме, светло и привольно!» - думала Петровна, поглядывая за двумя проказниками правнуками, кувыркаяющимися на зелёной травке перед домом. «Молодежь на работе и я вроде бы при деле».

В светлой гостиной со старинного образка хитро прищурившись, одобрительно поглядывал Николай Чудотворец, а перед ним на вязаной ажурной салфетке лежали две большие, потёртые временем оловянные ложки...

Автор: Андрей Эйс-

монт

Ты у меня попляшешь!

Ольга гнала машину по ночному городу. Злые слёзы мешали смотреть на дорогу, свет габаритных огней обгоняемых ею машин и фар встречных, сливались в одно размытое, яркое слепящее пятно. Ольга серьёзно рисковала, но ей было всё равно. «Как он мог?! – в голос кричала она, ударяя ладонями по рулю, - подонок! Скотина!».

Она уже давно не заблуждалась на счёт мужа. Двадцать лет под одной крышей, кстати её крышей, не оставляли возможности усомниться в том, что она вышла замуж за эгоистичного самовлюблённого павлина. Куда она смотрела раньше? А куда смотрят студентки первокурсницы? На небожителей старшекурсников.

Антон в те приснопамятные времена был на удивление хорош собой.

Высокий, спортивный, с густыми вьющимися тёмными волосами, с лицом актёра Владимира Коренева в роли Ихтиандра, в фильме «Человек-амфибия». А кем тогда была она? Серой мышкой, единственными достоинствами которой были очки в итальянской оправе, которые отец, будучи на каком-то симпозиуме, привёз ей из-за рубежа, да крепкие профессорские корни. Наивная первокурсница Оля, воспитанная в лучших интеллигентских традициях, представить себе не могла, что Антон, нашее которого ожерельем висели самые красивые девчонки универа, положил на неё глаз исключительно из корыстных интересов. Она искала в себе скрытые душевные качества («Она меня за муки полюбила, а я её за состраданье к ним...»), которые у неё несомненно

были, и очень бы удивилась, узнав, что Антону было глубоко наплевать на любые её качества, впрочем, как и на недостатки.

Антон, обладатель новенькой белой девятки, заграничных шмоток, завидных карманных денег и контрамарок на все значимые столичные премьеры, был внебрачным сыном высокопоставленного партийного деятеля, переживавшего не лучшие времена. «Перестройка» подошла к своему логическому концу. «Молодые реформаторы» всеми копытами гребли под себя власть, оттирая от кормушки старые, беззубо огрызающиеся кадры. Доить папахена становилось всё труднее, а рассчитывать на свои способности на ниве юриспруденции, поступив на юрфак по «блату», было бы верхом легкомыслия. На носу «диплом», а угадывае-

мые перспективы взрослой самостоятельной жизни выглядели удручающе. Брак по расчёту, единственное, что могло бы реализовать мечты Антона о сытом и безоблачном будущем. И тут подарок судьбы – невзрачная первокурсница, с глазами оленёнка Бемби, за стёклами стильных очков, дочка «выездного» профессора. Как же она легко ему досталась! Лапшу, которую он вешал ей на уши, дурёха находила нитями бесценных перлов. Внимая его словесной диорее, словно откровениям Дарроу Кларенса Стюарда, Сергеевского, Несесянца и Федора Никифоровича Плевако в одном лице, она в восхищении шурила на него свои близорукие глаза.

Обаять профессорскую чету было сложнее, но Антон справился. Видя лучащуюся счастьем дочь, неприступная, казалось, ледяная крепость родительской привередливости растаяла, оросив талыми водами почву, на которой должно было взрасти его будущее благосостояние.

Узаконив отношения, Антон перебрался из спального района в центр, в просторную профессорскую квартиру. Не обошлось и без проблем. Умудрённый жизненным и профессиональным опытом профессор юриспруденции, не питавший иллюзий относительно присоседившегося зятя, сразу после свадьбы пригласил Антона в кабинет, и имел с ним серьёзный разговор. Тесть в простых и доходчивых выражениях объяснил новоиспечённому родственнику, на какого государства флаг он

порвёт его, Антона, анальное отверстие, если вдруг усомнится в должном отношении к своей дочери. Антон был наслышан о более, чем серьёзных, связях профессора. Собственно, их наличие и подвигло его на такой серьёзный шаг, как женитьба, а посему сомнения, в практичной душе молодого супруга, в реальности исполнения обещанного, не возникли.

Счастье семейной жизни на поверку оказалось сродни «бальзаминовскому». Тесть серьёзно озаботился карьерой зятя, и для приобретения необходимого практического опыта, устроил его в одну из курируемых им нотариальных контор, где за смехотворную зарплату Антон постигал тонкости юриспруденции. Ольга же, вполне предсказуемо, поступила в аспирантуру.

Вопреки ожидаемому, жизнь Антона была уныла и беспросветна. Он пытался скрасить её краткосрочными интрижками, оставляя свидания со своими партнёрами едва ли не с большей конспирацией, чем Штирлиц свои встречи с радисткой Кэт, но мысли о возможном возмездии, маячившем в образе «британского флага», портили любое удовольствие.

Антон хотел было задобрить родственников внуками. Какое там! Ольга и слышать о детях не желала раньше защиты кандидатской диссертации.

Профессор почил в бозе, когда Антону исполнилось сорок лет. Тёща, не в пример тестю, на него существенного влияния не имела. Антон наконец-то

вдохнул воздуха свободы, и пустился во все тяжкие. То, что он живёт практически за счёт жены, уже доктора наук, его не смущало.

Вот в этот-то период окрыляющей его вольной жизни, Антон и повстречал женщину своей мечты. Она была молода, красива, жизнерадостна и безрассудна, являясь полной противоположностью Ольги – чопорной ученой зануды, от общения с которой у него от скуки сводило скулы. И что очень важно, отец его фемины был владельцем крупного адвокатского агентства. Антон решил закрыть неудачный проект первого брака, и озадачиться созданием второго, тем более, что несмотря на значительную разницу в возрасте, его избранница была от него без ума, и хоть завтра готова была под венец, а уж он изрядно постарался, чтобы она не передумала.

Ольга тщетно пыталась взять себя в руки. «А Людка-то хороша! Знала всё, и молчала. Лучшая подруга называется! «Я думала, что как-то всё образуется...», - передразнила она товарку. – Думала она! Курица!» Нет, то что Антон жалкое ничтожество, она поняла давно, и терпела его присутствие рядом с собой, как терпят в интерьере безвкусную вещь, подаренную обидчивыми родственниками. Она ссужала его деньгами, этот бездарь так и работал в конторе, куда его пристроил её отец. Но измена... Ольга восприняла это, как смертельное оскорбление.

Она ворвалась в квартиру, kloпоча праведным гневом. Антон был до-

ма. Не стесняясь в характеристиках и эпитетах, она выложила всё, что о нём думала. Реакция мужа повергла Ольгу в шок. Антон выслушал её относительно спокойно, только иногда вяло парируя особо резкие выпады в свой адрес, а потом, воспользовавшись паузой, спокойно сказал:

- Хорошо. Я дам тебе развод. Вот только квартиру разменяем...

Взрыв гомерического хохота не дал ему возможности договорить. Отсмеявшись, Ольга, вытирая слёзы, уже в который раз за эту ночь напомнила ему, что он имбецилл, который не в состоянии осознать тот факт, что его жена доктор юридических наук, и что она уже давно обезопасила своё имущество от его загребуших рук так надёжно, что ни Кучерена, ни Штейнберг и ни Гофштейн, вместе взятые, не возьмутся отсудить для него даже угол в сортире её квартиры.

- Надеюсь, свою машину я могу забрать? – внешне стойко принял удар Антон, хотя его внутренние органы в тот момент распались на атомы, и с дробным стуком, разноцветным драже, ссыпались куда-то в район копчика.

- Ты имеешь ввиду развалюху, которую я переписала на тебя лет пять назад, когда купила себе «мазду»? – Ольга сочла необходимостью окончательно растоптать его достоинство, - сделай милость, забирай! Это мой тебе подарок... на свадьбу. Даю тебе час на сборы.

Она бросила на него испепеляющий взгляд, и удалилась в спальню, теат-

рально хлопнув дверью.

Ближе к обеду, проснувшись в пустой квартире, мать уже неделю жила на даче, Ольга припомнила события сегодняшней ночи, и взрыкнула, как рассерженная пума: «Как? И это всё? Этот мерзавец будет теперь преспокойно нежиться в постели с молодой любовницей, не испытывая ни малейших угрызений совести? Нет, она этого не допустит. Она приложит все свои силы, чтобы превратить жизнь бывшего мужа в ад. Он должен ответить за каждый год её бездарно прожитой с ним жизни.

Ольга очень изменилась со дня окончания университета. Встреть её сейчас кто-нибудь из однокурсников, вряд ли он признал бы в этой стильной, ироничной, уверенной в себе женщине очкастую мышь, которую и запомнили-то лишь потому, что она отхватила в мужья самого видного парня-старшекурсника. Она даже очки теперь не носила, пользуясь контактными линзами.

Деятельная натура Ольги требовала действия. Съездить на дачу к матери, поплакаться в жилетку? Но она не испытывает необходимости поплакаться, и слышать банальное: «Всё наладится доченька», она и без подобных успокоительных «пилюль» ни на йоту в этом не сомневается. Ольга уже давно привыкла к тому, что пользуется неизменным успехом не только у зрелых представителей мужского пола, но и у желторотых студентов. Ей сейчас нужно другое. Она нуждалась в

общении, как минимум с равным собеседником. Людка, дурында не годится. Во-первых она на неё чертовски зла, а во-вторых для раговора предпочтительнее мужчина. Михаил Андреевич! Услужливо подсказала память. Папин ученик и друг, который всегда к ней неровно дышал, но она, увлечённая пустышкой Антоном, дала ему понять, что его надежды тщетны... Дура!

Ольга полистала страницы отцовской записной книжки, набрала номер...

Они сидели в уютном кафе. Ольга говорила, а Михаил Андреевич слушал, не скрывая восхищённого взгляда.

- Ну, а вы... ты-то как? А то я всё о себе и о себе, - спохватилась она.

Михаил Андреевич негромко рассмеялся:

- Ты мне сейчас напомнила одну голливудскую кинодиву. Та тоже решила проявить такт: «Ну что мы всё обо мне и обо мне. Давайте поговорим о вас. Как вам моя роль в последнем фильме?».

- И тем не менее? – улыбнулась Ольга. Как же она соскучилась по беседам по душам с умным, достойным мужчиной. Как он её сейчас изящно «умыл». И поделом! Она тоже хороша. Столько лет не виделись, а она, что называется, прямо с порога высыпала на него все свои проблемы, не удосужившись даже поинтересоваться, не оторвала ли она его от важных дел.

- Да всё у меня всё в порядке, - по нему было видно, что так оно и есть, ограничился Михаил Анд-

реевич расхожей фразой.

- А как в личной жизни? – Ольга неожиданно для себя почувствовала укол неуместной ревности.

- Никак, – пожал он плечами.

- Что так? – расслабилась Ольга.

- Тебя дожидался, – Михаил Андреевич посмотрел ей прямо в глаза, и она почувствовала, как он внутренне напрягся.

- Сейчас не самый подходящий момент, Михаил, – потупилась Ольга.

- Да-да. Извини. А у меня тут дочь образовалась, – сказал он первое, что пришло ему в голову, чтобы заполнить неловкую паузу, и сменить щекотливую тему на более нейтральную.

- Это как? – Ольга была благодарна Михаилу, давшему ей повод скрыть смущение.

- Да случился у меня скоротечный роман, лет двадцать назад, но не срослось. Нет, она была достойной женщиной, но излишне самолюбива. Когда мы расставались, она мне не сказала...

- Ты сказал, была?

- Да. Она умерла в прошлом году. Я не знал, – Михаил Андреевич поморщился, досадуя на себя. Мне сказала Кристина...

- ?

- Дочь.

- А ты уверен, что... – осторожно начала Ольга.

Он не дал ей закончить.

- Да. Абсолютно. Та ещё штучка! – Михаил неодобрительно покачал головой, – тут поставила меня в известность, что выходит замуж.

- А ты?

- Полагаешь, у меня есть право читать ей нотации? Тем более, она беременна.

Они ещё немного поговорили ни о чём, обменялись номерами мобильных телефонов, обещав друг другу созваниваться.

- Если тебе понадобится помощь, всё...

- Я знаю, – Ольга не удержавшись, клюнула его в щёку, и пошла в сторону припаркованной неподалёку от кафе машины.

- Какой же я всё-таки была идиоткой! – корила она себя, выезжая на шоссе.

Потом был развод, неуклюжие, вызывающие чувство брезгливости попытки Антона отсудить хоть что-то в свою пользу. Знакомая судья лишь вежливо улыбалась на его потуги, незаметно для других, подмигнув Ольге.

Ольга привыкала к своему новому статусу разведёнки, работала, занималась домашними делами, перезванивалась с Михаилом. Она с радостью приняла его приглашение пообедать вместе.

- Как, ощущаешь себя дедом? – Ольга не без удовольствия посмотрела поверх букета цветов на подтянутого, представительного мужчину, в очках с тонкой золотой оправой, и с благородной сединой в тёмных волосах, сидящего напротив неё.

- Я и отцом-то, если честно, себя не чувствую, – улыбнулся Михаил.

- А когда свадьба?

- Наша?

- Мы обсудим этот вопрос позже, а то разоришься, – рассмеялась Ольга.

- Я? Да я сборную по синхронному плаванию замуж выдам, не замечу.

- Мошной потрясёшь?

- Это я тебя так прельщаю, – смутился Михаил Андреевич.

- Ну, для меня это не главное...

- Я знаю, – он мягко накрыл её руку своей.

- Ну, так когда бракосочетание молодых?

- Через месяц. Ты бы видела жениха. Тот ещё прощелыга! – засмеялся Михаил.

- А как бы мне на твою дочь неразумную посмотреть, когда-то и я такой была. Но так, чтобы без официоза и посиделок, – спросила Ольга.

- Чего проще? Завтра мы к двенадцати часам за свадебным платьем поедem, в салон на Смоленской... кстати, там и жених будет, – смешно поморщился Михаил Андреевич.

- Я подъеду, – пообещала Ольга.

На следующий день она уже собралась выходить из машины, когда заметила автомобиль Михаила. Из-за руля вышел хозяин, из задней двери выпорхнула стройная девица в диковатом макияже, а за ней... Ольга не поверила своим глазам. Она даже зажмурилась, и потрясла головой: «Антон! Вот сукин сын!».

Ольга почувствовала, что её начинает трясти.

Она немного посидела, приходя в себя. Потом достала телефон, выбрала контакт, и нажала кнопку вызова.

- Миша! Твоё предложение в силе? Я рада. Но

у меня первое и последнее к тебе условие. Мы должны расписаться на этой неделе, но чтобы ни одна живая душа об этом не знала. Ну, на Северном полюсе, в обществе белых медведей, ду-

маю, это перебор... Да ничего особенного не случилось. Я тебе потом всё объясню... Нет не подъеду. Как освободишься, сразу приезжай ко мне. Целую. Пока.

«Ну, ты у меня по-

пляшешь, зятёк!», - с какой-то мстительной радостью подумала Ольга, вырulingая со стоянки.

Автор: Андрей Григорович

Хурма

В снежную тишину двора сквозь окна школы пробился звонок. Еще несколько минут сохранялся покой, но вот громыхнули двери и шумная ватага обезумевших от сидения на уроках мальчишек и девчонок высыпала из здания. Гомон, крики, веселье, вызванные первым выпавшим снегом, заполнили все пространство и сорвали с веток нескольких ворон, сварливо раскаркавшихся на буйных школяров. Мальчишки, побросав свои ранцы, начали лепить снежки и швыряться ими друг в друга, в стену школы и в девочек, которые парами, что-то спокойно обсуждая между собой, расходились по домам.

Две подружки, второклассницы Наташа и Оля, держась за руки, шли по свежему снегу, то глядя себе под ноги, то оборачиваясь, им было любопытно и интересно наблюдать как ботиночки погружались в белый пух и оставляли четкие следы. Дорога к их дому проходила мимо магазина, куда они обычно заходили поглазеть, а то и купить на накопленные денежки какую-нибудь сладкую жвачку или киндерсюрприз. И в этот раз девчонки уже собирались

зайти туда, как их окликнул лотошник, торговавший овощами и фруктами:

- Девочки, подходы, смотри, хурма, виноград, яблоки. Нэдоро-го, вкусно, пакупай - продавец сверкнул озорно своими черными глазами, разделенными красным от морозца хищным носом и показал все свои золотые запасы, растянув рот в улыбке.

Девочки остановились возле его лотка и стали рассматривать разложенный товар.

- Наташа, а ты когда-нибудь ела хурму? Я никогда. Она вкусная? - тихо, почти шепотом спросила Оля.

- Я ела. Очень вкусная, особенно вот сейчас, когда ее подморозило. А еще я кое-что про нее знаю, я тебе потом расскажу - также тихо под орлиным взором жителя гор ответила подруга. Сделав паузу, Наташа подняла голову вверх и неожиданно для самой себя громко и отчетливо произнесла:

- А сколько стоит одна хурма?

- Дэвочка, адын чилограм хурма стоит 40 рублей, а адын хурма ничэво нэ стоит. Я дарю тэбэ, выбэри

сама, какой хочешь - громко произнес продавец, комментируя каждое свое слово разведением и сведением рук. На лице его поселилась благодать, отчего нос уже не выглядел таким хищным, а улыбка приняла нормальные естественные размеры, при которых желтый металл не давил своей устрашающе дорогой мас-сой.

- Бэри любой хурма, от всэй души угощаю.

Девочки переглянулись и Наташа, проводя пальчиком вдоль лежащих фруктов и слегка прикасаясь к ним, остановилась на крайнем бурооранжевом, замерзшем шаре. Благодаритель покровительственно кивнул:

- Бэри, бэри, на здорowie.

- Спасибо - синхронно, в унисон своими тонкими голосочками произнесли девочки и пошли дальше.

Наташа держала в голой руке круглую, цветную льдышку, но ладонь быстро стыла, тогда девочка перекладывала плод в другую руку, а потом все наоборот. Оля взяла у нее хурму и стала делать то же самое. Так, передавая ее друг другу, подружки забирали своими ладошками холод замерзшего фрукта и

уже не была хурма такой леденяще твердой.

- Наташ, а что ты еще знаешь про хурму? Что ты мне хотела рассказать?

- А-а-а. Однажды к нам пришли гости, они веселились, вспоминали свою молодость, детство и моя мама рассказала, как еще девочкой училась целоваться на хурме. А ей об этом рассказывала ее мама, моя бабушка. Все очень смеялись, а я запомнила и все хотела проверить. А знаешь, Оль, пойдем к нам в подъезд, там тепло, согреемся и попробуем.

Оля смотрела на Наташу, не мигая, пушистые ресницы застыли, подчеркивая удивление в глазах. Она поднесла ближе к лицу холодную хурму и, поворачивая ее, стала пристально разглядывать, тихо повторяя:

- Как это целоваться на хурме? Как это?

- Пойдем, пойдем. Сейчас мы все сами проверим и узнаем - и Наташа потянула за руку Олю в сторону своего дома.

Девочки вошли в подъезд и расположились около большой теплой батареи, Наташа вынула из кармана платочек, растелила его на батарее и положила хурму.

- Наташа, а можно я первая попробую - сгорая от нетерпения быстрее познать необычную, интригующую тайну, спросила Оля.

Наташа, хотя сама и не представляла себе, что значит "целоваться на хурме", чувствовала себя явным лидером, ведь именно ее мама и ее бабушка говорили об этом и именно ей

принадлежит эта интересная затея. Наташа покровительственно, в полном соответствии со своими ощущениями главенства сказала:

- Давай, Ольгуша, так и быть, попробуй.

Оля начала внимательно рассматривать хурму, пытаясь понять, как же и с чего надо начать. Наконец, она увидела чистое оранжевое пятно, прикоснулась к нему аккуратными, пухлыми губками и прижала их сильнее к холодному плоду. Широко распахнутыми глазами Оля смотрела на подружку, ожидая каких-то советов и наставлений.

- Закрой глаза-то, Оль. Так ведь не целуются, ты что в кино что-ли никогда не видела?

Оля покорно захлопнула свои огромные ресницы и, прищуривая, стала покрывать хурму поцелуями. Сначала они были частыми, но постепенно прикосновения губ становились более продолжительными, позволяющими ощутить ответную упругость плода.

Наташа смотрела на подругу и вдруг почувствовала, что внутри у нее зреет какое-то раздражение, какая-то ревность или зависть.

- Ну все, Оля, хватит. Ты ведь не одна.

Оля распахнула глаза и, продолжая держать хурму возле рта, касаясь ее губами, прошептала:

- Наташка, как здорово. Держи.

Наташа закрыла глаза и медленно приблизила хурму к плотно сжатым губам, глубоко вдохнула сво-

им аккуратным носиком холодный, сладкий запах южного фрукта и разомкнула губы, и выдохнула горячий воздух в уже согретую мякоть. Она проводила языком по гладкой, холодной коже хурмы и слегка втягивала ее в рот губами, и выталкивала языком, и снова повторяла то же самое. Размытые цветные пятна плыли перед глазами, было сладостно приятно.

Скрипнула дверь, в подъезд вошла Наташина бабушка Наталья Владимировна с сумкой в руке, раскрасневшаяся от уличного мороза. Она увидела девочек и застыла в удивлении. Ее внучка стояла у батареи с закрытыми глазами, держа руки около рта и непонятно что изображала.

- Наташенька, ты что, солнышко, делаешь? - ласково спросила Наталья Владимировна.

Наташа открыла глаза, продолжая держать руки у лица.

- Что у тебя в руках, деточка? - сощурилась бабушка и прильзила к Наташе.

Наташа покорно протянула руки и Наталья Владимировна увидела хурму. Бабушка еще раз внимательно посмотрела на Наташу, на Олю, в глазах ее появились веселые лучики, но она тут же напустила на себя строгость и сказала:

- Откуда у вас хурма? Вам ее кто-то дал? Вы ее нашли? Она же грязная. Давайте, девочки, пойдем домой, покушаете, чайку попьем.

Бабушка взяла у Наташи хурму и, не дожидаясь ответа, пошла вперед к

лифту. Войдя в квартиру, девочки сразу же юркнули в Наташину комнату.

Наталья Владимировна вошла в кухню, по-

ставила сумку на стул и стала рассматривать уже согретый, мягкий плод, улыбаясь чему-то своему. Увидев темно-алый остро-

вок, она закрыла глаза и прильнула губами к хурме.

Автор: Александр Антошин

Последняя встреча с отцом

"А мой отец? Он как живой в своей одежде боевой являлся мне, и помнил я кольчуги звон и блеск ружья ..."

(М.Ю. Лермонтов. Мцыри)

С января 1944 года я находился в детском доме города Кромы Орловской области. Мать погибла в июне 1942 года. Отец был на фронте, я учился во втором классе детского дома. Старшая сестра, которой в 1944 году исполнилось пятнадцать лет, осталась в деревне, жила у тети, сестре отца. Средняя сестра тринадцати лет училась в ремесленном училище города Орла.

Городок Кромы был небольшой, никаких достопримечательностей в нем не было. Пожалуй, три двухэтажных здания, опоясанных колючей проволокой, в которых размещался наш детский дом, были основной его достопримечательностью. Колючую проволоку не успели снять после освобождения города нашими войсками. В период же оккупации фашистами в этих зданиях был устроен концлагерь для советских военнопленных.

Населения в городке было немного. На стенах домов ярко выделялись написанные синей краской

плакаты «Все для фронта, все для победы над врагом!». Вдоль улицы, идущей от детского дома, жилые дома прикрывали высокие тополя. Когда кто-нибудь шел по тротуару, с высоких деревьев с громким криком срывались сотни ворон и пикировали на прохожего, который потревожил их покой. Как правило, после выхода из птичьей атаки прохожий обнаруживал на одежде её следы и вынужден был долго отчищаться от птичьего помета.

Другой достопримечательностью города была река Кромы и большой парк вдоль реки. В этом парке местные жители пасли коров, свиней, коз кур и гусей. Пожалуй, этот парк был самым любимым местом отдыха детдомовцев. Здесь можно было развести костер и испечь сворованную или найденную картошку фелину и, хотя как-нибудь утолить постоянно мучивший голод.

Как-то я был свидетелем картины, когда человек пять воспитанников детского дома подбили гуся средней величины, спустились к реке, разделали бедную птицу и поджарили гусятину на костре. Поэтому местные жители тщательно оберегали свою пасущуюся живность от неугомонных

детдомовцев.

Кстати, до войны в зданиях детского дома располагалась детская колония, и колонисты не гнушались мелким разбоем среди местных жителей. Горожане хорошо помнили нравы колонистов, и перенесли свое отношение на воспитанников детского дома. Отличие детдомовцев от прежних колонистов было огромное. Во-первых, в детский дом привозили детей, оставшихся без родителей в годы войны. А в трудовую колонию - детей-правонарушителей за разбои, грабежи и другие уголовные преступления. О детской трудовой колонии хорошо написал замечательный советский писатель и педагог Макаренко в своих блистательных романах «Педагогическая поэма» и «Флаги на башнях».

Во-вторых, отличие детского дома от детской трудовой колонии было в том, что в детском доме главной задачей было обучение и воспитание детей, оставшихся без родителей в годы войны. А их работа в свободное от учебы время на подсобном хозяйстве - в поле на прополке и уборке овощей, была в помощь работникам детского дома.

Жизнь текла обыденно, учеба, работа, поиски

чего-нибудь и где-нибудь поесть. В городской кинотеатр воспитанников детского дома водили редко. Помню, все мы и дети, и взрослые широко обсуждали трофейные фильмы «Тарзан» и другие, названия которых уже и позабылись.

Мне на всю жизнь запомнился день приезда с фронта моего отца в детский дом. Помню, в этот теплый майский день наш класс работал на прополке моркови. Каждый получил задание прополоть по две длинные грядки, после чего мы должны были идти на обед. Работали дружно и ладно. Я уже заканчивал первую грядку, когда посыльный из детского дома прибежал в поле с криком: «Ваня Краснов, быстрее беги в детский дом, к тебе с фронта приехал отец!». Помню, я уже изрядно уставший на прополке, вспотевший, без куртки бегом пустится в детский дом. Сердце бешено колотилось, глаза застилал какой-то туман. Пожалуй, потом в жизни я никогда так быстро не бегал, хотя уже, будучи лейтенантом в полку, и был чемпионом по бегу на короткие дистанции.

Подбегая к зданию детского дома, я издали увидел стоящего на плацу одинокого военного. Я его узнал, это был мой отец. Он тоже побежал мне навстречу. Сильные руки отца подхватили меня и подняли вверх. Не помню своих первых слов, да пожалуй, их и не было. Я плакал от радости и что-то быстро ему говорил. Отец был в полевой форме, т.е. в гимнастерке, перепоясанной портупеей,

и брюках-галифе; на правом боку в кобуре висел пистолет, на левом - планшетка. На гимнастерке красовалась медаль «За отвагу» и гвардейский значок.

Отец зашел к директору детского дома, чтобы попросить у него

разрешения отпустить меня с занятий; затем поговорил с воспитательницей нашей группы Кузнецовой Инной Ивановной, и мы отправились осматривать город. Прежде всего, мы зашли в небольшой ресторанчик, и за обедом я рассказывал ему о нашей жизни. Мой рассказ был и радостным, и печальным. Радость переполняла меня от присутствия рядом самого близкого и родного человека, грусть же сквозила в моем рассказе, потому что я находился вдали от всех моих родных, а папе нужно было скоро возвращаться на фронт. После обеда мы сфотографировались на память.

Как я благодарен папе, что мы вовремя это сделали! Ведь это единственная фотография нас вдвоём. Мой папа на фотографии выглядит молодым, красивым, в военной форме, сидит на стуле, а я стою рядом, прижавшись к его плечу с пионерским галстуком на рубашке. Оба мы такие счастливые: мы вместе, и не знаем, что это наша последняя встреча. Мы гуляли весь день, затем мы поужинали, заказ делал я, стол ломился от тарелок с едой, ведь впервые я выбирал еду по вкусу и сколько хотел. Папа с улыбкой наблюдал за мной, а я с большим аппетитом все это уплетал за обе щеки. Мы вернулись в

детский дом к отбою.

Перед сном он рассказал моим товарищам по комнате об обстановке на фронте, где и как воюют наши войска. Рассказывал он эмоционально и четко, ведь он был парторгом в полку и ему каждый день приходилось общаться с солдатами и офицерами, объясняя обстановку на данном участке фронта, разъясняя каждому смысл задач, решаемых полком. Отец вручал партийные билеты вступившим в партию. Часто партийные билеты вручались перед боем. А бои были кровопролитными, враг ожесточенно сопротивлялся, переходя в контратаки. Каждый метр отвоеванной земли доставался пролитой кровью бойцов нашей армии. Нужно было перед боем зажечь сердца воинов лютой ненавистью к врагу за смерть женщин и детей, разрушенные города и села. Вот об этом и рассказывал мой отец нашим мальчишкам, приходя четыре дня подряд перед сном в спальню ко мне и моим друзьям. Я был горд своим отцом перед своими друзьями.

На следующий день мы с отцом гуляли в парке около реки. Я попросил папу пострелять из пистолета. Вначале он отказал мне, но я с такой мольбой его просил, и он согласился, правда, я держал пистолет, а папа мою руку. Я два раза выстрелил в воздух, огромная стая ворон всполошилась и с криком поднялась в воздух.

Почему-то в войну из птиц больше всего размножаются вороны. Все мы помним из литературы, кто

кружится над ранеными и погибшими на поле брани. Ворон. Вспомним фильм «Чапаев»: перед боем комдив и его боевые друзья поют песню – Птица ворон, что ж ты выешься надомной? Ты добычи не добыешься, птица-ворон я живой.

В один из дней нас пригласила в гости моя воспитательница Кузнецова Инна Ивановна. Она накрыла праздничный стол и позвала подругу - фельдшера детского дома симпатичную хохлушку Веру Ивановну, и соседа - солидного степенного старика, бывшего начальника артиллерии в Чапаевский дивизии. Помоему, отец влюбился в Веру Ивановну.

На третий день своего отпуска папа сходил к коменданту города Кромы, который продлил ему отпуск еще на три дня, чтобы он мог навестить дочь, мою среднюю сестру Раю в городе Орле. Помню, я просил папу перевести меня в Суворовское училище, но он категорически не согласился со мной, так как не хотел, чтобы я стал профессиональным военным. Он говорил мне: - Сынок, вот скоро закончится война, я заберу тебя из детского дома, и ты будешь учиться дома в школе. Но судьба распорядилась иначе....

Отец уехал на фронт. Я получил от него три письма, в которых он кратко писал о своей фронтовой жизни, давал мне советы учиться хорошо, не болеть, заниматься спортом.

В середине августа наша воспитательница Инна Ивановна подошла ко мне с грустным лицом и

сказала: - Крепись, Ваня. Твой папа погиб смертью храбрых в бою, - и прижала меня к груди. Помню я убежал, спрятался за каким-то домом и дал волю своим слезам. Сердце быстро колотилось в груди, слезы застилали глаза. Я четко осознал, что теперь у меня не будет защиты моего отца, нужно самому решать все проблемы, которых у меня было много.

После получения известия о гибели отца Инна Ивановна по-матерински отнеслась к моему горю, и принимала участие в моей жизни. У соседа Инны Ивановны был великолепный сад. Он неоднократно приглашал меня с товарищами на уборку груш и яблок. Мы помогали ему убирать богатый урожай фруктов и не только вдоволь ели фрукты в саду, но и приносили их своим друзьям в детский дом. О Нине Ивановне позже я написал статью «Её мы прежде звали мамой» (журнал «Работница», 1983).

Оставшись один, без отца и матери, я с детства научился самостоятельно преодолевать трудности в жизни. Ещё во втором классе я прочитал книгу Каверина «Два капитана», одна из глав которой называлась «Бороться и искать, найти и не сдаваться!». Этот девиз героя романа стал и моим девизом в жизни, этим девизом я руководствуюсь всю жизнь.

Много лет спустя, когда я написал об отце в польском журнале «Дружба» статью «Мой отец погиб под Соколом» (польский небольшой город), мне пришло письмо

от известного советского поэта и писателя Александра Марковича Николаева. Оказалось, А.Н. Николаев воевал в том же артиллерийском полку, что и мой отец. Это был 95 гвардейский Краснознаменный артиллерийский полк гвардейской краснознаменной Барановической стрелковой дивизии. Отец был парторгом полка, а Александр Николаевич - командиром батареи.

Девятнадцатилетний командир артиллерийской батареи Николаев был тяжело ранен в боях за Гданьск в марте 1945 года, за сорок дней до победы. Парторг же этого полка капитан Краснов Иван Михайлович - мой отец, погиб 14 августа 1944 года в боях за освобождение польского города Соколки. Отдавая память своему отцу в этом воспоминании, я отдаю должное и памяти молодого командира батареи этого же полка Николаева Александра Марковича. После тяжёлого ранения он выжил, благодаря молодой польской девушке, которая отдала ему свою кровь.

После войны он стал известным советским литератором, описавшим боевые действия 95 артиллерийского полка в замечательной книге «Запомните нас молодыми. Повесть о том, что было» (М., Политиздат, 1974).

Запомните же и вы, мои дети и внуки, боевые подвиги вашего прадедушки, который погиб молодым в возрасте тридцати шести лет за освобождение братского польского народа.

В заключение я могу сказать: - Отец, я достойно

продолжаю твоё дело и с честью несу твоё имя. Только прости меня за одно непослушание: я все-таки стал профессиональным воен-

ным, окончив суворовское и артиллерийское училища, Военно-политическую академию, и завершил службу в звании полковника Совет-

ской армии, кандидатом исторических наук, доцентом.

Автор: **Краснов Иван**

Все по этикету

Филипп Старцев получил по почте ценную бандероль – чему немало удивился. Они с Соколовым Володей и раньше обменивались посылками, но чтобы по почте бандеролью, да ещё и ценной – было впервые.

Филиппа раширало любопытство, что же такого ценного можно послать из Красной, чего не было бы в Коде? Любопытство Филиппа было настолько сильным, что, едва успев расписаться в получении бандероли, он, не обращая внимания на собравшихся вокруг знакомых (а в деревне все друг друга знают), с силой разорвал обёрточную бумагу бандероли и всей пятернёй залез в коробку, в которой и содержался таинственный ценный подарок.

...Филипп с Соколовым дружили давно, наверно, были даже родственниками и дорожили своими отношениями, и всячески старались их поддерживать. Если Филипп приезжал в гости к Соколову, то и Соколов, непременно в скором времени, делал ответный визит Филиппу. Если Соколов присылал с нарочным посылочку, например, с рыбой, то и Филипп не оставался в долгу и непременно посылал, например, лосятину. Оба охотники, оба ры-

боловы и эти посылки практически были ни к чему. К тому же, Кода от Красной находилась всего в двенадцати километрах, и всё, что можно добыть и собрать в одной деревне, было и в другой. Но такое взаимное проникновение этикета в глуши было настолько необычным, что доставляло множество приятных возвышенных моментов в их монотонной таёжной жизни...

Последний ответный визит к Соколову Филипп исполнил несколько дней назад и считал, что, в общем-то, визит удался. А как мог ещё и не удался? Разносолов было во! – предостаточно. Соколов угощал и свежей картошечкой с грибами, и просто картошечкой, и просто грибами; выставил на стол и шуку, и хариуса, и другой рыбёшки сквороду. Молочные продукты и перечислять нечего – множество было... Водку не пили (так, для разогрева по рюмашке замахнули). Пили самогон. Непременно закусывали свежепросольным огурцом и щепоткой квашеной капусты с клюковкой.

Сидели трапезничали целый день. То в зале-горнице, то перемещались на кухню, то выдвигались на улицу (как бы на природу), то забирались

в кладовую, поближе к провианту... К вечеру Филипп уходился настолько, что домой не поехал, а был вынужден задержаться в доме Соколовых на ночь.

Положили Филиппа в горнице на большую кровать, на белоснежные простыни, на пуховые подушки, откуда он, не мешкая, и наполнил дом своим храпом. Ближе к полуночи, когда разная нечисть начинает отовсюду вылезать и пугать крещёный народ, поглощённые при трапезе яства ни с того ни с сего тоже запросились Филиппу в портки. На ночную прогулку особенно настаивали молочные продукты со свежепросольными огурцами, а заодно с ними не прочь проветриться были картошечка с грибами и квашеная капуста с клюковкой. Филипп препятствовать их променаду не с тал, и когда в его портках оказались все желающие повеселиться на свежем воздухе, не просыпаясь, сбросил портки и закинул их под кровать со всем содержимым...

Утром Филипп покинул гостеприимный дом и уехал к себе в Коду. О том, что под кроватью был оставлен «подарок» он не помнил, а то, что проснулся без портков, так всякое бывает – чего выяснять?

...Ночной конфуз Филиппа обнаружился не сразу, а лишь после того, как запах в горнице уже нельзя стало списывать на деревенскую жизнь. Лиза – жена Соколова – несколько дней безуспешно обнюхивала кухню и вылавливала неведомый источник зловонного запаха, то и дело, заставляя мужа выбрасывать сомнительные продук-

ты в помойку. Ей и в голову не могло придти, что в светлице-горнице может быть что-то нечистое-смердящее.

Так или иначе, но «вожделенный» предмет из-под кровати был извлечён... и опознан.

Такие неожиданные реверансы Филиппа заставили Лизу пересмотреть сложившийся этикет двух

друзей – она решила вернуть ценный подарок обратно дарителю. Не обращая на яростные возражения мужа, борясь с дурнотой, Лиза положила в коробку портки со всем содержимым и отправила всё как есть почтой – ценной в сто рублей бандеролью.

Автор: Иван Шестаков

Не судите строго

День начинался, как обычно.

Алексей проснулся в своей однушке, на третьем этаже пятиэтажной хрущевки. Сходил в душ. Позавтракал двумя жареными яйцами и чаем с бутербродом.

Зазвонил телефон. Взяв мобильник, посмотрел на экран, там высвечивалось: "Мама".

- Привет, мам, как дела?

- Привет, - слышался из трубки родной голос, - всё хорошо, ты как? Прошел вчерашнее собеседование?

- Не знаю. Обещали, что позвонят, в общем, как обычно. Да ты не переживай, найду что-нибудь, - трудно было поддерживать бодрый тон после месяца неудачных попыток устроиться на работу. Но не расстраивать же маму.

- Денег надо? А то заезжай, у меня поднакоплено, ты же знаешь.

- Да пока есть, ещё месяц точно продержусь.

- Ну, смотри сам, - повисла небольшая пауза.

- Побегу одеваться, а то уже выходить скоро, давай, пока, люблю тебя!

- Я тебя тоже, родной, пока...

Алексей положил телефон и почувствовал легкую неловкость от сказанного. Обычно "я тебя люблю" не говорилось так просто. Почему вырвалось - он не мог понять и сам. Но, в любом случае, после разговора с мамой стало, и правда, как-то веселее. Приятно осознавать, что кто-то тебя любит и поможет в трудную минуту.

Одевшись, проверив наличие паспорта во внутреннем кармане, Алексей подошел к зеркалу посмотреть на дорожку.

- Ну, ни пуха, ни пера мне, - когда живешь один, приходится говорить это самому. - К чёрту!

Алексей вышел из подъезда. Стояла чудесная погода. Первые теплые дни весны - отличная пора всё-таки.

Очередное место собеседования располагалось неподалеку, остановках в трёх. Решение пройти туда пешком даже не обсуждалось.

По дороге в голове крутились мысли о предстоящем собеседовании и о том, как всё-таки было бы здорово получить это место. Можно было бы чаще вот так пешком прогуливаться.

Метрах в ста впереди показалось нужное здание. Алексей посмотрел на часы, двенадцать минут пешком, просто замечательно. Пройдя большую часть длинного дома, завернул в арку, вход в офисы располагался во дворе.

Хлюп!

- Ну, блин, наступил в лужу... Только этого не хватало!

Алексей достал платок, нагнулся и, как смог, обтер брюки и туфлю. Получилось не очень, но домой возвращаться уже не хотелось. Он выпрямился, убрал платок в карман и

пошел вперед.

Выйдя из арки, Алексей успел сделать только один шаг. Шлакоблок, со всей энергией, накопленной при падении с крыши шестнадцатиэтажного дома, врезался в голову. Череп раскололся. Тело рухнуло на асфальт.

Даже сквозь закрытые веки пробивался свет. Алексей приоткрыл глаза. Он лежал на спине. Белый потолок, такие же стены. Непонятно, откуда идет свет. Алексей сел. Коридор, всё белое. Пол, потолок и стены сами создавали освещение, что выглядело очень необычно.

Сердце заколотилось. В голове одна за другой начали появляться вопросы, но ответов не было. Посидев пару минут, Алексей решил встать. Получилось очень легко: ощущение, будто всплываешь.

Алексей огляделся: слева и справа стены, создали тупик, в нескольких метрах впереди дверь - её сразу и не заметишь - белая на белом фоне. Но теперь он видел её чётко.

- Ну, понятно, значит, без вариантов, - то ли подбодрив себя, то ли, чтобы услышать хоть какие-то звуки, негромко произнес Алексей.

Приблизившись к двери, приложил к ней ухо и прислушался - тишина.

Тук-тук - постучал несмело.

- Да-да, входите, - тут же послышался приятный женский голос.

Алексей отпрянул,

не ожидая такого быстрого ответа. Помедлил ещё секунды три и взялся за ручку. Повернув, толкнул. Дверь отворилась, Алексей шагнул внутрь.

Он оказался в белой квадратной комнате, примерно шесть на шесть метров. Из неё вели три двери. В одну вошёл Алексей, две другие находились справа и слева. Напротив, под дальней стеной, располагался большой стол орехового цвета. На столе стоял телефон. За столом сидела девушка, на вид лет двадцать пять, ухоженная, с ярким маникюром, который сразу бросался в глаза на фоне белой стены позади и тёмной телефонной трубки, которую она держала около уха.

- Да, он уже здесь, - произнесла она негромко и положила трубку.

Алексей не выдержал и спросил первое, что вертелось в голове:

- Я умер, что ли?

- К сожалению, да, - спокойно ответила девушка.

Алексей покачнулся. "Вот это попал, что же делать, что теперь будет?!"

- Присаживайтесь, пожалуйста, - вежливо предложила миловидная особа. - Может, кофе?

- Я не пью кофе, лучше бы чаю и сладкого...

"Не пью кофе, вот debil, нашел, что сказать", - каша в голове никак не могла перевариться.

Девушка нагнулась и вытащила из-под стола поднос. Поставила его на стол. На подносе стояли

чайник и две кружки. Даже на расстоянии пахло ароматным чаем. Алексей подошел к столу, придвинул стул и сел.

- Меня можете звать Изабель, а вы Алексей, - мило улыбаясь и наливая чай в кружку, представилась девушка. - Может, вам и перекусить что-нибудь сделать? Вы не стесняйтесь, говорите, никаких трудностей это не доставит.

- Нет, спасибо, чая вполне достаточно.

Есть, действительно, не хотелось.

Алексей отхлебнул из кружки. Теплый напиток сразу наполнил всё тело. Дрожь в коленках улеглась, в голове прояснилось, прошла паника. Страх отступил.

- Какой у вас хороший чай, - абсолютно искренне похвалил он чудесный напиток.

- Это да, что правда, то правда, - подтвердила Изабель, с удовольствием наблюдая, как на глазах становится легче Алексею. - Вы пейте, пейте, мы никуда не торопимся.

Алексей отхлебнул ещё раз. Ну, вот теперь, вроде, можно и поговорить.

- Значит, я умер?

- Да.

- И что теперь? Куда меня - в ад, в рай? Или, может, вообще всё по-другому устроено? Какая религия права? - вопросы посыпались, как из рога изобилия.

- Обещаю вам, вы всё узнаете, но сначала мне надо немного объяс-

нить уникальность ситуации.

- Уникальность? - Алексей снова немного напрягся. - А как я умер? Помню только, что шел на собеседование, и всё - сразу тут.

- Вам на голову упал шлакоблок, ну, там долго объяснять, как это вышло, но, поверьте, никто не виноват, просто стечение обстоятельств, - лицо Изабель сделалось серьёзным.

- И в этом есть, как вы сказали, уникальность ситуации?

- Нет, конечно, нет, - она снова улыбнулась. - Таких несчастных случаев полно. Дело в другом...

Алексей хотел отхлебнуть ещё чая, но с удивление обнаружил, что не заметил, как уже выпил всю кружку.

- А можно ещё чаю, уж больно понравился, - чувствуя себя уже гораздо лучше, попросил Алексей.

- Конечно, конечно, - Изабель взяла чайник, наполнила кружку и продолжила: - Вы же понимаете, что за хорошие дела полагается одно, за плохие другое, и это всё потом учитывается, как бы точнее выразится, на суде?

- Ещё и суд будет? - Алексей, отпив от второй кружки, уже мог спокойно вести разговор о будущей судьбе. Отличный всё-таки чай!

- Он уже идет, - подмигнула Изабель.

- То есть, вы мой судья?

- Вершитель - мы это так называем. Но, по-

вторюсь, ситуация у нас уникальная.

- Да, это я уже слышал, но так и не могу понять, в чем. Жил, вроде, не по геройски, но и плохого ничего не делал, - Алексей призадумался, вспоминая, что такого уникального было в его жизни.

- Любой ваш поступок учитывается. Вот убили вы комара на природе - в одну сторону весы качнулись. Улыбнулись кому-то - в другую. И так на протяжении всей жизни.

- Ну, это понятно, дальше то что?

- А вот теперь смотрите: лично вы прожили тридцать четыре полных года и семь, без малого, месяцев, качая весы туда-сюда, туда-сюда, - Изабель изобразила ладонями чаши весов. - И тут бац - умерли, а весы ваши в этот момент находились в абсолютном равновесии.

Изабель положила руки на стол и с хитринкой взглянула в лицо Алексея, давая ему время осмыслить услышанное.

- Вот прям в абсолютном равновесии? - переспросил он.

- В абсолютном, ни одного комара ни туда, ни сюда; ни одной улыбки - точнее не бывает.

- Хм, - Алексей призадумался, - ну, допустим... А если, как в фильмах показывают, отправить меня обратно, чтобы я смог определить свою судьбу, пожив ещё?

- Такое случается крайне редко, но когда всё-таки происходит, мы так и делаем. Про клиническую

смерть слышали ведь. Но с вами, опять-таки, это не получится, - Изабель даже отрицательно покачала головой для убедительности.

- Почему? - удивился Алексей.

- Вы представляете последствия удара шлакоблоком прямо по темечку, упавшего с крыши шестнадцатизатяжки? - когда разговор шел о смерти, лицо Изабель становилось серьёзным. - Клиническая смерть - не вариант.

- Ясно, понял, - Алексей продолжал обдумывать варианты своей судьбы, но в голову ничего не шло. - Ну так что тогда со мной будет?

- Вот мы и подошли к самому главному, - Изабель вновь улыбнулась. Алексей улыбнулся в ответ. - Поздравляю, вы приняты на работу в качестве Вершителя. Нужно только ваше согласие.

- То есть, как вы?

- Да, как я.

Алексей ещё раз прокрутил всё в голове, откинулся на стуле и сел в удобную позу. Чувствовал он себя отлично.

- Хорошо, Изабель, расскажи про мои обязанности, - можно и на «ты» перейти с коллегой.

- Ну, вот и чудненько, давай-ка я тебе всё подробно объясню, - она наполнила вторую кружку, подлила в чашку Алексея. - Во-первых, наша работа не терпит суесть...

Автор: Балаев Алексей

Иголлка

Когда речь заходит о воспоминаниях детства для одних это ожидание чудес, праздников и подарков, для других долгое и ленивое лето у бабушки в деревне, для третьих шумная компания ребят с соседнего двора. Я мало, что помню из своего детства, все обрывки какие-то, недозвучья, они врозь на цветные стеклышки похожи, а в мозаику сложить не получается.

Помню запах с травы, когда летним вечером мы возвращались из бани с матерью. Нет, мы жили в крупном городе, а не в деревне, вот только дом наш, был очень старым и постоянно оставался без воды или электричества. Я любила эти походы в общественную баню с мамой, а иногда еще и с бабушкой, которая, бывало, гостила у нас по несколько дней.

Лето было жаркое, вот и пахло травой, ее спелостью, пряным спокойствием. Мама громко чихнула и буркнула себе под нос: «Укол от аллергии сделать надо, а то совсем дышать невозможно». Тогда мне было лет десять или одиннадцать, и меня интересовало все, о чем можно было расспросить, обо что можно было споткнуться или до чего, на худой конец, могли дотянуться мои руки.

В парной мне было скучновато, точнее быстро надоедали бабские разговоры о мужьях, детях-двоечниках и о симпатич-

ных сотрудниках с работы, с которыми эти тетки потихонечку шуршали, прячась в гардеробных, душевых или других укромных уголках. Все они крепкие, толстые и здоровенные, как мне тогда казалось. Зычными голосами, они окликали друг друга и хохотали над пошлыми шутками, щедро отпускаемыми тетей Женьей, местным завсегдатаем, а в свободное от бани время, секретарем большого начальника.

Когда мама начинала орудовать веником, а она была, пожалуй, лучшей парильщицей, потому как, очередь на веничную экзекуцию к ней выстраивалась внушительная, я пользуясь моментом, ускользала в коридор, где банщица Марья Ильинична смотрела телевизор. Я тогда тихонечко подсаживалась к ней за стол. Она, так же молча, пододвигала мне чашку крепкого, как объятая питона чая, а я тащила из конфектницы пару «Каракумов», под ее молчаливое одобрение. Так мы чаевничали.

Мамка приходила с мной примерно через час-полтора, розовощекая, кудрявая и очень красивая. Шлепнув меня по спине полотенцем, она с улыбкой говорила: «Маруська, опять ты мочалку в руки не брала, смотри, все лицо в грязных потеках. Потом она сама подсаживалась к Марье Ильиничне, и, закулив сига-

ретку, заводила с ней долгий разговор». Я не встревала в него и не слушала, о чем шепчутся женщины, потому что в это время по телевизору обязательно шло что-то интересное, и я изо всех сил прислушивалась к передаче.

Домой мы возвращались вместе с тетей Зулей из первого подъезда, от нее всегда противно пахло чем-то приторно-сладким. Один раз я не выдержала и прямо при тете Зуле спросила совершенно глупое. Мне хотелось намекнуть на ее странный запах, а получилось так:

-Мам, а мам, а почему от бабушки так плохо пахнет лекарствами? Как ты думаешь, если его помыть в бане, он будет пахнуть лучше? Тетя Зуля засмеялась, а мама отвесила мне довольно чувствительный подзатыльник.

Возвращаться домой из бани мне чрезвычайно нравилось. Мама выпивала в комнате отдыха пару бокальчиков вина и становилась сговорчивой. Можно было, например, выпросить порцию мороженого, а если повезет, то и немного карманных денег, которые можно было потратить по своему усмотрению.

-Ей точно десять лет? - спросила Зуля у матери. Мама только махнула рукой и ответила:

-Сама не знаю, иногда вопросы Маруська задает, совершенно детские.

Это все спорт виноват. Манькин покойный отец все ее балериной видел. Выперли ее из балета, так я ее в гимнастику пристроила, а она теперь целыми днями конем по квартире скачет со своими прыгалками, мячиками, кеглями какими-то.

-Это булавы, мам, - встряла я, сказав, как мне казалось, вещь значимую.

-Иди, уже, - толкнула меня мама.

Так за разговорами подходили мы к дому, к своему подъезду. Зесь мама и Зуля замолкали, ибо знали, КГБ не спит. КГБ они называли вечно дежурящих на приподъездной лавке бабулек. А так как Зуля была не замужем, а мама вообще вдовой, бабуси расправляли локаторы во всю мощь.

Когда мы входили в подъезд, нам на встречу вышла соседка. Мы не общались с ней, мама почему-то даже не здоровалась с тетей Леной. Помню эту женщину очень молодой и красивой. Она разительно отличалась от остальных жильцов нашей блочной пятиэтажки. Одета по моде, пахнувшая духами далеко не Советского производства Елена жила без мужа, с маленьким сыном – Иголкой.

Нет, звали мальчишку Егором, но он в свои пять лет, не выговаривал и половины алфавита. Мама часто брала Иголку к себе. Тетя Лена передавала его по вечерам через дверь и исчезала куда-то. Мамка, вводила Иголку в зал, лицо ее в такие моменты перекашивала злая гримаса. Иголка был спокойным мальчиком, правда надоедал тем,

что просил поиграть с ним, но так как в том возрасте разница в пять лет, казалась пропастью, я обычно тут же убегала к подруге, жившей на втором этаже, и возвращалась оттуда часов в девять вечера, когда мама уже укладывала Иголку спать. Малыш жил у нас иногда по несколько дней, потом появлялась тетя Лена. Взрослые так же молча, обменивали Иголку на ничего и так до следующего раза.

Иногда мальчишка вредничал, и, бывало, я даже шибала ему крепкого леща. Но Иголка не обижался, потеряв ушибленное место, он тут же, глядя на меня своими голубыми глазенками, предлагал поиграть в лошадку. Игра эта – редкостный шлак, заключалась в том, что на меня набрасывалась скакалка - возжи и я, должна была скакать на месте, подражая при этом голосом цокоту лошадиных копыт. Иголка был в восторге, держась за скакалку.

В общем, не очень-то я любила Иголкины визиты к нам, особенно, когда матери было нужно отлучиться, и мальчишку оставляли на мое попечение. Мы, тогда, шли во двор, где я встречала своих подруг, с которыми мы неизменно пытались от Иголки смыться.

И вот однажды случилось страшное. Мы, конечно, как всегда, легко обманули Иголку, и ушли к подруге в соседний двор. Там мы погуляли, потом решили пойти к ней, поиграть в гостей. В общем, вернулась в свой двор я часов в восемь вечера. Стоял август, и темнело поздно. Я

стала звать:

-Иголка, Иголка, где ты?

Малыш иногда обижался на меня и прятался, но если я звала его вновь и обещала дать конфет, он тут же выбирался из своего укрытия и бежал ко мне, врезался и начинал смеяться своим залившимся голоском. Его смех был похож на смех зайца из мультика «Ну, погоди!».

Но в этот раз Иголка не выбежал ни на посуленные конфетки, ни на обещание поиграть с ним, во что он захочет. В панике я обегала дом вокруг и все прилегающие дворы, и даже школьный стадион, куда мы тоже бегали играть. Иголки не было нигде.

Я побежала по соседкам, которые его знали, лелея надежду, что кто-то из них забрал к себе голодного пацаненка на ужин. Мне было страшно и стыдно, слезы сначала просто душили, потом затопили мне глаза. Маленький Иголка, я ушла давно, оставила его одного, под равнодушный пригляд бабок из КГБ. А я ведь даже не сказала, что за ним последить надо, просто бабки всегда во дворе, а теперь их нет. Проверив последний, свой собственный подъезд я в отчаянии опустила на ступеньки. Темнело. Я вновь вскочила на ноги и побежала.

За нашим домом находился детский садик, с такой огромной, как мне тогда казалось, территорией, что не обойти и за день, но я с космической скоростью неслась вдоль забора, чтобы найти в нем ту дырку, через которую мы обычно проникали на террито-

рию сада. На территории садика росли яблони, сладкие, будто даже не дикие, именно за ними мы охотились.

Об Иголку я и споткнулась. Он лежал в траве, широко раскинув руки, устремив в небо немигающий взгляд. Все лицо его было в синяках, а рубашонка порвана, так, будто ее звери какие-то драли. Кровь. Запекшаяся кровь на лице, на ручках... какой же он крошечка.

Я завизжала:

-Егор!!!

-Чего орешь, Маруся? - отозвался он сипло.

-Иголка, мусенький, хороший мой, ты жив?

Я упала на колени рядом с малышом, силясь поднять его: - Что случилось, братенок, мой, малявка моя!?

Иголка попытался сесть, и к счастью моему, к облегчению, ему удалось это. Иголка зацепился крошечными пальцами рук за острые коленки, потом за мои плечи и заревел, да так искренне и громко, что я тоже зарыдала. Не знаю, сколько мы вот так вопили, наверное, ночь наступила уже. Я немного успокоилась и, хотела было, встать, но посмотрела на небо. О, сколько же звезд там было! Я видела, наверное, все, что были тогда во Вселенной.

- Иголка, смотри! - шепнула я притихшему мальчугану.

Егор поднял заплаканные глазенки к небу.

-Огогогого,- лишь выдохнул он. Мы легли тогда на траву, и малыш положил голову на мое плечо. Долго-долго мы смотрели на звезды. Иголка громко и

прерывисто дышал. От него пахло кровью и чем-то необъяснимым, совсем детским...

-Знаешь, что написано там, звездами? - спросила я.

-Я не умею читать, - простодушно признался Иголка.

-Тогда я прочитаю тебе, - сказала я, - Там написано, что, Егор, мальчик, живущий в доме к-143, будет очень большим человеком!

-Я вырасту высоким как дядя Толя из тридцать четвертой квартиры?- удивленно спросил малыш.

-Нет, не то, - ответила я, - Просто ты, когда подрастешь, станешь очень умным и будешь делать хорошие дела. Например, станешь известным ученым, или великим спортсменом.

- А что, там, правда, так написано? - изумился Иголка.

-Ну да, - ответила я, - Конечно. И это как приказ.

-От кого? - еще больше удивился мальчик.

-Звездами на небе пишет Бог, - уверенно сказала я, - А если Бог сказал, значит так и будет.

-Хорошо бы, - вздохнул Иголка, - А то мама меня только дурачком и называет. А тут... сам Бог написал.

-Только ты не говори никому, - строго сказала я, - Бог этого не любит, и если болтать о таком, то может повернуться все наоборот, и ты правда, дурачком будешь!

-Я никому не скажу, - горячо заверил меня Иголка.

-Тогда вставай и пошли домой, - скомандовала

я.

Эх, и страшно мне было показывать Иголку в таком виде маме, но когда та увидела нас, и всплеснув руками хотела было уже хорошенько ввалить мне, Иголка быстро сказал:

- Теть Оль, а Машка не виновата, это я с горки той полетел, ну, у Ритки во дворе, знаете?

Мама, конечно горки не знала, да и вообще никакой горки и Ритки в природе не существовало, но она только крикнула и сказала:

-Эх вы, козлѐнки, Ленка за твою одежду мне напеструляет. Егор, шемента в ванную, а потом в койку, а я уж почию, да постираю. «Вот черти, сраные», - выругалась мать, когда думала, что мы уже не слышим ее. Она скрылась в ванной, чтобы набрать воды для Иголки.

Потом она мыла его и Иголка терпел. Терпел, когда по свежим ранкам мать безжалостно терла мочалкой. Она не жалела его, злилась. Когда она вынесла пацанишку, завернутого в полотенце в спальню и кинула на кровать, сказала строго:

- Спи, чертенок, сегодня наказаны оба, без сладкого, и вообще, без ужина! А ты, Маруська, читай ему его дурацкую книжку и тоже ложись дрыхнуть, тебе на тренировку вставать рано, - с этими словами она вышла в зал и закрыла дверь.

Я поковырялась в своем письменном столе, в ящике которого у меня был целый продуктовый склад, и достала оттуда коробку печенья.

-На, ешь, Иголка.

Меня часто оставляют без ужина, потому что я гимнастка и это полезно, а я прячу сюда всякие вкусности и ем. Только в постель не накроши, а то не уснешь.

Иголка захрустел, а я все гладила и гладила его по головке и вдруг решила спросить:

-Скажи, а что случилось? Кто тебя так?

Иголка шмыгнул носом и прошептал:

-Байсые! – когда он волновался начинал шепелявить еще хуже, - Они меня позвали мячик им из садика достать, – объяснял Иголка, - Подсадили на забор, я достал мячик и попросился играть с ними, а они сначала по мне мячиком пинать начали, а потом один, которому я в игре случайно на ногу наступил, пнул меня, а потом... потом - остальные. Они сказали, что я урод, и что у меня папы нет и все равно никто не заступится.

Иголка снова захлопал носом. Вот-вот разревется. Тогда, не понимая почему, мне стало так жаль его, да и разозлилась я на бойсых тех, и сказала:

-Иголка, ты мне их покажешь, я уж на них силушку найду справиться. А если сил не будет, так хитростью изведу.

Иголка умял все печенье и кинул обертку за кровать. Я и сама так часто делала. Он повернулся на бок, и пожелав мне спокойной ночи засопел, а я не спала, мне все виделись эти «байсые», в тених на стене, в шуме с улицы слышались их голоса... «отомщу... отомщу за Иголку!»

«Байсых» мы не нашли, наверное ребята те,

были не местными, вот только с того дня наша дружба и Иголкой стала крепче гранита. Надо мной посмеивались подруги и не приглашали в гости, потому что Иголка своей любознательностью мог свести с ума кого угодно. Мы лепили из пластилина черепах, это единственное, что у него хорошо получалось лепить, и делали кораблики из спичечных коробков. Мы ели одно мороженое напололам и жевали жвачку друг после друга. У меня появился маленький брат... ненадолго.

Мама снова вышла замуж, за хорошего мужчину: спортсмена, лыжника. У него были связи, и он стал продвигать меня, как спортсменку. Через год, он получил квартиру в противоположном конце города, мы должны были переехать. Как плакал Иголка – первоклассник, словами передать нельзя. Он цеплялся за мой рукав и говорил, что без меня все будет другим. Я отцепляла его ручки от одежды и обещала: «Мы же в одном городе живем, Иголка, твоя мама будет привозить тебя ко мне, а меня будут отпускать к тебе». Тогда Иголка сказал:

-Маруся, ты самая лучшая, вот вырастем мы, и я женюсь на тебе, и мы снова будем жить в этом доме.

-Иголка, я старая для тебя! – со смехом сказала я.

Лена и мама, глядя на наши прощания, растрогались до слез, как оказалось, ненадолго, и обещали каждый выходной договариваться о встрече, но...

Но после этого началась действительно другая жизнь.

Новая эта моя жизнь хорошо знакома каждому спортсмену: утренняя тренировка, наспех одетая, мятая школьная форма, уроки, домашнее задание, вечерняя тренировка, отбой. По выходным - соревнования. Дядя Леша, мамин муж, всерьез занимался моей спортивной карьерой, и в шестнадцать лет я завершила карьеру в звании Мастера Спорта. Я закончила заниматься гимнастикой, потому как на семейном совете было решено, что школа и ВУЗ, вещи гораздо более важные, чем спорт, к тому же с моим портфолио, можно было смело работать тренером. Опыта и званий хватало.

Мама, к тому времени изменилась очень сильно: из пышущей здоровьем полноватой женщины, она сделалась стройной дамочкой без возраста, модно одетой, истерично-характерной. Сказывались новые увлечения фитнесом, косметологией и боязнью состариться раньше времени.

Я успешно сдала все школьные экзамены и поступила в Химико-Технологический Университет, в народе звучно величавшийся «химдымом». Его я закончила, в двадцать четыре года, дважды сходя в академичекий отпуск, по случаю замужества, а потом по рождению ребенка. Мужем моим стал старый приятель Стасик. Мы познакомились лет за десять до официального вступления в брак, потому что занимались в одном Дворце Спорта, только он был фигуристом, а я, как уже было сказано выше, занималась

художественной гимнастикой.

И не нужно говорить, что никогда я не пыталась найти Иголку. В те, еще детские годы, как только я смогла самостоятельно перемещаться общественным транспортом, я приехала в свой старый двор на К-143, и бегом поднялась на последний этаж, в 79 квартиру. Нетерпеливо терзая звонок, я переминалась с ноги на ногу. Мне казалось, что вот-вот дверь откроет мой румяный малыш, и я, отдав ему, прикупленную в подарок машинку скажу: «Вот видишь, Иголка, теперь мы люди взрослые, самостоятельные и можем видеться, когда хотим».

Но вместо Иголки или хотя бы тети Лены, дверь открыла пожилая женщина в цветастом халате.

-Чего тебе, девочка, надо? – вместо приветствия, нелюбезно поинтересовалась она.

- Я к Егору Сойкину пришла, - промямлила я, понимая, что тетка, скорее всего, понятия не имеет кто это такой.

-Ну, тогда ты не по адресу, - развеяла она теплившуюся еще надежду, - Мы эту квартиру купили, и тут нет никакого Егора. И вообще, девочка, послушай моего совета: никогда не приходи к мальчику сама, как бы он тебе не нравился.

С этими словами она захлопнула дверь, прямо перед моим носом. Что делать дальше, я не знала. Тем не менее, я обошла всех соседей, которых знала, расспросила их о судьбе 79 квартиры, но никто не знал, куда подевались Еле-

на и Иголка. Лишь тетя Зуля, та, с которой так крепко в свое время дружила моя мама, сказала, что Лену и Иголку, вместе с их вещами забрал мужчина на большем черном автомобиле.

В то время я уже понимала, что все те отлучки тети Лены, когда она подбрасывала нам Иголку, были попыткой одинокой женщины наладить свою личную жизнь. Что ж, ей это, верно, удалось...

Я села в тот день в автобус и долго и бесцельно, каталась по всему городу. Я не понимала, как можно найти Иголку, не знала с чего начинать такие поиски. На моих коленях, сверкая металлическим боком лежала, так и не поднесенная в дар Иголке машинка, а меня душили слезы. Я вдруг, поняла, что не завела себе друзей в новом неуютном дворе. Да и как это было сделать? Дом, в котором мы теперь жили, был огромным, больше трехсот квартир. Люди, жившие в одном подъезде, при встрече, даже не здоровались друг с другом. Новый двор отличался от к-143 примерно так не, как Москва, отличается от Сыктывкара.

Я вернулась в свой дом, и тяги к старому к-143, больше не чувствовала. Раньше мне он казался волшебным и полным чудес, как маленький уголок личной Нарнии, теперь это была рядовая «хрущевка», контингент жителей, которой очень изменился за последнее время. И дом этот перестал быть знакомым и родным...

Годы шли, все ускоряя свой ход, подталкивая меня в спину. Невероятно,

но мне катило к тридцатнику. Это казалось странным и невозможным, но однажды на своем именинном торте я насчитала именно тридцать свечей. Мой маленький сын помог мне задуть этот мини-костер, а я загадала какое-то незначительное желание: может быть, пожелав сыночку успехов в школе, а возможно, новую шубу себе в подарок. Мы отпраздновали эту дату в семейном кругу, а в выходные в нашу квартиру должно было набиться множество родственников и друзей по случаю моего юбилея. Я никогда не любила и не умела хорошо готовить, но когда тебе исполняется такая куча лет, хочешь ты того или нет, нужно собрать достойный стол для родных и выслушать их речи, какая ты замечательно-старая.

В пятницу вечером, пока мои мужчины, сын и муж, были на тренировке, я поехала покупать сырье для салатов и всяких других блюд. Когда все пункты двухстраничного списка были перечеркнуты, я с четырьмя, впечатляющих размеров пакетами, ковыляла к своей машине. То и дело поскользываясь на январской гололедице я дошла, наконец, до автомобиля. Погрузив в багажник все, что было в руках и зубах, я захлопнула его и вдруг слышала оклик:

-Маруся! Ты ли это?

Я резко обернулась и увидела молодого человека. Несколько секунд мне потребовалось, чтобы узнать его, но поняв, кто передо мной, я с визгом бросилась ему на шею.

-Иголка!! Маленький

Иголка!!!

Я подпрыгнула, обхватив руками его плечи и без прелюдий прижавшись лбом к щеке. Я не рассматривала его, не задавала себе никаких вопросов, а просто висела тряпчочкой на его плечах. А он обнял меня тихо-тихо, будто не веря, что перед ним живой человек, а не какой-то вымысел:

-Маруся, ой, Марусенька, как же так? Как же ты?!...

Слова отчаянно не находились, а мы все стояли, не размыкая объятий посередине парковки, мешая движению. Разгневанные водители сигналили и ругались матом, не ленись опустить стекло, но мы не обращали внимания. Пошел снег, крупные хлопья его падали на волосы, застревали в ресницах, попадали за шиворот. Я начинала приходить в себя и все удивлялась, как крошечный мальчишка, вырос в такого большого мужчину.

В Иголке было столько роста, что я со своими 155 сантиметрами среднегимнастического роста, висела на нем, как панда на эвкалипте. Он тихонечко поглаживал меня своей здоровенной ручищей по спине. Я решилась поднять на него глаза и увидела, что в этих огрубевших чертах лица, читались те же синие озорные глаза и круглые щеки. Иголка был чисто выбрит, опрятно одет. От него пахло хорошим парфюмом, и, немного, работой.

Да-да, пусть это не покажется странным, но я сразу поняла, что работает он руками. Постоянно общаясь с тренерами и спорт-

сменами, я чувствовала, что они отличаются от других людей именно запахом. Мы пахнем кофе из автоматов, постоянным недосыпом и ежедневной борьбой. От Иголки пахло тревогой, решениями и немного бензином.

Он подождал, пока ослабеет хватка моих горячих объятий, и поставил меня на снег:

- Маруся, как мы тут встали, прямо посреди дороги, мешаем ведь! Давай куда-нибудь отъедем, поболтаем? Господи, как неожиданно, как я тебя видеть рад!!! – чувствовалось, что Иголка взволнован, от того фразы его не были связаны.

-Да, хорошо, давай, – согласилась я, все еще держа его за пальцы.

Он освободил свою руку, и открыл дверь машины, стоявшую в шаге от меня. «Садись», – пригласил он. Забравшись на водительское сидение, он посмотрел на меня:

-Машулька, я тебя сразу узнал, ты вообще не изменилась.

-Маленькая собачка, до старости – щенок, – улыбнулась я, – А вот ты такой... совсем другой, до сих пор не верю, что это ты!!!

-Я искал тебя, – сказал Иголка, – Но не знал твоей фамилии, не знал, куда даже примерно, ты переехала.

-Я тоже тебя искала, – ответила я, – Приезжала на к-143, потом, по школам, потом, когда появились социальные сети – там, но все безрезультатно.

-Ты не нашла бы меня, – с горечью в голосе сказал Иголка, – Через год, по-

сле того, как вы уехали – моя мать нашла себе мужчину, он был греком. Сначала все было хорошо, он гостил у нас дома, мать просила называть его папой, и я называл. Вместе мы ходили в кафе-мороженое по выходным, вместе съездили в Грецию, чтобы посмотреть страну, куда нам предстояло переехать. Потом они подали какие-то документы, и мать сказала мне: «Егор, я должна уехать в Грецию одна, чтобы выйти замуж. Через месяц, максимум полтора, мы приедем в Россию и заберем тебя». Она оставила меня у одной из своих подруг, где я ждал ее месяц, полтора, а потом оказался в приемнике-распределителе, а совсем потом, в детском доме. Ее я уже не ждал, потому что понял, что там, в новой жизни на берегу моря, я не нужен ей, и что никто за мной уже не придет. Но я часто видел во сне тебя и твою мать, будто сидим мы на кухне в вашей квартире на к-143 и смотрим в окно, а за окном снег... и будто скоро Новый год, и будет какой-то чудесный подарок.

Я крепко сжимала руку Иголки, а он рассказывал:

- Потом я просыпался и бежал к окну, посреди ночи. Все остальные спали, а я забирался на подоконник, и все смотрел, не увижу ли тебя... а за окном только черное звездное небо, и тогда я думал о том, что ты сказала мне про небо и про звезды. Конечно, я понимал – все, что ты сказала мне про послания Бога, написанные звездами на небе, придумано, чтобы ме-

ня утешить, но жить без веры тяжело, и я верил, не смотря ни на что!

Я старался становиться большим человеком, отмечаясь на ростомере едва ли не каждую неделю, прочитал все книги, что были в детдомовской библиотеке, и очень старался учиться. Да так, что меня признали одаренным ребен-

ком и возили на уроки в один из лучших лицеев в городе. Потом институт в столице, хорошая работа там.

Но я вернулся, потому что, Маруся, я должен был тебя увидеть и сказать, что все это правда, то, что написано звездами на небе. И знаешь, что я еще там прочитал?

-Что? – прошептала я.

-Помнишь, я говорил, что женюсь на тебе, когда мы оба вырастем?

-Помню, - улыбнулась я.

- Так вот, я прочитал, что носить тебе мою фамилию, Маруся.

Автор: Марусь Петрова

Рядок прозы

Не говори мне о ней

Ты можешь сказать, что она уже не так стройна, что на лбу её залегли морщины, а кожа потеряла упругость. Что время не щадит никого из нас. Молчи. Тебя не было с нами в том летнем парке, когда солнце плавilo асфальт, а от эскимо губы становились сладкими, как чаша Сократа. Я читал вслух «Пломбирного императора». Не самая подходящая для прогулок поэма, но я видел, что ей нра-

вилось. Не помню, кто из нас первым заговорил о вине, но мы выгребли всё из карманов и накупили столько, что хватило бы угробить пяток гипертоников. И знаешь, где мы его пили? В чаше неработающего фонтана. Да-да, мы сидели на потрескавшемся камне, будто две ящерицы, мешали алкоголь с мороженым и чистили вконец обнаглевших комаров. А потом, когда ночь раскинула по небу

свои бриллианты, нас бросило друг к другу, и мы сошли с ума. Знаешь, почему люди закрывают глаза при поцелуе? В эти моменты между ними рождается такое хрупкое чудо, что достаточно одного неосторожного взгляда, чтобы его спугнуть. Никогда не говори мне о ней, тебя не было с нами тем безумным летним днём.

Автор: Алексей Рубан

Кэл

Ещё на рассвете он понял, что этот сочельник ляжет перед ним гробовой доской. Термометр за окном показывал минус тринадцать. Ехать куда-либо по обледеневшей дороге было небезопасно, да и не слишком хотелось, о гостях не приходилось даже говорить. Весь день он провёл в кресле, укутав-

шись в плед, с потрепанным детективом в руках, изредка включая телевизор, чтобы почти сразу же его выключить. Один раз он вышел во двор, извёл половину сигареты и, ёжась от холода, с горьким привкусом во рту, вернулся в дом. Ближе к вечеру его взгляд всё чаще стал устремляться в сторону

кухни. Там на одной из полок стояла бутылка «Джонни Уокера», двухмессячной давности подарок соседа на день рождения. Он дал себе слово открыть её только в самом крайнем случае и на этот раз вновь сдержал обещание, несмотря на сильное искушение. Дело было отнюдь не в христианских добродете-

лях. Он всегда подозревал, что бога, скорее всего, всё же выдумали. К тому же несколько выпитых перед праздником стаканов алкоголя вряд ли могли испортить его отношения с Всевышним. В любом случае, это всё равно бы не помогло, да и с годами ему становилось всё сложнее выдерживать головную боль и изжогу – неотъемлемых спутников похмельного утра. Незадолго до полуночи он отправился в кровать, где около двух часов безуспешно пытался уснуть под приглушённые звуки нью-эйджа. Он думал о Кэле, как всегда бессонными ночами о Кэле. В конце концов, он поднялся, надел халат, прошёл в кабинет и зажёл лампу. Несколько минут он неподвижно сидел за столом, а потом придвинул к себе лист бумаги.

«Кэл. Не удивляйся, что я выбрал столь несовременный способ с тобой связаться. Есть вещи, о которых не получается говорить по телефону. К тому же я сейчас под влиянием импульса. Ты знаешь, как это бывает, особенно в тёмное время суток. Внезапно ощущаешь непреодолимое желание поговорить с человеком, поделиться с ним, и нужно ловить момент, потом что к утру оно пропадёт. Звонить же тебе в два часа ночи было бы неуместно. Сегодня я вычитал приблизительно следующее. Душа умирает, когда перестаёт болеть. Боль – это её нормальное состояние. Если она болит из-за денег, ты

стараешься их заработать, если из-за любви, ты пытаешься как-то привязать к себе любимого или же находишь ему замену, чтобы не было так тяжело. Кэл, я всегда хотел спросить, из-за чего болит твоя душа? Мне кажется, потому что ты во всём сомневаешься. В том, что вещи, которые мы делаем, имеют смысл, что в мире есть справедливость, в существовании загробной жизни, наконец. Я ведь помню, как тебя всегда ужасала смерть. Ты всё время боролся с этими сомнениями, но победить их не мог. Не спорю, ты вдохновил немало людей, открыл им глаза на многие вещи, но разве это сделало тебя счастливее? Не ты ли сам мне рассказывал, что когда умирала твоя мать, а позже сестра, ты заботился о них только из чувства долга, ничего не чувствуя внутри. Может, твоя душа болит из-за того, что не умеет болеть?

Прости, я не хотел тебя обидеть. Просто мне важно знать, я ведь один из вдохновлённых тобой. Ты ещё в детстве увлёкся чтением и подсадил на этот наркотик меня. Я поступил в колледж, потом сам стал писать и многие годы мучился от того, что не способен делать это так же хорошо, как получается у других. И ещё эта проклятая музыка, которую ты мне давал слушать. Она так потрянула меня, что и на шестом десятке я не могу опомниться. А потом, Кэл, помнишь, ты, мертвецки пьяный, лежал на диване, с блевотиной на

воротнике, и орал, что рок-н-ролл мёртв, и символисты мертвы, и всё было напрасно. Мне хотелось убить тебя тогда, ведь ты вначале заставил меня поверить, что нет ничего прекраснее этих вещей, а потом сам же смешал их с грязью.

Кэл, я не держу на тебя зла. Я люблю тебя, ты мой самый близкий человек, без тебя не было бы меня. Помни об этом, если станет совсем плохо. Просто помни...».

В одном из ящиков стола он хранил несколько конвертов и две полоски марок, оставшихся с тех времён, когда он ещё писал письма. Хранил, словно знал, что однажды они понадобятся. Он сложил пополам исписанный с обеих сторон лист, вложил в конверт, заклеил его и прилепил в нужном месте марку. Взглянув в окно, он зябко повёл плечами, а затем решительно двинулся в сторону прихожей. Закутавшись в пуховик, он пробежал несколько метров до ворот, открыл их и бросил письмо в почтовый ящик. Над воротами горела лампочка, и случайный прохожий мог бы разобрать написанное на ящике имя владельца – Кэлвин О'Нил. Порыв ледяного ветра ударил ему в лицо, разметав поредевшие волосы. Он закрыл ворота и побежал назад к дому, туда, где в окне его кабинета виднелся свет настольной лампы.

Автор: Алексей Рубан

Где брат твой?

-Каин, где брат твой Авель?

Сидевший на земле Каин медленно поднял голову. Его взгляд скользнул по развевающимся на ветру белым одеждам и остановился на пылающем лице. Он не спешил с ответом. В книгах убийца, если он только не был полным идиотом,

никогда не стал бы суесться и нервничать, услышав такой вопрос. Подобная реакция могла только усилить подозрения. Каин давно перестал быть идиотом, но хотел, чтобы бог думал обратное. Первый в мире земледелец поскрёб бороду грязными обломанными ногтями и сплюнул.

-Откуда я знаю? Я что сторож ему?

-Твой брат мёртвый лежит в поле. На нём кровь, и овцы его разбежались. Кто мог сделать это?

Внезапно Каин подумал о том, как странно слушать говорящего, не видя его лица, движущихся губ, наблюдать лишь сверкающий диск там, где у человека должна быть голова. Он глубоко запустил пятерню в жёсткие волосы, отгоняя мешавшие сосредоточиться мысли.

-Почему ты спрашиваешь об этом у меня? Я не хожу за ним следом, мне хватает дел. Наверное, волк напал на стадо и загрыз его.

Последние слова он продумал заранее. Каин пе-

ререзал горло брату ножом, и рана была похожа на след от зубов волка. Серые хищники действительно нередко тревожили Авеля в последнее время. Тот даже попросил Адама вырезать ему из дерева палицу для защиты. Узнав об этом, Каин ухмыльнулся. Как этот слабак, неспособный даже на то, чтобы самостоятельно изготовить себе оружие, думал обороняться? Отец и мать утверждали, что в саду, откуда их изгнали, никто никого не убивал и не ел, и лев преспокойно почивал на земле рядом с ягнёнком. Каин не верил в эти истории. Он очень сомневался, что трава и плоды могли утолить лютый звериный голод. Сам Каин не представлял своей трапезы без хорошего куска жареного на огне мяса.

-Авель лежит посреди поля, он весь в крови, но ни одного следа зверя нет возле тела. Что скажешь ты на это?

-Ничего не скажу. Я человек, а не бог. Ты сам создал нас, тебе ли не знать, что мы не всевидящи и не всеведущи.

Каин осёкся, заметив, как по поверхности диска, заменявшего богу лицо, пробежала рябь. Он не должен был это говорить. Произнеси кто-нибудь подобное в книгах, и его сразу же изобличили бы. Каин почувствовал, что начинал проигрывать затеянную им игру. А ведь он сде-

лал всё так, как писалось в книгах. Книги... Хитроумно скреплённые между собой листы, называвшиеся бумагой, перевернувшие всю его жизнь. Порой Каину казалось, что с того дня прошла целая вечность, хотя он и помнил его, словно это произошло вчера. Он как всегда работал в поле, когда неожиданно раздалось шуршание, и из посевов показалось тело змея. Каин застыл в ожидании. Он не пытался напасть на явившуюся перед ним тварь. Из рассказов Адама и Евы он знал, что это бесполезно. Потом змей заговорил. Первое время Каина раздражало примешивавшееся к речи шипение, но вскоре он перестал его замечать. Удивительно, но змей ничего от него не требовал, не манил посулами, он лишь задавал вопросы. В какой-то момент, рассказывая о своём существовании, Каин понял, насколько убогим оно было. Ежедневная изнурительная работа, родители, бесконечно лившие слёзы о потерянном рае, их любимчик Авель, трус и лгун. Единственной радостью становилось насыщение. Каин до отказа набивал желудок, словно пытаясь заполнить пустоту внутри. И тогда змей позвал его за собой. Он привёл Каина в скрытый от чужих глаз грот у ручья в отдалённой роще. Именно там Каин впервые взял в руки хитроумно скреплённые между собой

листы, испещрённые непонятными знаками. Змей сказал, что они назывались книгами, и что в их силах было сделать унылую человеческую жизнь прекрасной. Каин не поверил, но любопытство уже разгоралось в нём. Он попросил открыть ему тайну чёрных знаков. Змей согласился, но предупредил, что для этого придётся немало потрудиться. Каин рассмеялся. Ему, с малых лет гнувшему спину в поле, не приходилось бояться работы. Тогда он ещё не знал, насколько тяжёлой она окажется. Много дней прошло до того, как Каин научился складывать маленькие знаки-буквы в слова. Временами, приходя в ярость от неспособности одолеть мудрёную науку, он отшвыривал книгу прочь, скрежетал зубами и бил себя кулаком по лбу. Когда приступ проходил, он подбирал книгу, отряхивал её от грязи, усаживался на лежанку в ставшем для него теперь домом гроте и перелистывал страницы в поисках нужной. И вот наконец ему открыл свои врата дивный новый мир, и Каин понял, что не жил до этого ни секунды. Отныне, работая в поле, он мог думать лишь о том, как вечером вернётся в грот, разожжёт костёр и склонится в его свете над книгой. На каждой странице его ждали десятки новых слов, но он знал, что змей объяснит ему их значение. Каин читал о людях в железных панцирях и людях в железных птицах, о любви и ненависти, о винах и ядах, родниках и океанах, о дальних странах, населённых тысячами жителей. Каин стал

спать не больше пяти часов в сутки. Он не мог тратить на сон время, которое должен был посвящать чтению. Книги Каин хранил в деревянном ящике, который, уходя, всегда запирали на замок. Ни родители, ни брат не знали о существовании его убежища, и всё же он опасался, что однажды они по случайности раскроют тайну книг. Адам, Ева и их мягкотелый сын-пастух всё ещё не теряли надежду получить прощение бога и точно рассказали бы ему о находке. Недаром они постоянно приносили Создателю жертвы, которые тот принимал, хотя и не спешил возвращать своих заблудших чад в рай. Давно, ещё до появления змея, Каин поступал так же, но увидев одним днём, как дым от горящих колосьев стелется по земле, он перестал верить в божье милосердие. И он не сомневался, что хозяин Эдема не одобрил бы то, что исходило от его врага. Как-то Каин спросил у змея, откуда взялись все эти книги, как получается так, что вечерами он находит в запёртом ящике новый том вместо прочитанного накануне. Змей сказал, что наступит время, когда на земле будет жить множество людей, и некоторые из них станут создавать книги, чтобы другие смогли их прочесть. Каин мечтал бы жить в таком мире. А потом змей познакомил его с Лилит, чудом с белоснежной кожей, в облаке чёрных волос до самых колен, и сын Адама познал страсть, которой посвятили так много знаков. Их встречи были нечастыми, и ради каждой Каин был готов отдать по-

ловину жизни. И вот однажды, вернувшись на закате с поля, он обнаружил замок на ящике открытым. Книга внутри лежала совсем не так, как он её оставил. Каин понял, что, опьянённый любовью Лилит, он забыл замкнуть свой тайник, и в его отсутствие кто-то побывал в гроте. Это несомненно был Авель, ведь Адам и Ева давно уже не покидали своё жилище, пастух же мог забрести далеко от дома в поисках отбившейся от стада овцы. Каин схватил нож и бросился из грота. Он должен был найти Авеля раньше, чем тот рассказывал бы всё родителям. И Каин успел. Он увидел брата в поле, спешащего к дому с горящими от возбуждения глазами. Каин не стал тратить время на разговоры. Он перерезал Авелю горло и сделал то же с одним из баранов, после чего стадо разбежалось. Тогда Каин, затаптывая собственные следы, оттащил тушу животного прочь, а сам устроился на земле неподалёку от родительского дома. Он ждал бога. Он знал, что бог придёт за ним.

-Каин, ты совершил великий грех, убив своего брата, - божий глас гремел подобно грому, отдаваясь звоном в ушах Каина. — Пролив кровь невинного, ты обрёк себя на вечное проклятие. Ты навсегда покинешь это место и никогда сюда не вернёшься, земля перестанет давать тебе плоды свои, люди, звери и птицы станут бежать убийцы, а чтобы смогли они узнать тебя, я оставлю на твоём челе печать.

Фигура в белых одеждах сделала шаг вперёд.

Каин понял, что проиграл. Здесь никто не мог защитить его, был лишь Высший Судия, восстанавливавший им же определённую справедливость. Бог коснулся лба Каина, и тот дёрнулся от ожога, не сумев сдержать крик. В воздухе запахло палёным. Боль была

сильной, но не настолько, чтобы сквозь неё не смогла пробиться мысль. Каин подумал о долгом пути, который ему предстояло пройти, и о кем-то населённых местах. Все будут убегать, завидев его, никто не разделит с ним хлеб, ни одна женщина не согреет его хо-

лодной ночью. И всё же Каин надеялся, что ему встретятся и те, кто захочет послушать истории о людях в железных панцирях и людях в железных птицах.

Автор:

Хрустальная тегна

Лиза шла по необыкновенно красивому зимнему лесу мимо, молчаливо стоящих, пушистых елей по узкой заснеженной тропинке. Кругом лежали огромные, искрящиеся в лучах луны, сугробы. В темно-синем небе сияли лучистые звезды и трогательно светила большая круглая луна. Тропинка вывела Лизу на просторную поляну, где стояла старая бревенчатая избушка. В окнах избушки горел манящий к себе свет. Лиза подошла к ней и тихонько отварила двери избушки, ступая на порог. Она вошла в дом и прошла в большую комнату. В центре комнаты высилась царственная ель. Красивые пушистые ветви были трогательно украшены елочными игрушками. Тело зеленой лесной красавицы было опоясано золотыми нитями серебряного дождя. Висели хрупкие сосульки и стеклянные золотистые шары, с ветки на ветку тянулись длинные гирлянды из разноцветных бусин. В глубине веток светилась яркая цепочка фонариков, а на самой макушке ели переливалась и сияла звездочка.

- Боже, какая же ты милая и красивая, - вскрикнула Лиза.

- Нравится? - Из угла вышел мужчина с пушистой белой бородой и в шапке, отороченной мехом. Из миллиона мужчин и дедушек она сразу бы узнала его:

- Дедушка Мороз, - Лиза кинулась к мужчине и доверчиво прижалась к нему.

- Ты узнала меня, Лиза? - Дед мороз присел на корточки и внимательно посмотрел в Лизины глаза. Глаза деда Мороза источали тепло и необъятную доброту. Он взял Лизу за руку и подвел к елке:

- Я ждал, что ты ко мне придешь. В моё сказочное царство вечных снегов и приготовил для тебя подарок, - он показал Лизе на сверток, лежащий под елью, - возьми, он предназначен именно тебе. - Лиза наклонилась и достала из-под елки сверток. Задыхаясь от трогательных чувств, и слегка волнуясь, Лиза развернула сверток. На дне свертка лежали изящные балетные туфельки. Они были сшиты из ро-

зового щёлокового атласа, с пришитыми к ним, шелковыми лентами. Лиза, не выдержав нахлынувших эмоций, радостно воскликнула:

- Пуанты! - она достала их и стала прижимать к себе и гладить их нежный шелк. - Дедушка, ка ты догадался, что я хочу в подарок именно пуанты?

- Твое желание я увидел своим сердцем и, в подтверждение к этому, получил твоё письмо. - Он подал ей конверт. Лиза моментально узнала свой конверт и даже знала, что хранит внутренность этого конверта.

- Ну а теперь, возможно ты оденешь свои замечательные туфельки и станцуешь мне. Большой благодарности мне и не надо.

Лиза быстро скинула куртку, сняла валенки и стала, задыхаясь от сердечного волнения, одевать эти милые шелковые пуанты. Потом она изящно обмотала ноги шёлковыми подвязками и, грациозно выпрямив спину, встала на кончики пальцев. Дед Мороз подошел к большому граммофону и, покрутив ручкой,

поставил пластинку, и тут же по всей комнате разлились завораживающие звуки «Лебединого озера». Лиза плавно повела рукой и начала выполнять красивые и ритмичные движения. Она, то легко подпрыгивала, взмахивая руками, как летящая птица, то грациозно вставала на кончики пальцев и стремительно начинала вращаться. В танце она была блистательна и неповторима. Она кружилась и кружилась сначала в комнате, а потом поднялась ввысь и вошла в непостижимый венок мироздания. Вместе с ней кружились искрящиеся звезды вокруг ночной красавицы луны. Небо непостижимо и волшебным манило и кружило Лизу в чудесном и, волнующем сердце, танце.

- Лиза, Лизонька, просыпайся, - Светлана Ивановна подошла к Лизе и тронула её за плечо. Лиза открыла глаза и увидела очень знакомый, окрашенный голубой краской, потолок. - Лиза, давай я помогу тебе сесть в кресло и отвезу тебя в ванную комнату. - Как не хотелось Лизе просыпаться и вновь возвращаться в жестокую действительность. Светлана Ивановна погладила Лизу по

голове.

- Что ты видела во сне, милая? - Лиза открыла, наконец, глаза и сказала:

- Я видела свою хрустальную мечту, - ответила Лиза, а Светлана Ивановна молча и удивленно посмотрела на неё. Светлана Ивановна помогла Лизе сесть в инвалидное кресло и повезла её в ванную комнату, где девочки интерната для детей с ограниченными возможностями принимали утренние водные процедуры. Лиза обернулась и посмотрела на тумбочку возле своей кровати, и её тоскливый взгляд упал на конверт, лежащий на ней. В конверте было письмо деду Морозу. Каждый год она писала письма деду Морозу, рисуя его цветными карандашами. И каждый год утром под елкой, которую они все вместе наряжали, она находила подарок. Тогда живы были, горячо любящие её, папа и мама. Папа приносил в дом чудную лесную красавицу и устанавливал её в гостиной. Потом они все вместе, дружной семьей, украшали её. Отец брал Лизу на руки и, поднимая высоко вверх, помогал ей повесить стеклянный елочный шар. И если вдруг шар, выскользнув из Лизи-

ных рук, падал и разбивался, никто её не ругал, а мама, убирая осколки елочной игрушки, говорила:

- На счастье. - И это лучезарное счастье было совсем рядом, оно всегда царило в Лизиной семье.

Лизу мама водила в балетный кружок и по несколько часов она старательно стояла возле станка, выполняя движения. Лиза мечтала и грезилась балетом, пока однажды её хрустальную мечту грубо и безжалостно не раздавил огромный грузовик. Водитель просто заснул за рулем. И в одно мгновение оборвалась жизнь её любимых родителей. А потом потянулись мучительно долгие месяцы в больнице. Тоскливое одиночество, отзвывающееся в сердце Лизы болью и горьким разочарованием. Потом интернат. Здесь она разучилась плакать, чтобы не раздражать работников интерната. Ей не удалось стать жемчужиной в коллекции известных балерин, и её хрустальная мечта приходила к ней только в её безмятежный сон. Где она кружила её в стремительном и головокружительном танце.

Автор: Надежда Нестеренко

Вот моя деревня

Мой отец, в нашу могучую Сибирь, приехал из Рязанской области. Первое свое посещение села, в котором жила моя бабушка, в возрасте пяти лет, я помню плохо. Вот когда мы

приехали во второй раз, и мне было, на тот момент, двенадцать лет, я запомнила.

Вышли мы на станции Муром. Прекрасный старинный город с элемен-

тами деревянного промысла, с затейливой резьбой, украшающей окна домов и их фасады. Добравшись до речного вокзала, расположенного, на могучей реке Оке, стали дожидаться теп-

лохода со смешным названием «Ракета». Ракета затахтела, и мощно разрезала речную гладь на своих подводных крыльях. Мы стояли в хвосте теплохода и любовались на игривые, накачивающиеся одна на другую, волны, они живописно вспенивались и бурлили, оставляя на реке косматую белую дорожку. Берега Оки были окаймлены орешниками, которые я видела впервые. А потом и лакомясь лесным орехом, который видела только нарисованным, на фантиках конфет «Белочка». А ивы! Они так нежно наклоняли к реке пряди своих ветвей, пытаясь окунуть их в прозрачную воду.

Мы сошли по трапу с теплохода, и доехали на машине до деревни, где нас встретило большое стадо коров. Они гулко мычали, медлительно и с достоинством, направляясь в свои дворы. А вот и бабушкин дом и двор. Под окнами, украшенными резными ставнями, располагался палисадник, в котором красовались огромные кусты цветов — золотые шары. Они отдаленно напоминали наши алтайские горные жарки, но были выше, кустистее и палитра цветка более содержала желтизну, напоминающую цвет золота.

Деревянный рубленый дом из круглых, и отполированных ветрами, бревен, величественно стоял на деревянном высоком фундаменте. Возле крыльца находились створки, через которые можно было попасть под дом и увлекательно попутешествовать по лабиринтам, натываясь на

старые ненужные вещи, оставленные твоими предшественниками. Можно было весело покрутить рукоятку старой швейной машинки или пособировать обрезки деревяшек, и потом построить из них свой сказочный дворец, в котором именно ты — главная героиня, принцесса.

К дому, пристроена огромная веранда, с различными кладовками и прочими, видимо нужными хозяевам дома, комнатками. В одной из комнат находились стеллажи со старыми книгами и журналами, которые годами хранились, неизвестно зачем. Подшитые, подписки журналов «Нева» и «Крестьянка», полные собрания сочинений классиков и много старых детских книжек с удивительными стихами Корнея Чуковского и Агнии Барто.

Крыше дома бережно касались ветки яблони, сорта «Белый налив». Эти крупные, светло-зеленые и восхитительно сочные яблоки, звонко ударяя по крыше, скатывались в сад.

Самое восхитительное, и совершенно необходимое строение этого дома, был сеновал. Я познакомилась с двоюродным братом, Ваней, и теперь мы прыгали по душистому сену. Оно источало аромат земляники и многих других великолепных запахов лета.

Жители Рязанской области говорили нараспев, но при этом, иногда проглатывали последние звуки слов. Бабушка потеряла меня и теперь нараспев звала, оглябая двор:

- На-а-а, На-а-а!

- Бабок, мы здесь, - отозвалась я. Нехотя спус-

тившись с сеновала, я подошла к бабушке.

- Вы по што сено вяляете. Яго коровке потом скармливать надобность, - и бабушка ласково потрепала мое ухо.

- Хорошо, бабок, мы будем осторожнее с ним обращаться, - нашкодив, я ласково терлась о бабушкину руку. Бабушка обняла меня и стала заводить по высоким деревянным ступеням в дом:

- Пойдем, кваску похлябам, да картошку сухопарку.

Квасок отдаленно напоминал нашу окрошку, только картошки в ней не было, она подавалась отдельно, вынутая из русской печи, с румяными боками и потрескавшейся корочкой.

Русская, с лежанкой, печка, достойна было отдельного глубоко почтительного уважения и восхищения. Блюда, приготовленные в ней, были ароматными и изумительно аппетитными. А какие блины, из кислого теста, выпекала в печи моя милая бабушка? Толстые блины, расписанные мелкой сеточкой изящных дырочек и сдобренные коровьим маслом. Подавала их бабушка с деревенской густой сметаной, вишневым вареньем и холодным коровьим молоком.

Я очень любила мою милую бабулю и деревню Марсево и когда, через много лет я оказалась в этом селе. Моё сердце заняло и заскулило, видя брошенные, заросшие пылью палисадники. Из высокой лебеды виднелись полуразрушенные дома, некогда привечавшие летних гостей, приезжавших на ка-

никулы из города. И что самое удивительное, на всю деревню осталась одна корова. Молоко от этой коровы, доживающие свою одинокую жизнь, несколько старушек, брали в порядке очереди. Магазин давно бал закрыт, как и клуб, только автолавка из города Каси-

мов, приезжающая два раза в неделю, снабжала их всем необходимым. Я подумала:

- Перестройка, перестройка, вот и перестроились! За что боролись, на то и напоролись!

И только благодарная память, навсегда осталась в моем сердце. Память

о моих бабушках и дедушках, о покойных родителях и всех, кого нет в живых, но они так дороги моему сердцу. Память обо всех деревнях, которые когда-то варварски были брошены к ногам перестройки.

Автор: Надежда Нестеренко

Нашенок тайги

Кира работала в Госснабе в должности менеджера, как принято именовать в наше время. До перестройки таких новомодных слов не знали. Были отделы закупок и отделы продаж, и в штате были должности экспедиторов с различными функциями. Кира возглавляла отдел продаж, состоящий из бухгалтера, кладовщика с небольшим числом экспедиторов. По долгу службы ей довелось побывать в различных городах и селах нашего необъятного Советского Союза. Встречаясь с клиентами, она обсуждала планы отгрузки и способы расчетов, а также составляла и подписывала договора.

Однажды утром Кире вызвал шеф, не скажу, что она этому безмерно обрадовалась, но послушно встала и прошла в его кабинет. Со Славой Кира была знакома еще с молодых лет. Славе, возможно, казалось, что Кира испытывает к его персоне какую-либо симпатию, потому что она, несмотря на многочисленную текучку кадров, много лет проработал в возглавляемой

им организации. Кира, довольно артистично, могла с успехом скрыть свое отношение к нему. Она всегда входила в кабинеты, включая кабинет директора, ослепляя всех своей необыкновенной улыбкой.

Кира отлично знала свои преимущества перед остальными сотрудницами женского пола. Являясь счастливой обладательницей очень необыкновенных зеленых, с оттенком золота, глаз. К тому же Кира имела трогательно-нежный маленький ротик, с искрящейся на нем улыбкой, которой привлекала многочисленное внимание мужчин. За своим внешним обаянием Кира искусно прятала личное отношение к окружающим и, в данном случае, к Славе. Улыбаясь своей обворожительной улыбкой, Кира открыла двери в его начальственные чертоги, и вошла:

- Ты меня вызывал? – улыбаясь, она посмотрела ему в глаза, а сама в это время подумала, - сейчас Слава опять пошлет меня, как девчонку, во тьму тараканью, да еще и денег выде-

лит, как кот наплакал. – Слава положил телефонную трубку и обратился к ней:

- Кирочка. Ты являешься украшением нашего Госснаба, и клиенты, а они в большинстве своем - мужчины, не имеют сил тебе отказать. - Он встал и, подойдя вплотную к Кире, заглянул в её глаза, - от его холодного, ледящего сердца, взгляда, Кире всегда становилось душно. Ей не хватало воздуха в груди. Но Кира, не подавая вида, твердо стояла возле стола и, внешне совершенно спокойно, смотрела на Славу. Она нетерпеливо ожидала, когда он закончит свое вступление, и наконец, назовет ей очередную точку в её маршруте.

- У нас поступил заказ на технику с Министерства Внутренних Дел, точнее сказать, с колонии-поселения, ты же у нас уже работала с подобными учреждениями? – начал он, заискивающе. Но Кира прекрасно понимала, что лиха беда начала. Это, как выразился Слава, учреждение, могло находиться где угодно, даже в дремучей тайге.

И вскоре Кира поняла, что попала в точку, или просто попала.

- В Пермском крае, недалеко от города Соликамска, - продолжал Слава, - находится колония-поселение, которая хочет заказать у нас технику. - Кира смотрела в его глаза и пыталась догадаться, - Слава сам-то интересовался, где находится это учреждение, когда соглашался на данный заказ, - но Слава так убийственно холодно на неё посмотрел, что задавать дальнейшие вопросы, о местоположении учреждения, желание у Киры пропало полностью. Она молча взяла заявку с его неуклюжих рук и отправилась получать свои скудные командировочные. Слава сэкономил каждый рубль, и поэтому, на щедрые командировочные расходы рассчитывать было делом абсолютно бесполезным.

Через сутки Кира была уже в Соликамске, где её ожидал старый, неприглядного вида, Уазик. Увидев машину, а потом и самого водителя, Кира пришла в сильное замешательство. По всем его повадкам и наколкам на руках, Кира определила представителя мира, с которым ей не очень-то составляло удовольствие сталкиваться. Водитель широко улыбнулся, обнажив свои зубы, среди которых были металлические коронки, совсем отдаленно напоминающие золотые. Люди его мира, мира людей, однажды преступивших черту закона, называли эти металлические коронки «фикса ми».

Кира, сначала брезгливо поежилась, глядя на

«фиксы», и прочие манеры водителя, а потом мужественно шагнула в кабину. День близился к вечеру. Когда они въехали в густую тайгу, солнце уже совершенно скатилось за край горизонта. Наступили темные и непроглядные сумерки. Сосны, как зловещие монстры, плотно обступили дорогу, лишь фары машины высвечивали едва различимый, плотно накатанный по рыхлому снегу путь в неизвестность, страшную и пугающую Киру. Она направила взгляд выше. Кроны деревьев плотно сомкнулись между собой, образуя арку, и заслоняя собой луну. Лишь иногда Луна, словно боясь своего собственного света, проглядывала сквозь пушистые заросли сосен и елей.

Кира смотрела в полузамерзшее окно машины и мечтательно жаждала тепла и комфорта. Она вспомнила свою квартиру, с мягкими уютными креслами, обитыми толстым лиловым бархатом. Красивый абажур, обтянутый нежно-розовым шелком, со свисающими с абажура белыми кистями. Но мысли Киры о теплом и уютном гнездышке были так нелепы и неуместны в этой темной и мрачной тайге. Машина доехала до контрольно-пропускного пункта и охрана, проверив пропуска Киры и водителя, открыла шлагбаум. Остановив машину возле бревенчатого дома, водитель лихо выскочил из кабины и, обойдя машину с другой стороны, подал Кире руку:

- Вот мы и приехали, это наша, так сказать, гостиница. - Кира отодвинула

его руку и самостоятельно вышла из машины, захватив свою дорожную сумку и портфель с документами. Первое, что поразило Киру в устройстве дома, в основном дверь, открывающаяся внутрь дома. Только потом, от местных жителей, она узнала, что дверь располагалась так, чтобы при сильных снежных завалах около двери, она могла беспрепятственно открыться внутрь дома. Избушка была построена не очень давно, о чем говорил янтарный цвет бревенчатых стен. Войдя в избушку, Кира ощутила невероятный аромат пихтовой смолы. Вся мебель в избушке была мастерски изготовлена, отбывающими срок, ремесленниками. Красивый платяной шкаф, украшенный резьбой и массивная, с высоким, овальной формы изголовьем, кровать. Изготовленная из ценных красных пород древесины, она смотрелась изысканно и вполне комфортно. Белой была только печь, она стояла в углу комнаты, стыдясь своей девичей нарядности и белизны перед суровой тайгой и незавидной участи поселенцев.

В дом вбежал паренек, внеся с собой не только охапку наколотых дров, но и удивительно чистый и свежий воздух.

- Здравствуйте! Вы пока располагайтесь, а я сейчас еще немного печку подтоплю, чтобы ночью Вам было теплее, а утром отведу к хозяину. Кира удивленно захлопала пушистыми ресницами:

- К какому хозяину?

- Это мы так начальника колонии называем. Ты что, здесь, первый раз? - И

паренек любопытным взглядом посмотрел на Кире.

- В такой дремучей тайге я в первый и, надеюсь, в последний раз. – Кира увидела на полу волчью шкуру и решила поинтересоваться: - это шкура волка?

- Да. А хотите, я вам завтра покажу настоящего дикого волка? – парень сразу вдохновился, видимо тем, что сможет ещё раз повстречаться с такой обаятельной девушкой. Вадим, так звали парня, давно уже не встречал в этой глухой тайге такое поистине ангельское, как ему показалось, создание. Находился он в этом поселке уже не первый год. Жизнь Вадима, словно уснула или замерла, забыв о существовании остального человечества. И теперь она дарила ему такой бесценный подарок – встречу с Кирой, таким нежным и хрупким созданием.

- У меня совершенно нет желания смотреть на дикого волка, - Кира была вымотана долгой и утомительной дорогой и слегка раздражена.

- Вы не бойтесь, волк сидит в крепкой клетке, - уговаривал её Вадим.

- И для какой цели вам понадобился живой волк? – Кира видела волка только на картинке, где он был художественной иллюстрацией к детской сказке о Красной шапочке, - она наклонилась и погладила мягкую, греющую руку, шкуру волка, расстеленную на полу возле кровати.

- В клетке сидит не только волк, в остальных клетках находятся немец-

кие овчарки. У нас в питомнике скрещивают волка и овчарку, чтобы получить особую породу, называемую - волкособы. У них особое чутьё, отличающее их от других пород собак. На очень большом расстоянии волкособы чувствуют запах человека. – Кире никогда не приходилось слышать о данной породе собак, что разожгло в ней жгучий интерес. Она знала о ряде пород собак, которые несли охранно-сторожевую службу, но о данной породе услышала впервые.

На печке закипел чайник, и Вадим стал заваривать настоящий таежный чай. Через несколько минут комната наполнилась волнующими и манящими ароматами. Когда Вадим налил напиток в чашку и подвинул ближе к Кире, она спросила:

- Что за травы ты засыпал в чайник? Запах просто восхитительный.

- Таежный чай. Я сам заготавливал травы для этого напитка, - Вадим многозначно указал на заварочный чайник, - здесь листья брусники и ежевики с добавлением кипрея и вереска. – Кира удивленно посмотрела на Вадима, - Кипрея?

- Знаете, как красиво он цветет в конце лета, шикарными розово-сиреневыми цветами, собранными в длинные кисти.

- А как цветет вереск?

- Тоже очень красиво. Цветет вереск долго, почти до самого снега, мелкими розовыми звездочками. - Вадим подошел к печке и достал небольшой холщовый мешочек. Добыв со дна

мешочка горсть сухих цветков, подал Кире. Она высыпала их на ладонь и принялась. Засушенные цветки вереска пахли медом и горечью ушедшего лета с легким оттенком жасмина.

- Очень приятный аромат. Я еще хотела-бы поинтересоваться о волкособах, где используют эту породу собак?

- Для поимки заключенных, совершивших побег.

- Для какой цели они совершают побег? Ведь, я так понимаю, их всё равно поймают и добавят к их сроку, срок за побег.

- Каждому человеку не чуждо стремление к свободе и жизни на воле. Но когда это стремление перевешивает здравое понимание, когда заключенный попадает в безвыходную ситуацию, и когда единственным выходом из неё является побег.

- И он бежит в эту огромную, дику и непроходимую тайгу?

- Ну, а куда бежать, если кругом тайга? Побег совершают обычно вдвоем под покровом ночи после последней переключки, поскольку следующая переключка только утром и у них впереди целая ночь.

- Ночь в тайге? - Кира сжалась в комок. Она и представить не могла себя на месте беглеца в огромной непроходимой тайге. Ночь Кира спала беспокойно, часто просыпаясь от кошмарных снов, в которых она видела себя, убегающую от волка в огромной, заваленной сухими сучьями, тайге.

Утром Кира, узнав от Вадима, что начальник

колонии до обеда будет отсутствовать, решила с максимальной пользой использовать своё свободное время. Сначала намечалась утренняя прогулка по тайге, потом, организованная Вадимом, экскурсия в собачий питомник, затем встреча с начальством, и далее её должны были отвезти на вокзал. Кира обула, приготовленные для неё валенки, и вышла на улицу. Перейдя укатанную грузовиками снежную дорогу, она увидела таежный лес. Он уже не виделся Кире таким ужасающе мрачным, каким показался ей ночью, когда она наблюдала отрывки ночного леса в полузамерзшее окно Уазика. Вадим в это самое время подходил к дому, указав ей на тропинку, протоптанную вглубь леса. Кира углубилась в лес и стала осматриваться по сторонам. Перед её взором вдруг открылось волшебное царство благородной красоты и волшебных ароматов хвои. По краю тропы высились, высокоствольные стройные сосны, чередуясь с зарослями березы. Слышался таинственный гул ветра скользящий между мохнатыми ветвями хвойных великанов. Кире вдруг захотелось обнять это безграничное и божественное пространство.

- Так вот ты какая, тайга. – Восхищенно произнесла с восторгом Кира. Рядом с ней высились огромные пуховые насыпи нетронутого, восхитительно белого, снега. На толстых стволах пихты из трещин виднелись капли смолы, которые добавляли в общую гармонию запахов свой неповторимый отте-

нок. Кира шла по тропинке и наслаждалась этим несравненно великолепным вечнозеленым оазисом. Рядом нависали отягощенные снежными комьями лапы елей. Вдали слышался стук дятла. Кира в сопровождении Вадима немного побродила по тропинкам, и они решили, попив таежного ароматного чая, отправиться смотреть на волкособов.

Кира ходила вдоль клеток питомника и любовалась немецкими овчарками, с завидно крепким телосложением, и благородной осанкой.

- А вот и волк, - Вадим указал на клетку расположенную следом. – Кира подошла и посмотрела. Она ожидала увидеть огромное лохматое животное, высотой с человеческий рост, как на картинке из детской книжки. И что же? Волк походил на обычную крупную рыжевато-белую собаку. Волк робко отошел от стенки клетки и настороженно смотрел на Киру. Внимательно присмотревшись к волку, Кира обратила внимание на крепкую спину, в глаза бросилась заметно вытянутая морда, что отличало от морды собаки. Также она отметила тот факт, что волк почти никогда не опускает уши, и только хвост безвольно вист вдоль задних ног. Его враждебно-прищуренный взгляд говорил: - Я волк, и я хитрее и умнее тебя, человек!

- Кира, пойдем, я тебе волкособов покажу, - Вадим потянул её за руку. Но Кира никак не могла оторваться от такого, магически притягивающего, взгляда волка. Подойдя к клет-

кам с волкособами, она практически не заметила, отличая волкособа от обычной немецкой овчарки. Не беря во внимание осветлённого окраса и обилия подшерстка у волкособа. Голова у представителя данной породы показалась Кире массивнее собачьей. Волкособ подошел к стенке клетки и стал внимательно рассматривать Киру, а она в свою очередь смотрела на него. Один лишь взгляд волка особую сразу выдавал текущую в его жилах кровь дикого таежного волка. Этот хищный блеск в его глазах, смешанный с нескрываемой враждебностью. Исподлобья волкособ коричневыми, с зеленоватым отливом, глазами внимательно рассматривал Киру.

- А ты у нас еще и любопытный, - Кира засмеялась, а волкособ оскалил мощную пасть, обнажив свои, острые как лезвие ножа, крупные клыки. Несомненно, волкособ перенял от волка такие совершенные мощные клыки.

После обеда Кира встретила с начальником колонии и подписала контракт на поставку деревообрабатывающей техники. Выйдя из кабинета, она направилась в домик, собирать вещи.

Постучавшись, вошел Вадим. Он протянул Кире шкатулку:

- Открой, - попросил Вадим.

В шкатулке лежал, привязанный на кожаный шнурок, и украшенный металлическим колпачком, волчий клык.

- Это тебе. Пусть он уберёжет тебя от врагов. –

Потом он достал с печки мешочки с травами и подал Кире, - а это на память о тайге и обо мне – напиток тайги.

- Спасибо тебе, Вадим. - Кира была растрогана такими подарками. Она

подошла и поцеловала Вадима в щёку.

Вскоре Уазик увозил Киру в мир человеческой цивилизации, а Вадим еще долго стоял, провожая взглядом уезжающую машину и прижимая руку к

щеке. Ведь на ней остался поцелуй Киры, самой необыкновенной девушки, которую он когда-либо встречал.

Автор: Надежда Нестеренко

Перегаза Давай поженится

Надя сидела на берегу, чарующего своей красотой, озера. На поверхности зеркальной глади кружились и вальсировали багряные и золотые осенние листья. Вечер томно замер. Ветер утих, и лишь листья осины слегка вздрагивали, а потом вновь замирали в ожидании ночи. Солнце превратилось в узкую красную полоску по краю горизонта. Надя сидела, прижав к груди колени, положив на них свою голову, и мечтательно любовалась гладью воды. Из глубин подсознания выплывали картинки счастливых и радостных дней.

Дочь – Катя, идет в первый класс, с красивыми огромными белыми бантами на голове, и в платье, с кружевным воротничком. Маленькая, хрупкая и такая милая. Звенит золотой колокольчик, и ребята весело входят в школу. Катя оборачивается на маму и, улыбаясь, машет её рукой.

А вот, Надя с дочкой, катается в аквапарке в Турции с горки, падая и смеясь, в голубую воду бассейна. Катя плещет на неё водой и звонко смеется. Её смех можно сравнить со звоном двух хрустальных

бокалов при легком прикосновении друг о друга.

Теперь Катя оканчивает университет, и счастливая, целуя маму, протягивает ей диплом. Боже! Какая она стала красавица. Нежная белая кожа с едва розовым оттенком, белокурые пряди волос, ниспадающие на её худенькие плечи, и большие зеркальные, цвета ночного неба, глаза. Картины плывут одна за другой, и Надя вдыхает аромат вечера и улыбается своим собственным мыслям.

- Надя, - окликнула её подруга, - мы тебя потеряли, а шашлык уже готов.

- Иду, Людочка, иду! – Надя поднялась с травы, запахнула, накинутый на плечи, сиреневый палантин и, взяв под руку подругу, стала подниматься на пригорок. В воздухе аппетитно запахло шашлыком.

- Надя, присмотришься к Славе, по-моему ты ему нравишься – легонько толкала в спину Люда.

- На один вечер? Он ведь - женатый мужчина, - они подошли к скамье, возле стола под навесом, и сели.

- А ты разбей семью, - не унималась Люда.

- Я противница та-

ких поступков. На чужом горе, счастья не построишь.

Надя положила свою теплую руку на плечо подруги. Где-то, в глубине души, таилась надежда – встретить своего принца. И всегда не хватало времени, да и, находившаяся рядом Катюша, не давала скучать, вовлекая маму в свои постоянные мероприятия: конкурсы и различные выставки. А потом у Кати появился Кирилл, и она полностью в нем растворилась. Стала дышать его жизнью и смотреть на все его глазами. Надя от всего сердца радовалась за дочь, но однажды почувствовала свою ненужность.

Очувтившись в огромном пространстве один на один со своими мыслями, Надя растерялась. Как и когда, она переступила черту, и вышла из круга? Мир вращался, но уже без неё, а она только наблюдала со стороны за происходящим. Там, внутри круга, люди влюблялись и строили отношения, расставались и обижались, как маленькие дети, друг на друга. Хорошие или плохие, но они были, их простые и сложные, человеческие отношения. А Надя теперь, была вечной

гостьей на их праздниках жизни.

Она смотрела на Славу, вернее сквозь Славу, и была где-то далеко, далеко, в своем, чужом всем присутствующим, мире.

- Наденька, возьми шпajку, - Слава протянул ей парящую, источающую божественный аромат, шпajку с шашлыком. Надя осторожно взяла горячую шпajку и посмотрела, уже не сквозь него, а на него:

- Жена сейчас у дочери, нянчит больного внука, которому сделали операцию на сердце, а он здесь, наслаждается прелестями жизни. Видеть его не могу, а уж об отношениях с ним, не может быть и речи, - подумала Надя, и метнула искрометный взгляд в сторону Славы.

Компания веселилась и пела, ели шашлыки и пили красное вино. А теплый осенний вечер этому благоволил.

На озеро опустилась теплая ночь. Появилась грустная луна и начала неаккуратно рассыпать по небосводу звезды. По глади воды стал стелиться сиреневый туман, пряча опавшую осеннюю листву. Все стали потихоньку разъезжаться по домам.

Слава остановил машину возле дома Нади:

- На чашку кофе, пригласишь? - он открыл заднюю дверь машины и галантно подал ей руку.

- На ночь пить кофе - вредно! Спасибо, что довез меня в целости и сохранности! - Вера направилась в сторону подъезда.

- Ну, а завтра? Пригласишь на кофе? - крикнул ей вслед Слава, надеясь на

следующую встречу.

- Я бы посоветовала тебе, купить кофе машину, - она отворила двери и вошла в подъезд.

Надя зашла в интернет и в адресной строке написала:

- Найти свою любовь, - Яндекс выдал целый список различных сайтов знакомств, к которым она относилась с сарказмом. А вот сайт передачи «Давай поженимся». Посмотрим. Так, возрастные ограничения отсутствуют, надо зарегистрироваться и подать заявку. Надя заполнила анкету, прикрепила несколько файлов с фотографиями и отправила заявку. Посмеявшись над своими фантазиями, выключила компьютер и легла спать.

Надя сидела за компьютером и дописывала свой роман о любви, которая страдает, терпит и прощает. Его надо было еще немного отредактировать и, через неделю, можно было отправлять в редакцию. Раздался звонок на мобильный, номер с кодом Москвы.

- Это из редакции, - подумала она, потирая руки.

- Надежда Павловна?

- Да, это я.

- Вас беспокоят с передачи «Давай поженимся». - Надя замерла.

- Вы хотите поучаствовать в нашей передаче в качестве невесты? - думая, что это сон, Надя больно ущипнула себя за запястье.

- Нет, это не сон.

- Что вы сказали?

- Я сказала, согласна! - радостно отпаривала Надя.

Надя вышла на стан-

ции «Метро ВДНХ» и направилась на телестудию. На проходной встретил улыбчивый и симпатичный менеджер. Сначала с Надей беседовали режиссеры, а потом, вдруг Лариса Гузеева передала через режиссеров, что хочет встретиться с Надей в кафе. Для неё это было полной неожиданностью. Обычно участники не видят Гузееву вплоть до начала съемок передачи. В голове Надежды произошел взрыв, и посыпались мысли:

- Лариса хочет предложить мне выдуманную историю? Но это могли сделать и режиссеры. Хочет узнать о ком-то из знакомых, живущих в Сибири? Она могла бы сделать это помимо меня, имея такие связи. Предложить мне работу в шоу? Какая с меня актриса, ни внешности, ни фигуры. А о возрасте можно просто промолчать. До встречи в кафе, Надя перелопачивала миллион вариантов.

Кафе находилось недалеко от телестудии «Останкино». Приятный дизайн в стиле «ретро». Кругом предметы старинной утвари, тесаные столы, застеленные белыми льняными скатертями. В углу - красивый, расписанный под хохлому, самовар с гроздьёю маленьких баранок. Надя села за стол и стала ожидать Ларису Гузееву. Подошёл официант и, узнав, что она ожидает приятельницу, отошел в сторону.

В двери вошли два высоких парня, осмотрели все вокруг, переговорили с официантом и один из них вышел на улицу, вскоре показалась Лариса. Наде она представлялась более высо-

кой и немного плотнее. Лариса напоминала невысокую школьницу последнего выпускного класса. Не хватало белого фартука и больших капроновых бантов. Большие распахнутые глаза, цвета бирюзы, темный густой волос и маленькие, как у куколки, руки, с тонкими трогательными пальчиками. Она поздоровалась и села напротив Нади:

- Не ожидала встретиться со звездой, - смеясь, сказала Лариса.

- Не каждый день такие встречи, - взволнованно ответила Надя, любуясь искрами глаз Гузеевой.

- Я читала твои романы и рассказы в социальных сетях, - у Нади стали удивленно расширяться зрачки и во рту пересохло.

- Вы читаете в социальных сетях? – удивлению не было предела. Представить Гузееву, с таким плотным графиком съемок и чтению большого объема сценариев, сидящей у компьютера в интернете, было просто невозможно.

- Мне очень понравился один из твоих романов, - продолжала Лариса, - и с твоего разрешения, конечно, я бы хотела отдать знакомым продюсерам, для организации написания по роману сценария. Ты не против этого? – Надя совсем была выбита из колеи и напоминала, потерявшегося в супермаркете, ребенка:

- Да, но....

- Ты что, думаешь, что актеры сделаны из ка-

кого-то другого теста? И мы живем какой-то другой жизнью? – Лариса звонко рассмеялась.

Потом они долго обсуждали изменения в действующих лицах, пили кофе и ели пирожное. Лариса отдаленно напоминала саму Надю. Неумный характер, общительность и уважительное отношение к людям с помесью женщины, которая «коня на скаку остановит, в горящую избу войдет...».

Вскоре по роману был снят фильм. И однажды утром Надежда проснулась известной и знаменитой.

Автор: Надежда Нестеренко

Не судите строго

День начинался, как обычно.

Алексей проснулся в своей однушке, на третьем этаже пятиэтажной хрущевки. Сходил в душ. Позавтракал двумя жареными яйцами и чаем с бутербродом.

Зазвонил телефон. Взяв мобильник, посмотрел на экран, там высвечивалось: "Мама".

- Привет, мам, как дела?

- Привет, - слышался из трубки родной голос, - всё хорошо, ты как? Прошел вчерашнее собеседование?

- Не знаю. Обещали, что позвонят, в общем, как обычно. Да ты не переживай, найду что-нибудь, -

трудно было поддерживать бодрый тон после месяца неудачных попыток устроиться на работу. Но не расстраивать же маму.

- Денег надо? А то заезжай, у меня поднакоплено, ты же знаешь.

- Да пока есть, ещё месяц точно продержусь.

- Ну, смотри сам, - повисла небольшая пауза.

- Побегу одеваться, а то уже выходить скоро, давай, пока, люблю тебя!

- Я тебя тоже, родной, пока...

Алексей положил телефон и почувствовал легкую неловкость от сказанного. Обычно "я тебя люблю" не говорилось так просто. Почему вырвалось - он не

мог понять и сам. Но, в любом случае, после разговора с мамой стало, и правда, как-то веселее. Приятно осознавать, что кто-то тебя любит и поможет в трудную минуту.

Одевшись, проверив наличие паспорта во внутреннем кармане, Алексей подошел к зеркалу посмотреть на дорожку.

- Ну, ни пуха, ни пера мне, - когда живешь один, приходится говорить это самому. - К чёрту!

Алексей вышел из подъезда. Стояла чудесная погода. Первые теплые дни весны - отличная пора всё-таки.

Очередное место собеседования располагалось

неподалеку, остановках в трёх. Решение пройтись туда пешком даже не обсуждалось.

По дороге в голове крутились мысли о предстоящем собеседовании и о том, как всё-таки было бы здорово получить это место. Можно было бы чаще вот так пешком прогуливаться.

Метрах в ста впереди показалось нужное здание. Алексей посмотрел на часы, двенадцать минут пешком, просто замечательно. Пройдя большую часть длинного дома, завернул в арку, вход в офисы располагался во дворе.

Хлюп!

- Ну, блин, наступил в лужу... Только этого не хватало!

Алексей достал платок, нагнулся и, как смог, обтёр брюки и туфлю. Получилось не очень, но домой возвращаться уже не хотелось. Он выпрямился, убрал платок в карман и пошел вперед.

Выйдя из арки, Алексей успел сделать только один шаг. Шлакоблок, со всей энергией, накопленной при падении с крыши шестнадцатизэтажного дома, врезался в голову. Череп раскололся. Тело рухнуло на асфальт.

Даже сквозь закрытые веки пробивался свет. Алексей приоткрыл глаза. Он лежал на спине. Белый потолок, такие же стены. Непонятно, откуда идет свет. Алексей сел. Коридор, всё белое. Пол, потолок и стены сами создавали освещение, что выглядело очень необычно.

Сердце заколотилось. В голове одна за другой начали появляться вопросы,

но ответов не было. Посидев пару минут, Алексей решил встать. Получилось очень легко: ощущение, будто всплываешь.

Алексей огляделся: слева и справа стены, сзади тупик, в нескольких метрах впереди дверь - её сразу и не заметишь - белая на белом фоне. Но теперь он видел её чётко.

- Ну, понятно, значит, без вариантов, - то ли подбодрив себя, то ли, чтобы услышать хоть какие-то звуки, негромко произнес Алексей.

Приблизившись к двери, приложил к ней ухо и прислушался - тишина.

Тук-тук - постучал несмело.

- Да-да, входите, - тут же послышался приятный женский голос.

Алексей отпрянул, не ожидая такого быстрого ответа. Помедлил ещё секунды три и взялся за ручку. Повернув, толкнул. Дверь отворилась, Алексей шагнул внутрь.

Он оказался в белой квадратной комнате, примерно шесть на шесть метров. Из неё вели три двери. В одну вошёл Алексей, две другие находились справа и слева. Напротив, под дальней стеной, расположился большой стол орехового цвета. На столе стоял телефон. За столом сидела девушка, на вид лет двадцать пять, ухоженная, с ярким маникюром, который сразу бросался в глаза на фоне белой стены позади и тёмной телефонной трубки, которую она держала около уха.

- Да, он уже здесь, - произнесла она негромко и положила трубку.

Алексей не выдержал

и спросил первое, что вертелось в голове:

- Я умер, что ли?

- К сожалению, да, - спокойно ответила девушка.

Алексей покачался. "Вот это попал, что же делать, что теперь будет?!"

- Присаживайтесь, пожалуйста, - вежливо предложила миловидная особа. - Может, кофе?

- Я не пью кофе, лучше бы чаю и сладкого...

"Не пью кофе, вот дебил, нашел, что сказать", - каша в голове никак не могла перевариться.

Девушка нагнулась и вытащила из-под стола поднос. Поставила его на стол. На подносе стояли чайник и две кружки. Даже на расстоянии пахнуло ароматным чаем. Алексей подошел к столу, придвинул стул и сел.

- Меня можете звать Изабель, а вы Алексей, - мило улыбаясь и наливая чай в кружку, представилась девушка. - Может, вам и перекусить что-нибудь сделать? Вы не стесняйтесь, говорите, никаких трудностей это не доставит.

- Нет, спасибо, чая вполне достаточно.

Есть, действительно, не хотелось.

Алексей отхлебнул из кружки. Теплый напиток сразу наполнил всё тело. Дрожь в коленках улеглась, в голове прояснилось, прошла паника. Страх отступил.

- Какой у вас хороший чай, - абсолютно искренне похвалил он чудесный напиток.

- Это да, что правда, то правда, - подтвердила Изабель, с удовольствием наблюдая, как на глазах становится легче Алексею. - Вы пейте, пейте, мы никуда

не торопимся.

Алексей отхлебнул ещё раз. Ну, вот теперь, вроде, можно и поговорить.

- Значит, я умер?

- Да.

- И что теперь? Куда меня - в ад, в рай? Или, может, вообще всё по-другому устроено? Какая религия права? - вопросы посыпались, как из рога изобилия.

- Обещаю вам, вы всё узнаете, но сначала мне надо немного объяснить уникальность ситуации.

- Уникальность? - Алексей снова немного напругся. - А как я умер? Помню только, что шел на собеседование, и всё - сразу тут.

- Вам на голову упал шлакоблок, ну, там долго объяснять, как это вышло, но, поверьте, никто не виноват, просто стечение обстоятельств, - лицо Изабель сделалось серьезным.

- И в этом есть, как вы сказали, уникальность ситуации?

- Нет, конечно, нет, - она снова улыбнулась. - Таких несчастных случаев полно. Дело в другом...

Алексей хотел отхлебнуть ещё чая, но с удивление обнаружил, что не заметил, как уже выпил всю кружку.

- А можно ещё чаю, уж больно понравился, - чувствуя себя уже гораздо лучше, попросил Алексей.

- Конечно, конечно, - Изабель взяла чайник, наполнила кружку и продолжила: - Вы же понимаете, что за хорошие дела полагается одно, за плохие другое, и это всё потом учитывается, как бы точнее выразится, на суде?

- Ещё и суд будет? - Алексей, отпив от второй кружки, уже мог

спокойно вести разговор о будущей судьбе. Отличный всё-таки чай!

- Он уже идет, - подмигнула Изабель.

- То есть, вы мой судья?

- Вершитель - мы это так называем. Но, повторюсь, ситуация у нас уникальная.

- Да, это я уже слышал, но так и не могу понять, в чем. Жил, вроде, не по геройски, но и плохого ничего не делал, - Алексей призадумался, вспоминая, что такого уникального было в его жизни.

- Любой ваш поступок учитывается. Вот убили вы комара на природе - в одну сторону весы качнулись. Улыбнулись кому-то - в другую. И так на протяжении всей жизни.

- Ну, это понятно, дальше то что?

- А вот теперь смотрите: лично вы прожили тридцать четыре полных года и семь, без малого, месяцев, качая весы туда-сюда, туда-сюда, - Изабель изобразила ладонями чаши весов. - И тут бац - умерли, а весы ваши в этот момент находились в абсолютном равновесии.

Изабель положила руки на стол и с хитринкой взглянула в лицо Алексея, давая ему время осмыслить услышанное.

- Вот прям в абсолютном равновесии? - переспросил он.

- В абсолютном, ни одного комара ни туда, ни сюда; ни одной улыбки - точнее не бывает.

- Хм, - Алексей призадумался, - ну, допустим... А если, как в фильмах показывают, отправить меня обратно, чтобы я смог опреде-

лить свою судьбу, пожив ещё?

- Такое случается крайне редко, но когда всё-таки происходит, мы так и делаем. Про клиническую смерть слышали ведь. Но с вами, опять-таки, это не получится, - Изабель даже отрицательно покачала головой для убедительности.

- Почему? - удивился Алексей.

- Вы представляете последствия удара шлакоблоком прямо по темечку, упавшего с крыши шестнадцатизатяжки? - когда разговор шел о смерти, лицо Изабель становилось серьезным. - Клиническая смерть - не вариант.

- Ясно, понял, - Алексей продолжал обдумывать варианты своей судьбы, но в голову ничего не шло. - Ну так что тогда со мной будет?

- Вот мы и подошли к самому главному, - Изабель вновь улыбнулась. Алексей улыбнулся в ответ. - Поздравляю, вы приняты на работу в качестве Вершителя. Нужно только ваше согласие.

- То есть, как вы?

- Да, как я.

Алексей ещё раз прокрутил всё в голове, откинулся на стуле и сел в удобную позу. Чувствовал он себя отлично.

- Хорошо, Изабель, расскажи про мои обязанности, - можно и на «ты» перейти с коллегой.

- Ну, вот и чудненько, давай-ка я тебе всё подробно объясню, - она наполнила вторую кружку, подлила в чашку Алексея. - В первых, наша работа не терпит суеты...

Автор: Алексей Балаев

Озерев

«В Санкт-Петербурге установлено, что государственные общеобразовательные организации закрепляются за территорией района Санкт-Петербурга, в границах которого находятся указанные общеобразовательные организации, и обеспечивают приём граждан, проживающих на территории данного района Санкт-Петербурга» Закон Санкт-Петербурга от 17.07.2013 N 461-83 «Об образовании в Санкт-Петербурге».

Мой Отец. Я очень люблю своего папу. Своей мамы я не помню. Папа рассказывал, что она ушла жить в красивый дом на берегу моря, когда мне было два года. Потом папа мне показал фотографию этого дома. Очень красивый дом, похожий на замок, белого цвета, с красной крышей. Он действительно стоял прямо на берегу. Иногда мне снится этот берег. Позже я нашел ту фотографию в вещах отца. С обратной стороны было написано «Ты - ничтожество». Я не знаю, что это означает. Папа всегда очень по-доброму рассказывал мне про маму.

Папа говорил, что они с мамой встретились в институте. Полюбили друг друга и поженились. Потом родился я. У папы не хватало денег на нашу семью. Как он рассказывал – мама была недовольна. Папе пришлось перестать учиться в

институте и пойти работать на завод. Потом он сказал, что повредил спину, когда таскал большие мешки на заводе. После этого папа отпустил маму в дом на берегу. А я остался с ним.

Бабушек и дедушек у меня никогда не было. Папа был сиротой, а маминых родителей я никогда не видел. Самый близкий и родной мне человек был отец. Он учил меня. Мой папа рассказывал, что он филолог. Я не знаю, что это такое. Мы с папой очень часто разговаривали. Я задавал вопросы, а он мне отвечал. Так я узнавал много нового и интересного.

Пока не настал последний день, папа продолжал работать на заводе, но уже не таскал тяжелые мешки, а как он сам говорил: «Я помогаю держать помещения в чистоте». Я думаю, он был уборщиком.

Я помню последний день с папой очень хорошо. Это был вторник. Тогда, папа говорил, что мы стоим в очереди. В очереди очень длинной и долгой. Для того, чтобы меня взяли в школу. Вечером мы вместе покушали макароны с мясными шариками – фрикадельками. А вот по пятницам папа мне готовил картошку с котлетой. Но был еще только вторник. После ужина мы любили разговаривать.

Папа рассказывал, что раньше каждый дом и квартира были привязаны к

определенной близкой школе, и не было очереди. Но самые умные дяди в стране решили сделать всем хорошо и написали новый закон. По нему можно идти в любую школу района, а не в одну. Из-за этого, как сказал папа, родилась очередь. Мой папа хотел, чтобы я ходил именно в близкую школу, потому что она очень хорошая. Уроки там начинались на полчаса раньше, чем в других школах и папа мог не опаздывать на свою работу. В очереди мы стояли уже очень долго. Наверное, целый месяц. Я спросил: «Почему, папа, очередь такая большая?». Папа мне объяснил, что наш город очень большой и гостеприимный. К нам в город приезжает много гостей. Гости остаются здесь жить и работать, женятся, и появляется много детей. А в нашей стране каждый ребенок должен учиться в школе. «Почему же самые умные дяди не могут подсчитать, сколько школ для всех ребят нужно построить еще?» – спрашивал я. Папа отвечал, что у них есть много других забот и хлопот, наверное, они просто не успели посчитать.

Мы попили горячий чай. Я люблю сладкий, но сладкий чай был только по пятницам. Папа говорил, что все в мире стоит денег, даже вода из крана и свет в лампах. И цена постоянно повышалась, а папа на ра-

боте получал по-прежнему. Он любил улыбаться мне и говорил: «Сынок, не унывай. Все будет хорошо!». Я улыбался ему в ответ, а он целовал меня в лоб.

В тот последний день у папы было ночное дежурство в очереди. Он дежурил несколько дней в неделю. Надо было приходиться ночью к школе и стоять там со списком пап и мам. Я уже был взрослым и не боялся оставаться дома один. Мне тогда было уже семь лет. Папа рассказывал, что дежурить надо по два часа, и он дежурил не один, а с каким-нибудь другим папой, чтобы было не скучно. Но как я потом узнал от полицейского, в ту ночь папа дежурил в очереди один. Другой папа почему-то не пришел.

Папа попросил меня почистить зубы и ложиться спать. Я очень любил чистить зубы. Папа мне всегда покупал самые вкусные зубные пасты. Я знал, что это стоит много денег, но папа говорил, что мои зубы всегда должны быть здоровыми и чистыми. Самой моей любимой зубной пастой была со вкусом мали-

ны. На ней был зайчик с зубной щеткой и непонятная надпись на иностранном языке. Я всегда смеялся, когда папа читал мне ту надпись — «лакалют». Очень веселое имя для зубной пасты.

Перед сном я всегда слушал сказку, которую рассказывал папа. Тогда он мне тоже рассказывал одну, про дом на берегу моря: «Скоро, сыночек, ты будешь учиться в школе, а потом мы будем жить на берегу спокойного моря. В большом, просторном доме. Мы будем загорать и купаться. Кушать фрукты. А если ты захочешь, я буду готовить тебе пюре с котлетами каждый день. Вечером я буду рассказывать тебе интересные истории. И все будет очень хорошо. С нами будет жить песик, и мы назовем его Рекс. Рекс будет очень мило тявкать, а ты будешь с ним бегать по берегу. Засыпай, мой любимый сыночек». Это была его последняя сказка, которую я слышал. Я заснул и во сне бегал с Рексом по берегу. Он весело гавкал. Теплая вода касалась его лап и моих ног. Это был

очень приятный сон.

Меня разбудил полицейский. Дядя с большим животом и в черной форме. Он сказал, что злые люди ударили моего папу ножом, когда папа дежурил ночью у школы в очереди. И что папу не удалось спасти. Полицейский обещал, что обязательно найдет этих плохих людей. Больше я никогда не видел этого полицейского. И никогда не видел своего папу.

Мой Отец умер. Но я по-прежнему помню и очень люблю его.

Старик закончил чтение сочинения ученика 6 «В» класса, единственного отличника школы-интерната. Старик работает учителем русского языка и литературы. Учитель взял свой старый красный карандаш, по привычке поклонявил и написал внизу «5/5». Он закрыл тетрадь, снял свои старые большие очки в толстой оправе, посмотрел вперед, помедлил и смахнул со своей щеки одинокую слезу.

**Автор: Георгий
Кавсехорнак**

На стериль!

Автовокзал как отдельный мир. Суэта. Шум. Снующие туда-сюда люди. Отходящие и приходящие автобусы.

Помещение вокзала с кассами битком заполнено людьми. Большинство путешественников в суматохе:

куда-то бегут, спешат, кто-то кричат. Семьи с детьми самые шумные! Группы студентов, как муравейники, ходят за своими кураторами маленькими островками, готовые отправиться на экскурсию. В стороне от всех стоят парень и девуш-

ка, выбиваясь из шумной толпы спокойствием и бездействием. Оба они налегке и никуда не спешат. За плечами только небольшие рюкзаки, а в руках по мороженному. Им осталось купить билет на автобус на их карманные деньги и уехать

недалеко, но туда, где они еще не были и смогут побыть одни.

Они тихонько шепчутся, смеются, целуются. По-традиции, девушка вымазывает мороженым кончик носа, и парень целует ее в нос, не отводя от нее взгляда. Для этой пары сейчас не существует ничего вокруг, они не замечают суеты и шума. Им кажется, что они на планете одни. Нет вокзала, кишашего людьми и полнящегося звуками. Они молоды, счастливы, они вместе. Они едут неважно куда. Чтобы отдыхать и наслаждаться жизнью.

Но внезапно их особую атмосферу нарушает ужасная вонь.

Хриплый надтреснутый голос заставляет обоих обернуться:

«Ребята, дайте на водку!»

Радужное настроение молодой пары испускает дух, как сдувающийся шарик.

Перед ними – бомж, совершенно неприятный старый дед, стоит с протянутой, черной от грязи, рукой. У него на ладони уже есть несколько монет, но этого катастрофически мало, чтобы вообще что-нибудь купить.

Девушка неловко отворачивается от незнакомца, чтобы незаметно прикрыть рукой нос, от незваного гостя разит так, что слезятся глаза. Парень вежливо просит бомжа отойти и не мешать. Бомж отворачивается и продолжает высматривать других «жертв».

Дед, совсем скрюченный и настолько грязный, что черный налет на

нем, кажется его кожей. Штаны еле держатся на тонкой фигуре, висят мешком и, видимо, являются для бомжа не только одеждой, но по совместительству еще и туалетом. Руки его трясутся, красные глаза налились, он шамкает беззубым ртом и неприятно хрипит.

«Как же нужно не уважать себя, чтобы до такого докатиться?» – как можно тише говорит девушка, но, кажется, дед ее слышит.

Он снова поворачивается к паре и повторяет свой вопрос:

«Ну, ребят, что вам стоит? Дайте на водку!»

«Эй, дед, не стыдно на водку просить-то? – спросил парень.

«Нет, не стыдно. Зато честно!» – ответил бомж.

Парень с презрением отвернулся и бросил:

«Если бы я до такого докатился, я бы не стал так жить. Уж лучше себя убить! Разве это жизнь?»

Дед посерьезнел, подошел к парню почти вплотную и сказал:

«Да-к мне же водка нужна не просто, чтобы напиться!»

«Интересно, зачем же еще?» – съязвила девушка.

«Вы что думаете, я такой дурак, что сам не додумался убить себя? Я и прошу денег на смерть. Так не дает никто!»

«Ты просил на водку!» – напомнил парень.

«Да, но это для того, чтобы напиться в стельку, пырнуть себя ножичком и ничего не почувствовать. Истеку кровью, да и дело с концом! Вон, – он указал

грязным пальцем на семью с ребенком, – не дали на смерть! Вон те – тоже не дали. Даже умереть нормально не дадут, вот-те на!» – развел руками дед.

«Это потому, что ты неправильно просишь! – воскликнул парень. – Надо подходить и сразу говорить, что это тебе на смерть, а не на водку».

«Но я же все равно на водку собираю. Будет водка – будет и смерть! – дед ударил себя кулаком в грудь.

«Ладно, сколько тебе нужно водки, чтобы наверняка?»

«Ну, а сколько дашь? – оскалился беззубым ртом дед и хитро прищурил глаз.

«Вот возьми, на одну бутылку!» – парень положил деньги старику на ладонь, стараясь не соприкоснуться с ним пальцами.

«Сынок, бутылка – это мало! С моим то опытом! Давай еще, – нагло просил бомж.

Парень дал ему денег на вторую бутылку.

Бомж пересчитал деньги и сказал:

«Давай, малец, еще на третью. Бог любит троицу!»

Парень поморщился, колебался и дал бомжу денег на третью бутылку. Тот просиял:

«Вот спасибо! Вот это помог старику! Молодец, а? – закричал он так, чтобы его услышали другие. – Вот это подсобил! Вот это дал на смерть!»

Потом он понизил голос до шепота и сказал:

«Смотри мне, парень, если вдруг дойдешь до моего уровня, не забудь

выполнить обещание. Не стоит так жить!»

Дед усмехнулся своим беззубым ртом, помолодецки развернулся и пошел прочь походкой под-

ростка, полного сил, будто за спиной у него вдруг выросли крылья.

Голос подала девушка:

«И что? Он пошел на

смерть, а мы, видимо, идем домой, потому что деньги на билеты мы уже потратили!»

Автор: Инна Нюс-

ман

Мама виновата

Лиза уже полчаса гоняла мяч по квартире. С домашними заданиями она справилась, как всегда, легко. Делать ей было нечего, или так просто казалось. Мама, после вчерашнего дежурства, лежала на кровати и дремала. До начала уроков времени было вагон. Хорошо все-таки учиться во вторую смену!

- Доченька, может ты будешь потише играть, у меня голова болит – проговорила мама, поднося руку ко лбу.

- Ма, ну что мне делать? Мультики тебе мешают, музыка тоже. Вообще, ты обещала со мной поиграть! Полчаса уже прошло...Ты встаешь? - ныла Лиза.

- Ну извини, дорогая! У мамы может, хоть иногда, голова поболеть? – с некоторой обидой в голосе проговорила мама.

Лиза взглянула на большие часы с витиеватыми стрелками и вздрогнула. До выхода в школу оказалось совсем немного времени. Резко заурчало в животе.

-Мам! Мне скоро в школу. Ты меня довезешь?

-Нет, Елизавета, добеги сегодня сама. – ответила из-под одеяла мама.

- А ты мне форму погладила? – серьезным тоном произнесла дочка.

- Ой, нет, доченька. Ну, ты там что-нибудь другое найди, поройся в шкафу, - извиняющимся тоном проговорила мама.

- Мам, я кушать хочу! –тоном несчастного голодающего произнесла дочка из соседней комнаты.

- Лиз, разогрей в микроволновке котлеты с макаронами, справишься? – с надеждой в голосе, отрывая тяжёлую голову от подушки, сказала мама десятилетней дочурке.

- Я не хочу вчерашние котлеты! – фыркнула дочь, бегая по комнате и собирая свой портфель.

Мама сегодня здесь не прибиралась, и все лежало не так, как всегда. Книжки и тетради прятались от Лизы в разных углах. Как дневник оказался под подушкой, она так и не смогла понять. Наконец-то портфель был собран, осталось только найти, что одеть. Она открыла шкаф. Там было все: праздничные платья, летние белые костюмчики, цветные кофточки, но только не то, что нужно. Выбросив с полки аккуратно сложенные мамой вещи, она нашла то, что искала. Дер-

нуло же ее вчера постирать всю школьную одежду! Настроение было совершенно испорчено.

Натянув на себя колготки, более – менее подходящую для школы белую блузку и черную юбку, она побежала в прихожую.

- Мама! А кто меня заплетать будет? – с негодованием взвизгнула дочь, которая надев на себя уличную обувь, вдруг вспомнила про самое главное – прическу.

- Сейчас, сейчас, дочка, я тебе бутерброды заворачиваю, - раздался из кухни слабый мамин голос.

- Да зачем мне твои бутерброды! Я уже опоздала из-за тебя! Пока! – Посмотрев на стрелки часов, с надрывом в голосе произнесла дочь.

Громко хлопнув дверью, Лиза вышла из квартиры. Пулей долетев до школы, которая, к счастью, была не очень далеко от дома, Лиза робко постучалась в класс.

- Лидия Николаевна, можно войти?

Когда запыхавшаяся отличница, Лизочка Смирнова, в помятой белой кофточке и с растрепанной «вчерашней» косичкой зашла в класс, по рядам про-

неся неожиданный смех.

- Да, да, Елизавета, входи. А что это ты вдруг опоздала?

- Я...я...Лидия Николаевна не виновата...это мама меня подвела... Не подвезла до школы, завтрак

не приготовила, форму не погладила, даже меня не заплела! - Выпятив вперед губки произнесла гордость класса.

- Ах, вот оно что! Я обязательно сегодня позволю твоей маме и отругаю! Отругаю, отругаю за то, что

она ...слишком много берет на себя. – с улыбкой, качая головой, произнесла учительница.

Автор: Дарья Мясникова

Рядом *Все на выручку!*

По календарю пришла весна, а сугробы не торопились таять. Морозы, обжигающие нос и щеки, закончились. С неба валил белый пух. Каждая снежинка, махала ручонками, словно приглашая всех засидевшихся долгой зимой в домах, выйти на улицу, поиграть. Была прелестная погода для гуляний и катания на лыжах.

Баба Галя и ее внучка Катюшка шли, крепко взявшись за руки, в ближайший от детского сада парк, покормить белок и покататься с огромной горки.

- Бабушка, а что это за маленькие домики на деревьях? – Спросила любопытная внучка.

- А! Это скворечники. Для птичек. Когда станет настоящая весна, в эти дома залетят пернатые и будут там жить, - Стараясь как можно более подробно ответить на вопрос, проговорила бабушка.

- Смешное какое-то слово «скворечники», а что оно значит? – не успокаивалась дотошная внучка.

- «Скворечники» - от слова «скворцы», так называются перелетные птицы,

поменьше голубя и чуть больше воробья. Перышки у них черненькие с рассыпанными по грудке белыми пятнышками, словно звездочками на ночном небе. Клюв у этих птиц довольно большой, бывает черного или желтого цвета.

- Ба, а что значит «перелетные»? Ведь все же птицы умеют летать? – задала вопрос Катюша.

- Перелетные – это значит, что у них два дома: на юге и на севере. Поздней осенью они летят на юг, где тепло, а весной возвращаются к нам обратно. Хочешь, я расскажу тебе одну удивительную историю про этих птиц? – спросила увлеченная своими воспоминаниями Баба Галя.

- Конечно, - кормя остатками бублика окруживших ее голодных голубей, проговорила Катюша.

Аллочка, Вася, папа и мама жили тогда на Кавказе в своём доме. Была весна и с каждым днем становилось все теплее и теплее. В выходной день Аллочкин класс облагородил часть городского парка: девочки покрасили скамейки, а мальчишки развесили скворечники, сделанные на

уроках труда. Если скворцы заселились именно в твой, сделанный собственными руками домик, то это была большая удача!

В этом году папа и Васютка тоже смастерили новый скворечник и повесили его на большом ореховом дереве во дворе. Скворцы – это удивительные птицы, хранящие верность партнеру до конца своих дней. Каждый год они прилетают в одно и то же место.

Аллочка и Вася визжали от восторга, когда заметили в новом скворечнике своих любимых пернатых новоселов. Причем самец, более темная и крупная птица, прилетел вперед, и целыми днями работал по благоустройству жилища. Он носил туда веточки, пушинки, сухую траву – в общем всякий мусор. Так отец будущего семейства ожидал прибытия своей ненаглядной.

Через недели две в домик на ореховом дереве прилетела «королева» – коричнево-серая, неприглядная, но видимо очень требовательная особа. Вылеты хозяина дома стали еще более частыми. В его клюве теперь был не только строи-

тельный материал, но и пища – жирные дождевые червяки и всякие хрустящие насекомые. О новостях пернатых жильцов Аллочке каждый день докладывал младший брат, Васютка, болтающийся целыми днями по двору без дела.

И вот однажды, когда Аллочка и все соседские ребятишки играли на улице в «вышибалы», в небе произошло нечто удивительное. Огромная, серая туча, состоящая из сотен, а может даже тысяч, скворцов с тревожным гиканьем пронеслась над безмятежно играющей малышкой.

- Алла, что это? – спросила удивленная Алиска, озорная девчушка – вечная спутница Аллочки во всех приключениях.

Бросив мяч в кусты, ватага мальчишек и девчонок понеслась по цветущим улицам догонять стаю разволновавшихся скворцов.

- Смотри, Алла, – крикнул рыжеволосый Санька, – Птицы остановились прямо над твоим домом!

- Точно...Какой кошмар! - удивленно всмат-

риваясь в даль, согласилась Аллочка. - Бегом туда!

- Алла, а может, ты ведьма? - с ухмылкой на лице, спросил Санька.

- А, что боишься? Сань, тогда нам с тобой не по пути! – переведя дыхание, отшутилась Аллочка.

Когда ребята забежали в калитку, то увидели, что вся стая птиц огромной воронкой кружила над орешником. Зрелище было завораживающее! Сначала никто не мог понять в чем дело, что случилось? Но вскоре стало ясно все.

Неподалеку от скворечника сидел толстый, полосатый, соседский кот Мурзик, который, видимо, решил не поест, а просто позабавиться – разорить гнездо скворцов – новоселов. Если бы Аллочка увидела его раньше, без тучи птиц, то непременно взяла бы большую палку и с ненавистью прогнала врага. Но сейчас кота было даже немного жалко. Напуганный натиском пернатых защитников Мурзик вцепился в дерево и, видимо, не мог даже шевельнуться. Отдельные, самые сильные

скворцы, по очереди подлетали к коту, и со всего размаху долбили клювами его несчастную разбойничью голову. Каждая пичужка по сравнению с Мурзиком была маленькой и слабой, но все вместе, они оказались огромной силой.

Если бы Васютка не позвал дяду Сеню - хозяина кота, то не сносить бы разбойнику головы. После этого случая, Мурзик никогда не лазил в этот двор, а через несколько дней по радостному пению скворцов Аллочка и Вася поняли, что в пернатой семье пополнение – из голубых яичек вылупились маленькие скворчата.

- Вот это да! А как птицы со всей округи так быстро собрались, чтобы нанести удар врагу? – помолчав некоторое время после рассказа бабы Гали, проговорила Катюшка.

- Знаешь, Кать, для меня это до сих пор загадка. – улыбаясь ответила Баба Галя. – Даже люди, порой, не защищают обиженных так, как это умеют птицы.

Автор: Дарья Мясникова

Кристин просыпается от шума внизу. Она медленно спускается по лестнице, прислушиваясь, двигается к кухне. Увидев источник шума, девушка расслабляется и, улыбаясь, прислоняется к дверному косяку. Мэтт, суется у плиты в окружении ароматных запахов, напевает себе что-то под нос и пританцовывает. Кристин с наслаждением наблюдает, потому что не помнит брата в таком настроении со времен, как он встретил Сабину.

Когда Мэтт берет очень высокую ноту на манер тысячелетнего Фаррела Вильямса, Кристин хихикает в ладошку, а в следующий миг они стоят друг против друга в напряженных позах: мужчина с выхваченным из-за пояса пистолетом, девушка со сковородой, схваченной со стола, вместо щита. Из сковороды на пол со звуком пощечины шмякается свежая яичница. С десять секунд брат и сестра смотрят друг на друга с возмущением, а потом громко смеются.

— И ты собиралась этим защититься? — выдавливают из себя Мэтт. Кристин не может остановить хохот и энергично кивает. — Отчаянно!

Девушка сползает на пол и, продолжая смеяться, собирает испорченный завтрак. Мэтт готовит еду заново. Пока он хлопочет на

кухне, Кристин приносит ноутбук. Каждое утро она проверяет почту и последние новости — старые привычки неискоренимы. Мужчина, услышав звук включения компьютера, резко оборачивается и захлопывает крышку. Кристин непонимающе смотрит на серьезное лицо брата: все смешинки куда-то улетучились.

— В чем дело?

Мэтт садится на стул и убирает руку с компьютера.

— Чарли так и не позвонил.

Кристин молча смотрит на брата, выдерживая его тяжелый взгляд.

— Что будем делать? — тихо спрашивает она.

— Нам ведь все еще нужны подтверждения, — отвечает мужчина. — Хочу съездить к соседям Марлена, поговорить с ними.

— То есть ты мне все еще не веришь? — спрашивает девушка, начиная злиться.

— Прекрати, — спокойно просит Мэтт. — Нам нужно с чего-то начинать, а ничего другого мне в голову не приходит. Или у тебя есть гениальные идеи?

Девушка вздыхает.

— А что буду делать я?

— А тебе достанется самое тяжелое: остаться дома.

Кристин только собирается сказать что-то

против, но Мэтт успевает ее остановить.

— Во-первых, ты, вероятно, уже в розыске. Тебе, конечно, идет твой цвет волос — почти такой, как был раньше, но он тебя не защитит. Во-вторых, нам выгодней не быть родственниками, если они еще не узнали об этом: как детектив я имею доступ к информации и смогу что-нибудь придумать, а как твой брат — нет.

Кристин вздыхает и соглашается. Они молча завтракают, убирают посуду — рука об руку, как в старые добрые времена. Когда Мэтт уходит, она смотрит в окно на его белую рубашку. Он сказал ей быть умницей, но Кристин так не умеет. Старая машина удаляется от дома, и девушка входит в сеть.

Чарли сидит, прислонившись спиной к стене, и обхватывает руками колени. Он улыбается и думает, что заставляет его это делать? — поводов то нет.

— Ты придурок и лузер, — добродушно говорит мужчина.

Чарли может простить себе ошибку, если никто больше не пострадает. Однако он не позвонил, не дал о себе знать, и Мэтт скорее всего предпримет что-то.

— Хоть бы он не попался, хоть бы он был осто-

рожен...

Где-то наверху открылись двери, вниз по лестнице спускаются люди, не меньше трех: Чарли только слышит это — в его камеру совсем не попадает свет.

— Да отпусти ты меня, сукин сын! — недовольно звучит женский голос. Охранники открывают дверь другой камеры и со смехом закидывают туда задержанную. Скрип ключей, топот ног и снова тишина.

Чарли сидит здесь, как ему кажется, не меньше шести часов, его глаза привыкли к отсутствию света. Но его самого гложет мысль, что там с Мэттом и его сестрой.

— Своенравная особа, — шепчет он, улыбаясь еще шире. — И очень даже симпатичная.

Через какое-то время охрана приводит еще кого-то. Задержанный молчит, и Чарли прислушивается к разговору охранников. Говорят они тихо, слов не разобрать, но по голосам мужчина понимает, что это не те же, что привели его сюда. Значит, другая смена.

Похоже, в тюрьме сегодня ажиотаж. Интерес-

но, с чем это связано?

Когда охрана уходит, Чарли вздыхает и громко говорит:

— Господа новоприбывшие, вы не подскажете, который был час, когда вас задержали?

Сперва он слышит только тишину, но потом в ней рождается одно лишь удивленное слово:

— Чарли?

Чарли ошарашено часто моргает и поднимается на затекшие ноги.

— Мэтт? — спрашивает он, прижавшись ухом к противоположной стене. — Мэтт? Дружище, три-пять-восемь!

Человек за стеной взрывается хохотом.

— Очень вовремя, — подмечает он.

Не время и не место, но Чарли улыбается. Он отвлекается и слышит возню в третьей камере, до того, как раздается голос заключенного.

— Мэтт? Ребята? — неуверенно спрашивает девушка оттуда.

— Кристин? — возмущается сосед Чарли. — Какого черта?..

Вновь тишина. Однако неуместная радость сменяется напряжением.

— Ты вышла в сеть, да? — тихо и обреченно спрашивает Мэтт.

— Я не знаю, как они вычислили меня, — виновато оправдывается девушка. Ее голос глухо доносится через стены камер и узкий коридор между ними. — Все было зашифровано, я не понимаю...

— Не важно, — перебивает ее брат. — Ты здесь, я не смог тебя защитить.

Улыбка наконец сползает с лица Чарли. Он садится у стены между ним и Мэттом и пытается найти хоть щелочку света. Тщетно.

— Не кори себя, — тихо просит девушка. — Ты не виноват, что у тебя безмозглая сестра...

Все молчат. Чарли прислушивается, но не слышит ничего, кроме своего дыхания.

— Эй, третий, — зовет Кристин. — А что с тобой приключилось?

— Ты мне? — переспрашивает Чарли.

— Ага, — раздается в ответ.

«Третий, как мило!», — думает мужчина и улыбается, закрывая глаза.

Автор: Диана Вольз

Лемониси нежтирва

Глава четвертая
Переговоры

8 месяц 513 год с
м.п. (февраль 2012 года н.э)
...

Водный мир, инкви-

зитор Алексей.

- Это ваши друзья? — Весело спросила Иллая, пока мы шли к выходу, где оставили Клодеса и его бойцов. Со мной и Иллаей

отправилось только мое подразделение. Мартис, Нора и рыцари остались в деревне, помогать местным. Не то, что бы нас перестали кормить, но раз здесь такие порядки, то лучше помочь.

- Да, мы пришли вместе. Но они остались там, что бы охранять вход. – Пояснил я.

- От кого охранять? – Удивилась Иллая.

- Ну, мало ли... - уклончиво пояснил я. Как ей объяснить? Она же просто не поймет и все.

С момента нашего ухода прошло всего пару дней, но все же. Мы подошли к концу туннеля, и я крикнул в дыру на высоком потолке.

- Клодес! – Эхо разнесло крик по пещере. Надеюсь, здесь не произойдет обвал.

Ответной реакции не последовало.

- Клодес! Вылез давай! – Крикнул я снова. Тон уже был более настырный и напоминал Нору. Оставалось только упереть руки в боки и топнуть ножкой. Бойцы тихо засмеялись.

- Отставить смех! – Гаркнул я.

- Да, милорд! – Отчеканили бойцы. Теперь смеялась Иллая.

- Алекс! Это ты там так орешь? – В белом проеме появилась черная голова говорящая голосом Клодеса.

- Да, спускайся сюда! – Прокричал в ответ я.

- Что-то случилось? – Взволновано спросил Клодес.

- Долго объяснять. – Ответил я. – Бери бойцов и спускайся сюда!

- Хорошо, - быстро ответил вампир. Через десять минут он, и гвардейцы были внизу.

- Клодес, это Иллая, она представитель... местного населения. Иллая, это Клодес, наш союзник и

брат Норы. – Представил я аквамарину и вампира. Правда, слегка запнулся на представлении Иллаи.

- Очень приятно, - галантно произнес вампир и нежно поцеловал руку аквамарины.

Иллаи это понравилось. Она слегка покраснела и заворожено смотрела на Клодеса. В этот момент я, было, поверил в то, что вампиры все обладают магией. Стереотип, что вампиры могут заколдовывать свою жертву ошибочно. Да, маги могут, но не каждый вампир.

Ну, генерал у нас не женат, так что, пусть вешается на него.

По дороге до деревни, генерал пытался меня расспросить, но я отнекивался как мог. Объяснять генералу ситуацию сейчас не имеет смысла, он должен все увидеть сам.

Поняв, что со мной разговора не будет, Клодес переключился на Иллаю. Пока мы дошли до деревни, девушка была по уши влюблена в него. Генерал всячески обхаживал девушку. И под ручку взял, и комплиментами осыпал. Кто мог подумать, что аквамарина падка на комплименты.

В деревню мы пришли уже вечером, и сразу попали на ужин.

- Ого! – Глядя на площадь только и смог произнес Клодес.

- Ага. – Скептически ответил я.

- Кло! Ну, наконец-то! – Возмущенно произнесла Нора, увидев нас. – Почему так долго?

Вампир устало опустил голову.

- Алекс, скажи, что с ней? – Как можно тише, страдальчески спросил Клодес.

- Она беременна. – Так же тихо произнес я. Глаза генерала мгновенно округлились.

- Нора, ты ждешь ребенка? – Удивленно уставившись на сестру, спросил Клодес. Спросил довольно громко. Окружающие нас аквамарины резко замолчали и уставились на нас. Наступила неловкая пауза.

- Да, - немного шокированная от такой реакции окружающих, произнесла Нора.

- Нора, это права? – Глаза Иллаи загорелись еще сильнее, чем от шуток Клодеса.

- Мне нет смысла лгать. – Парировала вампирша. По тону было ясно: Нора закипает.

- Великолепно! – Иллая подошла к Норе и нежно положила руки на её живот. Потом произошло нечто невообразимое. Все женщины, что были рядом, последовали её примеру. Когда еще на плоском животе Норы уже не было места, аквамарины стали произносить какие-то слова на непонятном мне языке. Я попытался разобрать хоть что-то, но не получилось. Ладони прикоснувшихся стали светиться слабым голубым сиянием. Это же заклинание! Мартис было дернулся вперед, но я его остановил.

- Они не знают, что такое навредить ближнему. – Пояснил свою позицию я. – Она не желает ей или ребенку зла.

Тем временем странная церемония заверши-

лась. У Норы были округленные глаза, в которых читалось и недоумение, и страх.

- Мы молили Атла о благословении, и он откликнулся. Теперь вода всегда будет оберегать тебя и твое дитя. – С неким трепетом, произнесла Иллая.

- Спасибо, - только и смогла промямлить Нора. Но её тут, же подхватили под руки и повлекли куда-то. Как оказалось, её просто усадили в отдалении от нас, окружив толпой женщин. Её кормили и что-то рассказывали. Сначала она недоумевала, а потом стала с интересом слушать.

- Может, теперь ты расскажешь, что тут происходит? – Спросил Клодес, когда мы и сами сели есть.

- Они не знают, что такое война. – Начал я и вкратце пересказал всю ситуацию.

- Плохо, - печально констатировал Клодес.

- Мысли есть? – Спросил Мартис. Мы говорили на эльфийском языке, поэтому аквамарины не могли догадаться, о чем идет речь. Они просто сидели и мило нам улыбались.

- Мы надеялись, что мысли появятся у тебя. – Откусывая от куска жареного тритона, произнес я.

- Увы, рассказами тут не поможешь. – Печально произнес Клодес.

- Это мы уже давно поняли. – Ответил Мартис.

- Есть один вариант. – Потер руки Клодес. – Где тут их главный?

- Вон он, - Мартис указал на сидящего невдалеке Тимьяна.

- Пошли. – Клодес поднялся, и смело напра-

вился к Тимьяну. Мы последовали за ним.

- О, здравствуйте! – Радостно поприветствовал нас Тимьян. – Я Тимьян, старейшина этой деревни.

- Я Клодес, офицер Анклава. – Представился вампир. – Мы можем поговорить с вами тет-а-тет?

- Разумеется! – Кивнул Тимьян жестом указал Клодесу следовать за ним.

- Вы останьтесь здесь, я скоро. – Махнул вампир нам с Мартисом. Мы недоуменно переглянулись.

- Что он задумал? – Спросил у меня на эльфийском Мартис.

- Понятия не имею, - ответил я.

Их не было довольно долго. Я даже начал было нервничать, но потом за нами прислали. Пришла миленькая девушка, похожая на Иллаю, и сказала, что старейшина нас ждет.

- У них прислуга вся на один манер? – Заметив сходство посыльной с Иллаей, спросил Мартис. Я только и смог, что пожать плечами.

Клодес и Тимьян весело что-то обсуждали, когда мы вошли в палатку.

- Господа! – Радостно начал Клодес. – Мы с господином Тимьяном решили создать экономический союз!

Тимьян с улыбкой кивнул. Мы просто молчали, не понимая, что тут происходит. Хотя бутылка вина на столе и слегка помраченный и отрешенный взгляд Тимьяна все объясняли.

- Все просто! Для начала мы начнем с обмена послами! Дочь многоуважаемого Тимьяна, прекрас-

ная Иллая, отправиться с нами, а сюда с радостью отправиться наш дорогой адмирал Портер! – Немного пафосно произнес Клодес и уже другим тоном, но на эльфийском, добавил для нас. – Хотя как-то сдыхаемся этого толстяка, то достал уже!

- Что? – Недоуменно спросил Тимьян.

- Я говорю, этот союз укрепит дружбу между нами! К тому же, мы не против оказывать вам сильную помощь.

- Спасибо, но деревня сама себя обеспечивает! – Возразил Тимьян. – А вот культурный обмен нам очень интересен. Как вы сказали? Кинематограф?

- Да! – Весело ответил Клодес. – Это изобретение людей! Движущиеся картинки со звуком! Очень интересные сказания и истории. И еще очень много интересного!

* * *

- Пока будем действовать так! – Рассказывал Клодес. Переговоры завершились, Иллая была не седьмом небе от счастья. Она что-то лепетала про то, как она рада побывать в неведомых землях с таким мужчиной, как Клодес. Потом еще она говорила, что поможет Норе с её будущим ребенком. Последнее вызвало у вампириши приступ ярости. Она, конечно, сдержалась при аквамари-нах, но когда мы были уже в нашей палатке (одной на четверых, кстати), с диким криком: «Клодес!!!» потребовала от брата объяснений. Мы с Мартисом уже более или менее были в курсе дела.

- Мы покажем Иллаю

мир эльфов, он как раз восстанавливается. Адмирал, как истинный вояка, окажет помощь здесь.

- Может, все-таки кого-нибудь другого? – Осторожно спросил я. – Не нравится мне идея с Портером. Он после случая со Свиридовым вообще с катушек слетел.

- Согласна с Алексом. – Кивнула Нора. – Адмирал, точнее те, кто за ним стоят, попытаются выжить максимум выгоды из теперешнего положения. Россия, мягко говоря, в заднице.

- Сестра, а ты слишком хорошо осведомлена о политики в мире людей. – Удивился Клодес.

- Приходится, раз на вас, мужчин, нет никакой надежды.

- Ясно! – Остановил Клодес начинающийся поток упреков. – В общем, да, но так мы можем избавиться от адмирала.

- На место адмирала все равно кого-то пришлют. – Вступил в разговор Мартис. – Американцы с аквамарины церемониться не будут. Развернут здесь базы. А когда узнают, что они не знают, что такое война, то вмиг установят свой патронаж, прикрываясь громкими словами о защите слабых акварминов.

- А те не будут против, лишь бы их жизнь оставалась прежней. – Добавил я. – Да и радушие, с которым они принимают чужестранцев, поспособствует.

- По сути, они и не пострадают, – раскинувшись на своем матрасе, рассуждал Клодес. – Американцам нет смысла их при-

теснять. Да и как их можно притеснить? Им главное, что бы было, где работать и все.

- Да, но США получат ресурсы, и это только усилит раскол среди людей. – Произнес я.

- Ладно, вопрос с нашим послом отложим. – Сдался Клодес.

- А почему ты сам не хочешь остаться? – Неожиданно спросила Нора. – А? Перебросил бы сюда свою гвардию. Как раз так разрешил бы терки с лордом Артуром. Он тебя не очень жалуется, хоть и скрывает это.

- Это все Надин! – Подскочил вампир. – Я извинился перед ней, а она все равно косо смотрит на меня!

- Она думает, что бы еще тебе отбить. – Закрыв глаза, произнес Мартис. Мы дружно рассмеялись.

- Нет, – сквозь смех, произнесла Нора. – Тут другое дело! Кло хочет на Иллае проверить, как Варинас починил его аппарат.

- Да будет тебе известно, женщина, мой аппарат функционирует превосходно, проверенно еще в Новом Долане! – Самодовольно произнес Клодес.

Новая волна смеха чуть не разнесла палатку в клочья. В палатку, приоткрыв полотно, влезло сонное милое девичье лицо

- Простите, но все уже спят, нельзя ли потише? – Зевая, поинтересовалась милашка.

- Конечно! – Ласковым голосом произнес Клодес, вплотную приблизившись к девушке. – Ради такой красоты, я согласен сменить тембр голоса на более нежный.

Да что же это такое?! Они что, никогда не видели денди? Опять вся красная как рак и не может произнести и слова.

- Хорошо, мы будем говорить тише! – Отпихнув Клодеса и вытолкнув почти вошедшую девушку, произнесла Нора.

- Ты чего? – Возмущился вампир.

- Так, кобель, – начала Нора, – хватит тут из себя строить героя-любownika. Тебе мало того, что Иллая за тобой как верная собачонка полвечера бегала?

- Нет, не мало! – Парировал Клодес. – Нора, я просто хочу создать семью. – Поникшим голосом признался вампир.

- Ась? – Недоуменно переспросила Нора.

- Ты младше меня, но всегда вела себя как старшая. Самовольничала, первой создала семью. Я тоже так хочу. А Иллая... она не плохая, но... мне больше по душе эльфийки. – Последнюю фразу он произнес с самодовольной ухмылкой. Нора не заставила себя ждать. Небольшой кулачок вампириши с размаху врезался в ухмыляющееся лицо Клодеса.

- За что? – Хватаясь за челюсть, взвыл вампир.

- Первое, заткнись! Акварминов перебудешь. – Начала загибать пальцы Нора. – Второе, умерь свою похоть, иначе никогда не создашь семью.

Клодес попытался возмутиться, но Нора его заткнула:

- Все, отбой! Завтра ответственный день!

Кряхтя, Клодес лег на свой матрас и затих. От-

ветственный день, ха! Мы просто соберем свои манатки и уберемся восвояси. Да, официально с нами пойдет Иллая, как посол, и Анклав должен будет прислать своего посла, но мы уходим не с чем. Аквамарины не под-

держат нас в войне. Может, Клодес хочет воздействовать на старейшину через Иллаю, но Тимьян руководит лишь одной из тысяч деревень по всему миру. Как все это организовать? Клодес хитер, но...

Пора спать. Утро вечера мудренее. Хотя, когда живешь в пещере, вдали от света солнца, то смены дня и ночи не замечаешь.

Автор: Александр Маяков

Евангелие от Лейлах. Трех звезды

Глава 16. Белый конь. Маленький апокалипсис

И видел я, что агнец снял первую из семи печатей, и я услышал одно из четырех животных, говорящее, как бы громовым голосом: «Иди и смотри». Я взглянул, и вот, конь БЕЛЫЙ, и на нем всадник, имеющий лук с острыми стрелами, и дан был ему венец, и вышел он как победоносный, и чтобы победить.

В комнате было жарко, а может и не жарко, просто шкаф ни никак не хотел собираться. Помощница из Нины была никакая, — разве что морально поддержать, или укол сделать, когда самому лень париться. Сергей выругался и сел на диван. Нина погладила его по плечу, а потом обняла за руку и прижалась, как маленькая девочка.

— К Масакре когда пойдешь? — спросила она голосом, лишенным эмоций.

— Мы еще с тобой пробу не сняли, — ответил Сергей, обнимая ее за тонкую талию.

— Ну, я-то сняла. Вотрись тоже.

Уходивший за наркотой человек, редко возвращался назад, не попробовав, — таковы уж были особенности этого бизнеса.

— А потом шкаф делать, я что-то и так торможу. Сходи лучше, если не лень, пива купи.

— Лучше водки хуже нет, — ответила Нина, натянула сапоги, встала, взяла пальто и, уже надев его, спросила Сергея: — На улице холодно? А то у меня под юбкой даже трусиков нет.

— Правда? — спросил Сергей, хитро щурясь. — Покажи.

Нина подошла к парню вплотную, в распахнутом пальто, и он, дотронувшись ее ног, медленно поднял руки вверх, под юбку.

— Может мне проводить тебя?

— Тебе что, тут места мало?

— Иногда мало. Ух, да ты мокренькая, — с этими словами Сергей схватил хрупкую легкую Нину и, подняв ее на руки, осторожно положил на диван.

— Прикольно, — минут тридцать спустя сказала Нина, поправляя юбку и макияж, — спонтанный и как бы неожиданный секс в

верхней одежде ей явно понравился. — Надо будет так погулять как-нибудь.

— Погуляй, — Сергей почему-то почувствовал ревность. — Только резинок возьми, — всякое бывает.

— С резинкой — уже не то. Это уже не охота, а фотоохота получается, — сказала Нина, пародируя кота Матроскина.

— Согласен, — Сергей взял отвертку и с умным видом принялся что-то откручивать, а Нина, красиво вильнув на прощание задом, пошла в магазин.

Вскоре она вернулась и поставила на стол выпивку да нехитрую закуску: бутылку «Столичной», банку томатного сока, хлеб, и плавленые сырки.

— Сок открой, замолодимся, — сказала она раздеваясь. — Я на кухню за солью.

Сок тогда продавался еще не соленый, в емкостях по три литра, а на наркоманском сленге, то, что «сбивало сушняк и оживляло», называлось «замолодкой».

После трех рюмок водки шкаф собрался удивительно легко и быстро.

— Правильно гово-

рят: «Без пузыря не разберешься», – констатировал довольный собой парень и принялся собирать инструмент.

— Чек размоем? – спросила Нина, внимательно изучая свой педикюр.

— Делай, – ответил мастер, и проглотил еще рюмку столичной. – Хорошая водка, – сказал он, морщась. – Но все равно гадость.

— Будем армянский коньяк пить, марки ОС, если кое-что выгорит, – ответила Нина, колдуя над зельем.

В ложке с водой медленно таял, подогреваемый пламенем зажигалки, «белый с камушками».

— Не такой уж и чистый, – вздохнула колдунья. – Сделай метлу.

Сергей взял иглу потолще и, стукнув ее кончиком по кастрюле, накрутил маленький кусочек ватки на получившийся крючок.

— Может кислоты немножко? – он протянул Нине пакетик с лимонной кислотой.

— Думаешь это перец такой? – Варщица подернула плечами. – Разбавили всякой гадостью, вот и мутный. Чистый тает без кипячения и как слеза потом. Не кани, может не помрешь в этот раз. Я как-то у барыги нычку нашла, – одних камешков оттуда надергала. Вот тогда я позалипала!

— Хорошо, но мало, – сказал Ваню минуту спустя.

После легкого прихода осталась почти незаметная, хоть и ощутимая «тяга».

— Пока нормально,

не жадничай. Ты просто еще не въехал, как следует, не понял кайф. Масакре все отдашь? – по Нининому голосу чувствовалось, что ее неплохо подтягивает.

— Отдам все, но он, думаю, немножко нам выкроит. Что ты насчет коньяка говорила?

— Возвращайся, потом потрешим, я повтыкаю пока. Ключ возьми.

Закрыв в комнате оседлавшую белого тигра Нину, Сергей двинул к своему новому другу. От Панка никаких вестей не было, да это его особо и не волновало. Больно уж мерзкой была парадигма, по которой следовал его странный, похожий на пришибленного хиппи, приятель.

Масакра открыл дверь в папином длинном халате, одетом на голое тело.

— У меня девчонка, – сказал он. – Но ты проходи, не стесняйся.

— Да я ненадолго, – ответил Сергей и протянул Масакре два маленьких, стянутых нитками шарика. – Мы дозу на двоих распилили, дальше смотри сам.

— Да что тут смотреть, сейчас бахнемся, тогда и решим.

Сергей не стал задавать лишних вопросов, тем более что внимание его сфокусировалось на точечных загорелых женских ножках, которые были видны в дверной проем. Девушка сидела, не шевелясь, и неясно было даже, – жива она, или нет.

Масакра не обратил на здоровый интерес друга никакого внимания и, пройдя на кухню, быстро приготовил дозу.

— Ты сейчас будешь? – спросил он.

— Части на двоих мало.

— Мы по целой вотремся, а стекло я тебе с собой дам. Ты ведь хочешь сегодня снова нырнуть за белым кроликом?

— Думаю, паркопан – это не совсем то, что нужно.

— Пока хавай что есть, потом чего получше намутим, – сказал дружелюбно Масакра.

— Уговорил, – Сергей, привычным уже движением, приготовил вену, и укололся первым.

На этот раз его нехило поволокло. Но, по сравнению с той же ядреной ханкой, героин был нежным и мягким, пушистым зверюгой.

— Завтра возьми еще три грамма, а это поделим, идет? – Масакра даже под кайфом оставался щедрым, интеллигентным и непривычно деловым для своего возраста.

— Спрашиваешь! Конечно идет.

— Не смею больше задерживать.

Сергей чуть было не ляпнул в ответ: «Честь имею», но вместо этого просто пожал другу руку и пошел к выходу. По дороге он на мгновение задержался, что бы взглянуть на таинственную незнакомку, но по-прежнему увидел только ноги, причем, в том же положении, что и двадцать минут назад. Воображение живо красочно дорисовало труп девушки с пластиковым пакетом на голове, но, прогнав от себя эту нелепую фантазию, Сергей вышел и закурил.

Грамм героина делился тогда примерно на десять доз, но все было весьма условно, как и цены на товар. Того, что хватало пятерым начинающим, прожженному наряду было мало и на один раз. К тому же цены сильно падали при увеличении партии товара, а на рынок то и дело выкидывали то десять грамм по цене пяти, то еще что-нибудь вроде этого. Имея наличные, и ориентируясь в этом бурлящем всякой разнообразной живностью, мутном гнилом водоеме, можно было жить припеваючи. Некоторые прочу-

ханные студенты имели на кармане столько, сколько их родители зарабатывали за год, и это все было мелочью, по сравнению делами тех, кто имел власть.

Открыв дверь ключом, Сергей зашел внутрь довольно просторной комнаты. Возможно комната просто казалась такой из за своей не отягощенности лишней мебелью. Нина полулежала на диване с книгой в руке. Глаза ее были открыты, но выглядели, словно две лишенные жизни стекляшки. Она была похожа на дорогую французскую куклу, – красивая,

совсем как живая, но, все же, ненастоящая.

Жутковато видеть выпотрошенного изнутри человека, даже если это сделано не в прямом, физическом, а в ментальном смысле. Сергею самому приходилось зализывать с открытыми глазами, чем он однажды вызвал дикий испуг у одной девушки, поэтому он не засуетился, а спокойно достал необходимое, и приготовил адский бульон, из героина и паркопана.

Автор: Вадим Дон-
нерветтер

Кто похитил Стива

Часть 6

Вторая половина прошлого века. Янки-Сити.

Талант к сочинительству проявился у Роберта с детских лет. Он писал девочкам записочки в стихах, там были и "любовь", "кровь", и "розы", "морозы". В семь лет он написал первый рассказ о смелом и отважном Космовоине, вступившем в бой с внеземными цивилизациями, и принёс его маме Лили на прочтение. Лилиан долго читала и перечитывала мальчишеские каракули, затем, тяжело вздохнув, усадила Роби к себе на колени и погладила по рыжим, таким как у неё, кудрявым космам.

- Это всё прекрасно, но... Надеюсь, ты прекрасно понимаешь, чего мы ждём от тебя. Все мужчины в ро-

ду Бенсонов были и будут (она сделала ударение на последнем слове) врачами. Выкинь эти глупости из головы.

Роберт промолчал, не стал с ней спорить, но "выбрасывать глупости из головы" не собирался. Он продолжал писать, но уже ничего не показывал Лилиан. Для себя он решил твердо: никто не станет ему указывать, чем заниматься и кем быть в будущем.

В тринадцать лет родители раскрыли ему тайну его рождения. Можно было и не говорить, но Лилиан, уставшая от переобилия тайн в её жизни, настояла на том, что мальчик должен знать правду. Роберт, выслушав, лишь пожал плечами. Лилиан была его мамой и будет, а эта огромная толстая Изабель, раз в год появляющаяся в родитель-

ском доме со своей подружкой, шарахающаяся от него как от прокажённого, никаких сыновних чувств в нём не будила. Роберта устраивало всё, как есть, ничего менять он не собирался. А Сэма он и так с детства звал "дедом".

В последнем классе Лилиан позвала его к себе в студию для доверительной беседы. Роберт редко сюда приходил, Лили не разрешала. Видимо она решила, что он уже достаточно вырос для созерцания её творений. Роберт с большим удовольствием рассматривал рисунки, изображающие голых балерин в разных позах, но понимал, что мама Лили не для этого его позвала.

- Роби, - Лилиан вытерла руки, испачканные краской, сняла грязную накидку, в которой рисовала,

- пора выбирать колледж. Дедушка учился в Национальной медицинской академии в Калифорнии. Если ты не хочешь уезжать из дома, к твоим услугам Колумбийский университет. Но ты знаешь, чтобы стать врачом, тебе придётся проучиться четыре года на любой выбранной тобою специальности, получить степень бакалавра и лишь потом...

"Значит, время есть, по меньшей мере, четыре года, чего зря спорить", - подумал Роби.

- Скажи Сэмюэлю, что ты станешь врачом, как он, не расстраивай дедушку, это отражается на его потенции.

- Чего? Деду скоро восемьдесят лет. Вы что, ещё того...

Лилиан перебрала косу на плечо, гордо подняла голову, в её синих глазах вспыхнул свет. Она была сейчас удивительно хороша и похожа на своих юных балерин, которых рисовала каждый день.

Роберт влюблялся постоянно в своих одноклассниц, в соседку, старше его лет на тридцать, в голливудских героинь, каждый раз меняя свои пристрастия. В одиннадцатом классе влюбился в Миранду, сестру - двойняшку своего одноклассника. Хорошенькая шатенка, с вздёрнутым носиком и карими блестящими глазками, пользовалась успехом у многих мальчишек старших классов, привередливо меняя их каждую неделю.

Когда Роберт приходил к Джереми позаниматься, вбегала в комнату в коротеньком халате, сверкая

стройными ножками, подходила сзади, обнимала Роби за плечи, прижимаясь маленькой упругой грудью:

- Занимаетесь? Ну, ну... Молодцы. - И с хохотом убегала. Юноша заливался розовой волной смущения и был счастлив, что сидит и никто не видит, как предательски вздулась ширинка на брюках.

Она снилась ему ночь за ночью, и, сжимая рукою свою восставшую плоть, представлял себя в постели с Мирандой, пока не кончал. Он не смел и мечтать о ней, разве обратит внимание красивая девушка на такого рыжего с веснушками.

И всё же Роберт решился пригласить девушку на "prom" и, к большому его удивлению, Миранда согласилась. Это был лучший вечер в его жизни. Юноша надел смокинг, девушка - восхитительное розовое длинное платье с открытыми плечами. Он не отходил от неё ни на шаг, угощал напитками, танцевал только с Мирандой и принял как само собой разумеющееся, что именно их объявили королевой и королём бала.

Несмотря на то, что алкоголь на школьных балах запрещен, кто то из ребят принёс виски и потихоньку подливал желающим в кока-колу. После одиннадцати вечера весёлая компания погрузилась в лимузин и отправилась в отель, где заблаговременно были сняты номера. Роберт остался с Мирандой наедине. Они медленно разделись. Миранда оказалась именно такой, какой являлась ему в эротических

снах.

Роберт подошёл к ней, она сделала шаг назад в направлении постели, улыбаясь и проводя розовым язычком по губам, он опять приблизился, она попятилась и так до тех пор, пока не упала на простыню, а Роберт сверху на неё... У него мелькнула беспокойная мысль, а вдруг он не справится, не туда попадёт, но Миранда помогла и всё у них получилось. Это было захватывающе прекрасно, Роберт не мог подыскать таких слов, чтобы выразить свой восторг. Целуя Миранду, шептал в ушко: "Ты моя, ты теперь только моя, никому тебя не отдам..." и погружался в трепещущее девичье тело, доводя себя вновь до сладостного спазма наслаждения.

Его переполняло чувство счастья и гордости: он стал мужчиной, переспал с любимой девушкой. Роберт мечтал, как будет с ней "заниматься этим" ещё и ещё. Правда, весьма смутно представлял, где можно будет уединиться. Денег на гостиницу у него не было, привести Миранду к себе не мог, Лилиан вечно торчала дома. На выпускном вечере всё оплатили предки, но не будет же он кланяться у них теперь деньги на развлечения. Да... Видимо, придётся просить Джереми поспособствовать, оставить их наедине у них дома.

Занятия ещё продолжались, но девушка вела себя как чужая. Улыбаясь ему, пробегала мимо. Роби писал ей записочки с одним вопросом: "Что случилось? Почему ты меня избегаешь?" - она не отвечала. Пытался ей позвонить до-

мой, она не подходила к телефону. Джереми всё время отвечал, что сестра то спит, то гуляет. Часами караулил её после учёбы, но Миранда выскакивала на улицу в компании подружек, либо ныряла в машину к здоровому туповатому блондину Лери, капитану

сборной школы по регби. Презирая самого себя, он тащился к ним домой, но Миранда закрывалась у себя в комнате и не появлялась. Парень похудел, невыносимо страдал, не понимая, что происходит, был на грани отчаяния. Когда Лилиан пыталась расспро-

сить, что случилось, не заболел ли мальчик, он грубил и убегал из-за стола.

Неизвестно, чем бы это всё закончилось, но спустя месяц поздно вечером Миранда с мамой пришли к ним домой...

Автор: Карин Гур

Рожденная воином. Вражда Нурберила

Глава шестая. Встреча на дороге.

Перед взорами уставших путников раскинулась благодатная долина Ашитар. С вершины холма, на который они взобрались, ведомые тершатом, на много верст вперед расстилались сочные, изумрудные поля и леса. Далеко за горизонтом поднимались вверх узкие столбы дыма, должно быть, крестьяне жгли сухой; извилистой, серебристой лентой петляла речка. Солнечные блики играли на водной глади, и Дайнара невольно щурилась, глядя на бескрайние просторы родины. Где-то в глубине души шевельнулось желание оказаться в Муштаре среди знакомых с детства лиц. Наверное, в деревне уже перестали оплакивать пропавшую без вести девушку.

- Ну что ж, - подытожил Двалин, подтянув пояс и поправив висящий на нем топорик. - Совсем скоро мы сможем хорошенько оттереться в душевой баньке, набить поплотнее брюхо и опорожнить десяток - другой жбанов пива.

Сказав так, гном

подмигнул Дайнаре и пригладил свои пышные усы мозолистой ладонью.

- Это все, о чем ты можешь думать, житель подземелий, - фыркнула эльфа.

Она обернулась к стоявшему в стороне тершату и быстро произнесла что-то на языке, изобилующем шипящими и твердыми звуками. Он же, возвышаясь скалой на фоне и без того странной компании, покачал головой и в раздумье показал на отвесные скалы Горукряжа. Девушка, наблюдая за их разговором со стороны, поняла, что Мин-Айрин предложила ледяному человеку последовать за ними в Нусан, но ему, кажется, ничто не заменит дом. Этот тершат, благодарный спасшей его троице, как только его рана затянулась (а травы эльфы сделали это невероятно быстро), повел их кратчайшим путем, который, несомненно, должен был вывести на Западный тракт.

Он сдержал свое слово. Главная дорога Нусана, по которой путешествовали купцы и ремесленники со своим товаром, вооруженные отряды или

лихие разбойники, поджидаящие жертву в заросшем кустарником овраге, находилась по правую руку. Оставалось только спуститься с холма и идти по выложенному крупными блоками камня тракту, а там, глядишь, и повстречается какая-нибудь деревенька или городок, где обязательно найдется пища и кров для троих измотанных путников.

Краем уха девушка услышала в речи Мин-Айрин свое имя, и это ее смутило. Эльфа, заметив, как изменилось лицо Дайнары, обратилась к ней со словами:

- Дайнара, этот тершат живет на высокой горе Хакаттук. Возможно, тебе это будет неинтересно, но я хочу передать тебе то, что мне рассказал Бекеадок. Там, - Мин-Айрин указала рукой на Проклятые горы. - Там у него были жена и дочь, но однажды всего этого не стало. Этой весной ледяной дух был очень зол, и огромные глыбы льда устремились вниз, чтобы разбиться. Под одной такой глыбой погибли его женщины, и Бекеадок до сих пор не нашел их тел. Я спроси-

ла, что привело его к подножию гор, но он не хочет об этом говорить.

- Но чем я могу ему помочь? – спросила Дайнара, обращаясь почему-то к тершату.

- Ты очень напоминаешь ему ушедшую в Дальние Земли дочь.

Хмыкнув массивным носом, Бекеадок, как его назвала эльфа, приблизился к девушке. Он быстро проворчал что-то, обращаясь к ней, и, достав из широкого кармана штанин черный шнурок с болтающимся на нем амулетом, протянул подарок Дайнаре.

- Нет, я не заслужила, - произнесла она, но тершата это несколько не смутило.

Он надел свой дар на почерневшую от грязи шею девушки и, погладив ее по голове тяжелой ладонью, зашагал прочь. Дайнара смотрела, как спасенный ею воин удалялся, и боялась пошевелиться. Ее рука инстинктивно потянулась вверх и сжала в ладони амулет. В этом жесте Бекеадока было что-то трогательное, и оттого, наверное, в глазах предательски зацепило. Захотелось вдруг убежать туда, где никто бы ее не увидел, и дать, наконец, волю слезам, а их накопилось достаточно с того самого момента, когда она увидела убитого отца. Этот громадный, покрытый густым мехом человек потерял всех своих родных и остался один, как и Дайнара. Она не знала, есть ли у него братья или сестры, а может быть, еще живы старые родители, но в глубоко посаженных глазах тлело невыносимое одиночество. Девушка за-

метила это еще там, в пещере, но не до конца поняла, в чем беда тершата.

Вскоре он скрылся в дремучих зарослях орешника, откуда еще долго доносился треск ломаемых им сучьев, и только тогда Дайнара вырвалась из охватившего ее оцепенения. В руке она по-прежнему сжимала подаренный Бекеадоком кулон. Разжав пальцы, девушка смогла разглядеть замысловатый рисунок. На гладко отполированной кости, напоминающей по форме клык довольно большого зверя, были аккуратно вырезаны символы изображения. Птица с раскинутыми в полете крыльями держала в когтях странный продолговатый предмет, прямо под ней шершавым на ощупь конусом возвышалась гора, у основания которой был изображен глаз.

- Гора означает возвышенность духа, способность подняться вверх и стать парящим в небе орлом. Сам орел, скорее всего, представляет собой весть. Видишь, у него в лапах пергамент, он возвещает о приходе в мир. Каждому ребенку, рожденному в горах, где живет Бекеадок, дается такой амулет, чтобы сохранить в опасных условиях жизнь крохотному и еще совсем беспомощному дитя. А вот этот глаз... - Мин-Айрин, рассматривающая изображение на кулоне, почему-то запнулась, но очень быстро справилась с собой и продолжила. - Это глаз Хрездрога, прародителя орков и виенаров. Он означает, насколько я помню, всевидящее око Древнего. По поверьям ледяных лю-

дей, он не оставит без присмотра свой народ, но может и безжалостно покарать за отступление от него.

- Зачем он мне это дал? – произнесла Дайнара, повернувшись к эльфе.

- Не знаю. Возможно, этот амулет принадлежал его дочери, - Мин-Айрин только пожалала плечами.

- Хватит трепаться! – рявкнул нарочито грозно Двалин. – Пора отправляться в путь. Мы и так уже слишком долго здесь проторчали. Как ты назвала этого громилу?

Кустистые брови гнома сошлись на переносице – он пытался отыскать в лабиринтах памяти имя тершата.

- Бекеадок, - помогла ему с этим Дайнара.

- Точно. Я думаю, Бекеадок привел нас сюда не для того, чтобы мы болтали о всякой ерунде и дожидались, пока на хвост нам сядут неприятности. Было время, чтобы перевести дух после подъема, теперь нужно спускаться вниз. Если я правильно понял, свернув на юго-запад градусов на сорок, мы найдем, наконец, людей. Твердолобый Дарлин, знал ли я, что когда-нибудь так сильно захочу повстречать этих самоуверенных дылд?! Помните мое слово, я расцелую первого, кто мне встретится на пути, - похоже, Двалин находился в приподнятом настроении духа.

Эльфа, представив себе на секунду такую картину, приснула от смеха. Она-то знала, что Двалин не особо доверял людям, и у него были на то свои причины, о которых он предпо-

читал не распространяться. Дайнара тоже не выдержала и засмеялась, но веселье это продолжалось недолго, вскоре трое друзей двинулись в путь.

Шагая по еще мягкой зеленой траве, они не заметили, как закончился спуск, и перед взором расстелилась равнина. Остались позади душные степи, давно покинуто ими зловонное болото, похоронившее в себе тысячи воинов во времена правления Абриуса в Хорувии. Еще совсем немного усилий, и черные громады Проклятых гор перестанут казаться вместилищем сил зла, по крайней мере, они уже не будут так угрожающе близки. Путники больше не останавливались, скорее наоборот, они прибавили ходу, предвкушая хороший отдых с теплой компанией и душевными разговорами. Несмотря на уставшие от долгой ходьбы ноги, девушка чувствовала прилив сил и старалась не отставать от Мин-Айрин, стремящейся, словно порыв ветра, вперед. Она совсем не казалась вымотанной и время от времени подбадривала спутников веселой шуткой или задорной песней. Эльфа чувствовала себя защищенной в дружественной Древнему Лесу стране, чего нельзя было сказать про Двалина.

Гном неожиданно скоро посерьезнел и сник, всем своим видом показывая, что он ни коим образом не желает встречаться с нусанцами и тем более лобызаться с ними, как заявлял раньше. Дайнара отметила это про себя и даже пыталась спросить его о причи-

нах такого поведения, но гном только отмахнулся, сказав, что там, где он живет, не очень дружелюбно относятся к дылдам, как он называл людей.

Троица, проделав пешком огромный путь, совсем скоро вышла на Западный тракт Нусана. Дорога была проложена еще при короле Дрогорне - Основателе, призванном из могучего княжества Девонского, ныне Хорувии, дабы сплотить жителей Нусана и обучить защите своих земель от непрошенных гостей - варваров. История его пришествия на трон почти забыта и очень запутана. Первый полноправный правитель государства долины Ашитар, слывший искусным воеводой и непревзойденным бойцом, был также у р о ж д е н н ы м В а н - Арином, младшим сыном князя девонского Израндира, но он лишен был власти по старшинству. Придя в Асин, он сумел создать крепкую армию и окружить себя верными людьми. С ними Дрогорн пробил оборону княжеского дворца и сверг старого правителя, провозгласив себя единым и полноправным хозяином земель нусанских. За пятьдесят лет властвования Дрогорн Девонский расширил территорию вдвое, подмяв под себя восточные племена. Тогда он и решил проложить путь из белокаменного Асина сквозь Нусан напрямик к владениям Перворожденных. Осуществить грандиозную задумку ему удалось лишь наполовину, ибо эльфы воспротивились любому проникновению в их земли, и тракт, названный Запад-

ным, протянулся через весь Нусан, разделив его на две части. Много позже пыльную дорогу покрыли каменными плитами, и уже спустя несколько веков после того ее восточное окончание стало уходить в растущие болота Кичьей топи. Эти знания Дайнара почерпнула из той же летописи старика Сидрина, который, несмотря на свою дряхлость, был еще и очень азартным. Девушка боялась, что однажды он проиграет пьянчугам из трактира свои собрания сочинений, но, к счастью, те не интересовались такого рода глупостями. Дорогие сердцу воспоминания были прерваны гулом, созданным подкованными копытами, грозным улюлюканьем и свистом всадников. Страшные звуки были так неожиданны, что Дайнара не сразу узнала развевающиеся на копьях бело-зеленые знамена.

- Это наши! – закричала девушка в охватившем ее восторге. – Это отряд Нусанской армии! Свои ... свои, понимаете?

Она подпрыгивала и размахивала руками, чтобы привлечь внимание людей, но в этом не было необходимости. Всадники мчались прямо на нее и ее спутников, выставив вперед длинные пики копий.

- Кто бы они ни были, но добра от них не жди, - буркнул недоверчиво гном, выхватив из-за пояса боевой топор. Сталь сверкнула в лучах заходящего солнца.

Вслед за ним вскинула лук Мин-Айрин, вся ее веселость куда-то испарилась, а вместо этого в гла-

зах появился холодный расчет: скольких всадников она успеет положить, прежде чем колчан опустеет, ведь большая часть стрел была уже израсходована.

- Двалин, Мин-Айрин, - растерялась от их настроя девушка. – Да вы что, с ума посходили?! Они не сделают нам ничего плохого. Опустите оружие! Хватит! Это же свои!

Не видя другого выхода, Дайнара вцепилась обеими руками в оружие эльфы. Та удивительно резко ее оттолкнула, и девушка упала на землю. В этот миг троицу окружил забор из острых копий. В ноздри ударил резкий запах мускуса, а над головой захрапела чья-то лошадь. Дайнара вскочила на ноги и сразу же метнулась к друзьям. Они не двигались, и на их суровых лицах не дрогнул ни один мускул, но все же они были готовы сражаться с противником, превосходящим их числом.

- Кто вы такие и что делаете на приграничной полосе с оружием в руках? - произнес на Всеобщем языке один из воинов, с ног до головы закованный в латы.

Его лошадь подалась назад, когда он намотал на руку поводья.

- Мы не враги вам! – почти истерично выкрикнула Дайнара.

Представив себя со стороны, она сумела совладать с охватившими ее чувствами и уже с достоинством произнесла:

- Я из Муштара. Наша деревня горела несколько дней назад, а меня схватили кочевники и увезли в степи. Если бы не они, - девушка указала на друзей, не

опускающих оружия. – Мне не удалось бы выбраться из плена. Они представились мне как Двалин, сын Нура, и Мин-Айрин. А я Дайнара, дочь Хардинга. Вы должны знать его, ведь он был сотником асинского отряда Нусанской армии.

- Не наше дело поминать всех сотников по именам, - отрезал воин, бывший, видимо, командиром.

- Дайнара!

Резкий окрик заставил командира обернуться, чтоб разглядеть среди суровых лиц того наглеца, что посмел его перебить. Виножник не заставил себя ждать. Всадники мгновенно расступились, и в круге оказался ничем не отличающийся от других муж. Он перевалился через потный круп своего коня и, встав на землю, снял обеими руками шлем, украшенный искусной резьбой. Тяжелые, черные пряди волос упали на покрытый испариной лоб. Воин был молод, красив и дерзок.

- Я тебя искал, Дайнара, я не верил, что ты могла погибнуть в этих проклятых степях, - он, совсем не обращая внимания на оторопевших соратников и эльфу с гномом, притянул к себе девушку, покрывая ее лицо и волосы поцелуями. – Они говорили мне, что это бесполезно, но я не верил, я знал, что ты сильная. Дайнара, я думал, умру без тебя... Всевидящий Митра, благодарю!

- Элиус?! Но что ты здесь делаешь? – пробормотала Дайнара, не в силах сопротивляться.

- Кто-нибудь объяснит мне, что здесь происходит?

Грозный рык командира отрезвил, наконец, парня.

- Все, что говорит эта девушка, - истинная правда, Талгог. Ты же знаешь, что я из Муштара! Это ее мы тогда не нашли среди освобожденных пленниц. Она сбежала от кочевников! Как тебе это удалось?! – взволнованный Элиус снова обернулся к Дайнаре и поднес ее ладони к губам, но она неожиданно резко вырвалась.

- Хватит меня слюнявить, Элиус, ты похож на пса, – бросила она.

- А я и есть пес, преданный тебе до смерти.

- Прекрати!

- Не смущай девушку, птенец, здесь слишком много народу, - насмешливо прозвенел голос Мин-Айрин. Она заметила перемены в настроении нусан и решительно перекинула лук через плечо, ставшая ненужной оперенная стрела вернулась в колчан. – Эй, Двалин, перестань глядеть зверем. Эти люди приняли нас не за тех, вот и вся беда, - она неспешно подошла к тому, кого Элиус назвал Талгогом, и обратилась к нему так сладко, как только могла. – Вы выполняли свой долг, достопочтенный, и я не могу не отметить вашу решительность, но разве опасны три путника, лишённые коней и еды, против вашего славного отряда. Мой путь лежал в Асин, к одному знакомому, но злые кочевники отняли у меня все. Можете ли вы сопроводить меня туда, где я и мои спутники смогли бы набраться сил для дальнейшего пути. Я буду вам очень признательна и не

забуду вашу доброту, обещаю.

Старый Талгог был научен горьким опытом тому, что не стоит доверять незнакомой женщине, как бы ни была она мила. Слишком дорогой была расплата за одну его ошибку. Он не поверил эльфе ни на йоту, но...

- Позвольте мне сопровождать их в Эйл, - вызвался Элиус, не отрывающий от Дайнары глаз. - Это недалеко, и я смогу скоро вернуться, если вы, конечно, отпустите меня.

- Что ж, - командир задумчиво сжал пухлые губы. - Нарсил!

Гуца воинов буквально выплюнула всадника, то и дело вертевшего головой во все стороны.

- А? - отозвался он и неуверенно улыбнулся. - Что, опять Нарсил?

- Не что, а зачем, - поправил его Талгог. - Пойдешь вместе с Элиусом, ты вроде тоже из Муштара. И Ская ко мне! Больше отпустить я никого не могу - в Мантаду сейчас каждый меч на счету, а вы, я думаю, и без них за себя постоять сможете. Но это для порядка, чтобы не слишком вольничали. Скай!

Воин, вставший наравне с Нарсилом, чуть заметно кивнул.

- Будешь за главного. - распорядился командир. - Если вздумают вольничать, проучи их как следует. Как только они разместятся в Муштаре, возвращайтесь. Ордон не обрадуется, если вы пропустите бой с этими собаками. И дайте им коня!

Сказав так, грозный Талгог развернул лошадь и

помчался прочь, вслед за ним сорвались всадники, и окрестность снова заполнилась топотом копыт. Двалин выждал, пока они окажутся совсем далеко, и убрал, наконец, топорик. Рядом с троицей остались лишь трое молодых воинов и одна лошадь с пустующим седлом, которую держал под уздцы Скай.

Эльфа, перекинувшись словом с широкоплечим русоволосым мужем, оставленным за главного, попробовала добротное мантадуйское седло на ощупь, поправила его и одним махом оказалась на спине гнедого скакуна. Двалину пришлось пристроиться позади нее - гном, достаточно низкий по своей природе, никак не мог совладать с тем, что было вдвое больше его пони. Он долго примерялся и подпрыгивал, пытаясь оседлать статного скакуна. Элиус добродушно глядел на необычного коротышку. Он, как и Дайнара, никогда раньше не видел настоящих гномов.

Двалин почти совладал с кобылой, но вдруг услышал позади себя смешок. Это было как удар в спину, кровь жителя подземелий хлынула в голову, и гном обернулся. На него сверху вниз глядел Нарсил, прищурив правый глаз и широко улыбаясь.

- Уважаемый гном, меня до глубины души поразило ваше умение обращаться с лошадьми, - воскликнул он, приняв напыщенно - насмешливый вид. - Не могли бы вы дать мне пару уроков.

Наблюдавшая за всем из-за спины Элиуса девушка насторожилась.

Она вовсе не хотела, чтобы ее друзья поссорились, едва познакомившись, но кажется, этому желанию не суждено было сбыться.

- Прежде чем обращаться к жителю гор, хотя бы научись вежливости, процедил сквозь зубы Двалин, уперев сжатые в кулаки руки в бока. - На моей родине таким выскочкам отрубают язык.

Он стоял в такой позе и сверлил глазами белокурого всадника, так неосторожно его обидевшего. "Скоро грянет гром" - решила Дайнара. Ей было бо-язно за Нарсила, бедняга еще не знает, каков Двалин в драке.

- Нарсил молод и горяч, - заговорил вдруг стоящий в стороне Скай. - А ты, гном, я надеюсь, достаточно благоразумен, чтобы не поддаваться на мальчишеские уловки.

Оставленный за старшего, он вполне соответствовал этой роли. Холодного и рассудительного Ская Двалин смерил глазами, но пыл его все-таки спал. В конце концов, кто этот шалопай, чтобы тратить на него свое время. Это вовсе не придворный король Кирдинга, которому гном вдарил по лицу, за что и был выслан за пределы Андора. Но об этой постыдной истории Двалин вспоминать не хотел.

- Не злись на меня, гном, я вовсе не хотел тебя обидеть, - произнес Нарсил и, спрыгнув с коня, протянул тому ладонь. - Предлагаю забыть о той глупости, что я сморозил, и стать друзьями.

Паренек из Муштара хитро подмигнул и, наклон-

нившись настолько, что стал с гномом одного роста, застыл. Его вытянутая рука ждала в воздухе. Двалин собрал всю свою волю, мысленно выругался на весь нусанский род, исключая лишь спасенную им от кочевников девушку, и выкинул вперед тяжелый кулак. Ему не пришлось изворачиваться, как в тот памятный день; ухмыляющаяся рожа наглеца, посмевавшегося так оскорбить гнома, находилась прямо перед ним. Нарсил не удержался на ногах и повалился на спину.

- Он сломал мне нос! О-о! мой бедный нос! – застонал он, уткнувшись в сочную траву.

- Двалин, по-моему, ты перестарался, - заметила Мин-Айрин.

Она подала жителю гор руку, чтобы тот мог забраться в седло без особых мучений, и на этот раз у него это получилось.

- Вставай, шутник.

Ты получил по заслугам, - подытожил Скай, обратившись к пареньку.

- По заслугам?! Я предложил мир, а вместо этого мне едва не снесли полголовы. Где это видано, чтобы гномы били людей? Я требую справедливости! Справедливости и хорошего вина, а не то я сдохну от потери крови. Изверги! – все еще возмущаясь, Нарсил взобрался на коня.

Девушка давно не видела своих старых друзей и была бесконечно рада встрече. Во время короткой перепалки между Двалином и муштарцем она то и дело порывалась вставить слово и прервать обоих, но ее удерживал от этих действий Элиус. Он решил не вмешиваться в спор, предоставив его исход судьбе, и, возможно, это был наилучший вариант. Да, пострадал его друг, но он сам виноват в том, что получил в лоб. Нарсил любил пошутить и

порой не замечал границ, где острые шутки были неуместны. Это его главная беда, ведь в основном он отличный парень – жизнерадостный и смелый.

Элиус ударил пятками по крупу Злодея, так в отряде Ордона прозвали коня за его свирепый нрав, и тот, гордо заржав, встал на дыбы. Парень почувствовал, как крепко прижалась к нему Дайнара, ее теплое тело было так близко, что хотелось, чтобы это мгновение длилось вечно.

Злодей рванул за своими сородичами по тракту. Скай подбодрил отстающего Нарсила и махнул рукой. Нужно было добраться до Эйла прежде, чем золотоподобное око Митры скроется за горизонтом. Там усталые путники смогут отдохнуть и набраться сил. Скачи, Злодей, гони во весь опор.

Автор: Хиль Де Брук

Брушальная была

XX

Утром следующего дня он отправился с грузом на Сухой мост. Предложил одной покупательнице раритетную маленькую медную шкатулку, попросил за неё двадцать лари.

- А за сколько буду продавать её я?

Такой вопрос в своей практике он слышал не впервые, и каждый раз вызывал у него раздражение.

- А вы подумайте. Во всяком случае, это цен-

ная вещица.

- Всё очень трудно продаётся. Сюда приходят, как в музей. Я вам дам десятку, - предложила она.

- Простите. Или вы некомпетентны, или принимаете меня за дурака. У меня огромный опыт, я хорошо знаю, что сколько стоит. Если вы пытаетесь меня обмануть, то не делайте это по-дурацки, приложите к этому хоть немного ума, чтобы ваши слова выглядели правдопо-

добно. А эти бабушкины сказки по поводу того, что трудно продаётся, я слышал много раз от многих, на многих рынках, - едва скрывал он раздражение, отходя к другому перекупщику. Тот, даже не спрашивая о цене, предложил ему тридцать лари.

У него оставались ещё две тяжёлые сумки, набитые книгами. Он попытался продать их букинистам, показал многим из них, но никто ни одной

книгой не заинтересовался. Решил отдать «ненужный груз» знакомому торговцу антиквариатом, тот отказался брать, сославшись на то, что ему они не нужны, даже в подарок. Чтобы избавиться от ноши, он решил оставить её у мусорного бункера, но тут антикваршик позвал его и предложил всё-таки оставить книги у него, авось хоть что-то кому-то пригодится. Уходил он с чувством досады. Расставаться с книгами было жалко, но и выбора не было: следовало поехать на Элиава, а с таким грузом передвигаться трудно. Весьма ценные по советским временам книги: Достоевский, Чехов, Бунин, Пастернак, Есенин, Цвейг... Каждый из авторов представлял целый пласт культуры. Он с ужасом убеждался, что всё это в 21 веке на его родине никому не нужно... И долго не мог простить себе свой варварский поступок.

Несколько часов побегав по Элиава, к вечеру вернулся домой с болью в спине, с единственным желанием поспать. Брат всё ещё лежал с утра и смотрел телевизор. Сандро не стал его беспокоить. Выпил чашку кофе, взялся за работу. Нужно было разобрать различные, морально устаревшие, электронные, аналитические, измерительные приборы, которые в советское время использовались на производствах в промышленных целях. В составных частях таких приборов содержались драгоценные металлы: золото, платина, палладий. Те, кто об этом знал, ставил это

дело «на конвейер». Были люди, которые хорошо платили за такие детали. Из одного килограмма таких деталей можно было извлечь более пятнадцати граммов чистейшего природного золота. Но золото не лежало на поверхности, для этого необходимо было знать технологию обработки и вытравления позолоченных и прочих деталей. Он не располагал необходимыми условиями и знаниями, потому продавал детали. За двадцать с лишним лет постсоветской эпохи многие предприятия Грузии были разграблены на металлолом, и осталось всё меньше и меньше промышленной и военной радиоэлектроники советского производства...

Когда он почувствовал, что усталость всерьёз даёт о себе знать, то попросил брата встать. Тот и не подумал, и Сандро запершись в кухне, лёг прямо на пол и ненадолго задремал. Лежать на жёстком полу было трудно, он вскоре проснулся от озноба и боли в спине. Погревшись у газовой плиты, пошёл к Нане. Она, сидя в кресле за телевизором, пила чай. Сандро пристроился в другое кресло, у неё за спиной. Она вдруг принялась напоминать ему о своих благодеяниях и о том, какой он неблагодарный. Всё было не так, он не мог молчать и был вынужден заговорить на ее же языке:

- Я никогда не был альфонсом, и сделал для тебя намного больше. Ты мне помогала по-женски, я тебе по-мужски. Времени и сил специально для меня

ты не тратила, всё делала, исходя из собственной надобности, и кое-что отдавала мне. Я же жил твоими проблемами и заботами. Всё твоё добро давно вышло боком, но я всё же благодарен тебе, а вот ты...

К чему ты затеяла этот разговор. Я пришёл к тебе просто, посидеть, ты же ищешь повода для скандала. Не будем заниматься взаиморасчётами. Тормози!

-Это ты тормози, свинья неблагодарная!

-Ну, ты и животное! – вышел из себя Сандро

Он упрямо не желал понимать, что она давно утратила к нему интерес, что она не воспринимает его никак. Он всегда был спокойным, добрым и уравновешенным человеком, это обстоятельство в её глазах создавало иллюзию слабости Сандро, иллюзию того, что его можно унижать, поднимать на него голос, но, как правило, такое понимание природы Сандро и вытекающие из этого действия приятельницы приводили к скандалам, в которых, как казалось ему, она испытывала потребность. Моментами Нана считала Сандро хорошим другом. Но разве отношения этих двух людей имеет ли хоть призрачное сходство с дружбой?.. Нана была настроена прагматично по отношению к Сандро, стремилась получать от него лишь всякого рода услуги, помощь, выгоду, но в тоже время забывала, что он не бюро добрых услуг, но мужчина и человек, которому не было чуждо ничего человеческое.... Она говорила ему: « Хочешь

взять меня любыми способами, да? Не мытьём, так катанием? На-ка вот, выкуси!» - показывала она дулю.

Понимая бессмысленность дальнейшего пребывания, он направился к выходу. Видя, что Сандро уходит, она взялась ещё и выталкивать его, активно работая локтями. Он шёл, объятый несколькими чувствами разом. Они теснились в его груди и душили. Обида, досада, надрыв приводили к отчаянному выводу: если он не может найти понимания и уважения со стороны близких людей, если не нужен им, то не удивительно, что остальным не нужен и подавно. Он одинок, не востребован, у него и впрямь нет ни родственников, ни близких друзей. Обстоятельства жизни, ощущение неприкаянности загоняют его в тупик.

Ещё долго после последней ссоры Сандро не заходил к Нане, но однажды она позвонила и сообщила, что есть возможность заработать. Попросила его зайти.

-Ну, рассказывай, что ещё пришло тебе на ум?

- Моя приятельница и коллега уже давно должна мне триста долларов, мне же срочно нужны деньги. Я прошу тебя, дай ей на три месяца под десять процентов, под мою ответственность, она вернёт, не беспокойся, я ручаюсь...

-А почему она до сих пор не вернула тебе?

-Там свои причины, я не могу её упрекнуть.

Сандро хорошо знал, что Нана не подведёт, понимая, какой ценой ему приходится доставать деньги. Сказалась не только давняя дружба, прежде всего, им двигала любовь, он готов был сделать ради неё всё, лишь бы она поняла, что он для неё надёжный и незаменимый друг, и дал согласие. Прошло какое-то время, Нана позвонила и сказала, что приятельнице нужно пятьсот долларов и попросила, чтобы он дал эту сумму под семь процентов. Сандро согласился и на эту просьбу.

Прошёл день, он был занят работой, когда зазвонил мобильник. Звонила она.

-Приходи, приятельница у меня.

-Это так неожиданно, приду через полчаса.

Нана звонила в этот день несколько раз, и каждый раз Сандро просил немного повременить, но видя, что работа растягивается, оставил её и быстро направился к ней. После недолгого разговора он отсчитал гостёе пятьсот долларов и взял с неё расписку. Коллега Наны рассчиталась с ней и вскоре ушла с оставшейся у неё суммой. Через двадцать минут Нана, тоном, не терпящим возражения, потребовала, чтобы он ушёл.

- Позволь немного посидеть, хочу посмотреть новости,- попросил он.

-Нет, мне некогда, у меня дела, давай уходи!

-Нана, когда ты звонила и просила прийти, у меня тоже были дела, но ради тебя я их оставил и

спешно пришёл, ты же находишься у себя и можешь заняться своими делами, я тебе мешать не буду.

-Нет, уходи!

-Ну, конечно, дело сделано, сдался я теперь тебе... Кстати, когда однажды я попросил у тебя крупную сумму, ты тогда поставила условие, чтоб я оставил тебе что-нибудь в залог, ты говорила: «А может с тобой что-то случится». Я же, как видишь, не столь дальновиден, такой гарантии не потребовал от твоей приятельницы, да и от тебя.

-Ты пришёл ради себя, я дала тебе возможность заработать.

-Уверен, что не работа о моих доходах побудила тебя позвать меня. Тебя, прежде всего, беспокоила собственная проблема. Я давно хотел сказать, что твоё хамство и ни-чем не прикрытое издевательство надо мной перешагнули за все рамки, они не стыкуются с дружескими отношениями!

- С какими ещё дружескими, - в истерике начала Нана, - ты для меня всегда был пустым местом, никем!

- Слушай, может, я что-то недопонимаю, может, я идиот? Ты объясни мне, что же тогда происходило между нами эти десять лет, как же, потвоему, всё это называется? Я каждый божий день приходил к тебе, мы много общались, проводили время в интересных и доверительных беседах. И твои, и мои проблемы решали вместе, вдвоём отмечали все праздники. Теперь же, ока-

зывается, всё потеряло для тебя смысл. Но почему?..

- Потому что я так хочу! – категорично отвечала она.

Напрасно Сандро взывал к её рассудку, она была настроена на своей, только ей понятной волне. Он ушёл. Через пару дней, в разговоре с Наной, он общился:

- Приближается день рождения мамы, ей бы исполнилось восемьдесят, я хочу отметить этот день в узком кругу друзей, только вот не знаю, как и что приготовить. Поможешь?

- Нет проблем,- обнадеживающе ответила она.

-Тогда я куплю баранину, сделай, пожалуйста, шилу.

-Хорошо,- согласилась Нана.

Существует расхожий афоризм: «Если хочешь рассмешить Бога, расскажи ему о своих планах». И с этим никак нельзя не согласиться. Вскоре после этого разговора, они опять поссорились. Причина была нелепой: поднимались вдвоём к Нане, у дверей Сандро сказал:

-Если слушаться тебя, то всё пойдёт прахом.

Она восприняла это, как оскорбление и, войдя в дом, тут же захлопнула дверь перед его носом, не дав ему даже объясниться. Лишь успела крикнуть:

-Чтоб у тебя пошло всё прахом.

Накануне материнского юбилея Сандро отправился на навтлугский рынок за продуктами и,

учитывая последние обстоятельства в отношениях, он решил позвонить к ней и ещё раз спросить: будет ли она готовить? Звонил несколько раз, но позвонить не смог. Пришлось ограничиться другими продуктами. Возвращался домой с огромными сумками и горьким осадком в душе. Он понял, что не сможет пересилить себя, не сможет пригласить её на горький юбилей и помянул мать в узком кругу приятелей – людей, которые, не жалея сил, помогали ему в трудные дни...

Двумя днями позже он встретился с ней, она находилась в позе обиженной, спросила:

-Почему ты не пригласил меня?..

В нашем скоротечном мире меняется всё, не составляет исключения и любовь в понимании каждого человека, в результате прожитых лет, его душевного состояния. Незыблемо одно: настоящая любовь немыслима без большой внутренней культуры, внутренней нежности... А у Наны к Сандро не было никаких чувств. Она знала, чего ей нужно...

Сандро хорошо понимал неповторимость человеческого существования, его судьбы, индивидуального внутреннего мира, неповторимость, которую не всегда можно выразить языком понятий, её можно было порой лишь интуитивно чувствовать. Для него человек являлся высшим существом, заслуживающим высокого внимания и пиитетного отношения. Но

ему, активно общающемуся с людьми, нередко приходится убеждаться в ничтожности человеческой природы, которая часто не только не нуждается во внимании и уважении, но даже порой не замечает его или не понимает значение такого отношения, особенно тогда, когда это внимание и уважение у него в избытке. Ведь известное дело: человек не ценит то, что у него в избытке. Стремясь видеть в людях хорошее, он с разочарованием для себя, констатировал, что человек, по своей сути являясь царём природы, безграничным властелином на земле, часто бывает ничтожен, безумен, равнодушен, циничен, жесток, и жесток, в первую очередь, к своему собрату, в результате наступает время, когда весь этот негатив поворачивается против него бумерангом. И никакие социальные догмы, постулаты не способны изменить или повлиять на его врождённую хищную натуру, психику, инстинкты... Значит, природа человеческая направлена на перманентную вражду, борьбу за обладание, выживание, даже за счёт себе подобного... Весь вопрос в том, какими средствами будет достигаться цель?

Невзирая на индивидуализм и недостатки, он оставался общительным и благожелательным, но никого не интересовал. Он ментально не подготовлен для жизни в обществе, в котором прожил всю жизнь. Родившись и сформировавшись у себя на ро-

дине, оказался в ней чужим, маргиналом. Всегда жил в Грузии, никогда не покидал её пределов. Самым дальним пунктом его посещения была Гагра, да и то в начале девяностых. Жизнь сложилась так, что он воспитывался на русской культуре, литературе, истории, в семье говорили по-русски и родным языком для него был русским, но вот в России побывать так и не довелось. Он мечтал о Москве, о Петербурге, о поездке по Золотому кольцу России, о белых ночах, неповторимых сибирских просторах. Увы! Если ему не удалось осуществить желание в советском прошлом, сегодня это просто не по силам... Разбиты мечты, надежды, утрачены лучшие годы. Без семьи, в одиночестве. Остались ли какие-нибудь перспективы? Можно ли еще на что-то рассчитывать? А ведь есть стимул, есть интерес к жизни. «Но что толку?! Живи себе, бобылем» и подавляй все стремления, - говорил он про себя. В современных условиях он не нужен дорогой своей стране, ехать же в Россию не может из-за здоровья, да и не жалуют там выходцев с Кавказа. Брутальная реальность нещадно бьет по хребту. До каких же пор?..

8.09.11 г. – 11.04. 12

P.S. Обстоятельства связанные с возвратом долга имели еще длительное, малоприятное продолжение и потребовали от Сандро не мало переживаний. Он на своём горьком опыте убедился, что в некоторых

случаях народная мудрость гласит правильно: «Ты предполагаешь, а Бог располагает» или: «Хочешь обрести врага, отдай ему в долг». Эти, казалось, простейшие истины, знакомые каждому чуть ли не со школьной скамьи, обрели для Сандро наиболее актуальное значение, открылись ему с большей глубиной, смыслом...

Приятельница Наны оказалась беспардонной женщиной, она еще не раз звонила к Сандро и просила одолжить ещё, звонки носили навязчивый характер, он то отказывал, то давал, в результате общая сумма долга достигла почти восьмисот долларов. Подключился к «золотой жиле» и муж приятельницы. Позвонив незадолго до истечения срока выплаты основного долга, он попросил ещё пятьсот лари, объяснив, что отец находится в больнице. Сандро встретился с ним и передал лишь двести. Должник пообещал, что эту сумму он выплатит через неделю, но он не выплатил её даже тогда, когда завершился условленный по договору срок, когда нужно было выплачивать всю сумму. Но, передавая эти деньги, Сандро вдруг поймал себя на том, что когда его отец сам лежал больной целых три месяца и нуждался в помощи врача, он ничем не смог помочь ему, у него не нашлось даже десять лари, да и сам был в непростой ситуации, а сегодня помогает постороннему человеку. И стало обидно...

Когда людям нужны деньги, в таких случаях

они обращаются к близким или знакомым, и каждый из них пускает в ход своё красноречие, уверяет, что он обязательно вернёт в срок, прибегает к любым аргументам, посулам, говорит, что «не такой», на деле же берёт на «ура» взаймы, не задумываясь, что взятые средства придётся возвращать. Когда же наступает время расплачиваться, он просит отсрочки. Но время каждого «потом» рано или поздно наступает в своё время, и тогда опять мы слышим «потом» и ещё раз «прости» и убеждаемся, что, когда дело доходит до возврата долга, то все люди или почти все, похожи друг на друга, как две капли воды.

Приятельница Наны должна была вернуть долг ещё четыре месяца назад, но в течение этого времени ограничивалась риторическими извинениями и бесконца просила отсрочить ещё раз, но проценты выплачивала исправно. Сандро понимал, что ей приходится отрывать эти проценты от детей, позже её супруг сам признался в этом. Сандро в такой непростой ситуации испытывал моральное давление, не давала покоя совесть, в нём поселилась жалость к этим людям, он стал много переживать. После очередного «потом» чаша терпения у него переполнилась, жалость и переживание за супругов, сменилась злобой. «У этих людей два автомобиля, оба супруга работают и получают хорошую зарплату, - думал Сандро, - я же эту сумму копил полтора года, и ка-

кой ценой. Меня разве не жалко. Сделал им добро, а себе доставил головную боль, ненужные проблемы. Потребности этих людей значительно превышают их возможности. Не мне же оплачивать чужие проблемы. В их оправданиях постоянные нестыковки, они врут и не краснеют. Мне надоели их демагогические обещания. Нет, я беру у них эти проценты уже как моральную компенсацию. Он с самого начала знал, на что шли...» Терпение лопнуло. Вскоре Сандро уже сам, не без причины стал скандалить с Наной, корить её за то, что она познакомила его с приятельницей, втянула его в это грязное дело, что её друзья безответственные люди. Нана пыталась успокоить Сандро, уверяла, что они вернут ему долг. Но Сандро уже ни во что не верил, он больше не хотел слышать ни какие оправдания, говорил, что эти обещания он слышит уже четыре месяца и каждый раз одно и то же. Сильно разругались. Он впервые в жизни оказался в роли ростовщика и сильно пожалел, поняв, что такая роль не стыкуется с порядочностью. Два дня переживал этот скандал, находился в депрессии, когда же успокоился, почувствовал себя заново перерождённым, как это бывает с человеком, излечившимся от долгой болезни. Дома стал ругать его брат, называл дураком. Может быть и правда, что только глупый способен делать добро, а потом надеяться на благодарность. Почему человек сде-

лав кому-то благое дело, оказывается в ущербном положении?.. На звонки Сандро Нана не желала отвечать, бросала трубку. Тогда он поднимался к ней и она, лишь приоткрыв дверь, отвечала: «Разбирайся сам» и закрывалась, не давая ему возможности договорить. Он уходил с порога в расстроенных чувствах. Нана вела себя так, как будто Сандро сам был виноват перед ней, это раздражало его, он прибегал к грубым метафорам. Во время одного телефонного разговора «предложил» ей альтернативный вариант: «Тогда сама верни деньги». Она ответила: «Поумнее ничего не мог придумать». Но авторское право на эту выдумку принадлежало, прежде всего, Нане, именно таким образом, деньгами Сандро она вернула свои средства. На самом же деле, он не имел серьёзного намерения требовать что-то у неё, просто в какой-то момент не выдержали нервы. Терпеть футуристический эпатаж Наны было нелегко. Который раз её скользкая натура доставляла ему неприятности. А ведь Нана пользовалась у него безграничным доверием и была главным гарантом в этом деле. Она даже ни о чём не сожалела, не испытывала никакой, хотя бы призрачной тени раскаяния, какой-то ответственности, просто не было у неё этого чувства, чувства собственной вины. Скрываясь за такими непрошибаемыми свойствами человеческой натуры, она комфортно жила своей жиз-

нью.

Просьбы должников в очередной раз отсрочить выплату, обрели, казалось, патологический характер, ещё не раз приходилось откладывать сроки выплаты долга. Сандро устал от ожиданий и переживаний, но вожделенный день всё-таки наступил. Средства возвратили полностью, точнее, почти полностью.

Велика была обида. После долгих лет тёплой и искренней дружбы (во всяком случае, так казалось Сандро) наступила угнетающая тяжесть, боль разочарования в женщине, которую считал близким, незаменимым человеком. «Не правильно устроена жизнь – думал он, - так не должно быть, чтобы многолетние друзья становились недругами и возненавидели друг друга и, главное, за что?».. Упаси Господь, чтобы в отношении двух родственных душ не вклинилось инородное существо, создав иллюзию такой же родственной души. Нелепая случайность, порой, способна в корне изменить обстоятельства жизни на долгие годы вперёд, если не на всю жизнь. Люди, часто не в силах в нужное время принять мудрое решение, прощать друг другу малейшую провинность, решают не рассудком, а по велению сердца, дешёвой гордыни, но потом, в наказание за упрямство и близорукость, они обретают большие проблемы...

Автор: Александр Черкасов

Моя Америка

Утром, пока жду риелтора, собираю вещи. Она опаздывает, входит, почти вбегает без стука. Когда открывается дверь, падает записка, риелтор поднимает с пола бумажку, и отдает мне. Это записка от Тома, не читая, кладу ее в карман куртки. Риелтор внимательно осматривает квартиру, заключает, что все в порядке, мы подписываем бумаги, я получаю назад залог, а она ключи. Все. Внизу меня уже ждет такси.

Звоню Вадиму, через несколько минут он спускается, и отводит меня в переговорную комнату. Приходят еще несколько человек. Мне сначала задают вопросы, чем я занималась и занимаюсь, затем начинают спрашивать по синтаксису языка. Для них женщина, программирующая на Си, да еще знающая юникс - это экзотика, на меня смотрят с нескрываемым интересом, и даже просят написать коротенькую программу — вывести список в обратном порядке, пишу. Мужчины довольны. Переходят к обсуждению зарплаты. Прошу шесть тысяч. Понимаю, что попросила мало, потому что соглашаются сразу. Ерунда, теперь все хорошо, только нужно дождаться, когда будет виза. Выхожу на улицу, стою посреди тротуара вместе с чемоданом, у меня еще есть время до вылета, но чемодан сильно портит мне мобильность, и я не знаю, что мне делать.

Машинально засовываю руку в карман за телефоном, которого теперь там нет, и вытаскиваю записку Тома.

Ночь. Над головой звездное небо и огромная, предательская луна, она не дает мне возможности укрыться в траве. Я падаю, прячусь, но меня находят и приходится снова изо всех сил бежать по бесконечно длинному полю. Ноги вязнут в высокой траве, становятся какими-то ватными, мне тяжело их переставлять, я уже совершенно выдохлась, но все равно нужно бежать, бежать. За мной гонятся какие-то люди, я смотрю на их лица, но никого из них не узнаю, я никогда раньше их не видела и не знаю, зачем они за мной бегут. Вот, наконец, спасение, впереди обрыв, а внизу течет река. На мгновение я замираю, потому что с обрыва открывается потрясающий вид. Мост через реку подсвечен и в воде отражаются разноцветные блески подсветки, и необыкновенно яркий свет звезд и луны. Но надо бежать, меня настигают, останавливаться нельзя я прыгаю в воду, лечу вниз и уже перед тем как в погрузиться в воду понимаю, что это не вода, это течет расплавленный металл, и именно поэтому он так красиво и переливается всеми цветами радуги. Я зависаю в воздухе над этой металлической рекой и зажмуриваю

глаза, от ужаса, выхода нет, или я сейчас упаду в этот жидкий металл или меня поймают. Я чувствую, как меня уже настигают, кто-то трогает меня за плечо и зовет по имени. Все это конец. Я поднимаю голову, открываю глаза и просыпаюсь. Вокруг темно, рядом со мной спит какой-то мужчина. «Кто это?» В темноте я не могу рассмотреть его лицо. «Где я?» Я пытаюсь отделить сон от реальности, судорожно протираю глаза, но все равно не понимаю, где я нахожусь.

- Нина, окликает меня тихий женский голос. Я всматриваюсь в темноту, туда, откуда звучит этот голос и вижу девушку, одетую как стюардесса. Реальность возвращается. Самолет, я в самолете и лечу домой.

- Вы Нина, вы летите в Санкт-Петербург и у вас пересадка во Франкфурте? - спрашивает она меня.

-Да, - я послушно киваю головой.

-У вас есть немецкая виза? - продолжает она?

-Нет. - я начинаю понимать, что меня поджидает очередной сюрприз.

-У вас будет очень маленькое время на пересадку, около пятнадцати минут, вы не могли бы, взять ручную кладь и пойти со мной?

-Да, я снова киваю головой и начинаю перелезть через спящего рядом со мной мужика. Главное

ничего не забыть.

Меня отводят бизнес класс, здесь тоже все еще спят. Меня и еще одного пассажира сажают рядом с выходом. Стюардесса объясняет нам, что самолет немного задерживается, и опоздает, поэтому нас отвезут прямо к другому самолету. Она просит наши документы и посадочные талоны. Мы отдаем ей паспорта, с вложенными в них посадочными, она забирает их и уходит.

- Во фашисты, вечно что то накусают, а нам потом расхлебывай!- говорит мой новый сосед неожиданно громко и по-русски. Я вздрагиваю.

-Кстати меня Вова зовут, - продолжает так же громко мой сосед, - а тебя?

Я прижимаю палец к губам и показываю на спящих вокруг нас людей. Вова недоуменно пожимает плечами и разваливается в кресле.

-Вот нет, чтобы сразу сюда посадили, ворчит он себе под нос, и через какое-то время уже издает ровный могучий храп.

Иллюминаторы закрыты, я сижу на кресле ближе к проходу, и мне его не открыть. Я смотрю вперед. Дверь в кабину пилотов открыта, стюардесса разносит пилотам кофе и какую-то еду. Но впереди тоже ничего не видно, на лобовом стекле отражается приборная доска. Любуюсь огоньками на стекле и погружаюсь в свои невеселые мысли.

Зачем он это сделал, думаю я о Томе, пытаюсь найти хотя бы какое-то рациональное зерно в его поведении. «Скучно ему». Го-

ворит мой внутренний голос «У него все есть, деньги, дом, он облизан и залюблен со всех сторон, ему не о чем беспокоиться, ему даже о потере работы не нужно переживать, он акционер и совладелец группы компаний. А душа хочет трудиться. Тебя же учили в школе, что душа обязана трудиться, его наверное тоже учили, не даром он про Достоевского что-то говорил, вот он и трудится, создает себе повод пострадать. Теперь у него есть настоящая тема для страданий – я ее люблю, а она уехала в Россию. Посмотрите на меня, как я страдаю. Круто же» Ну а если я там умру? – пытаюсь я спорить с внутренним голосом. «Умрешь – так это еще и лучше, мертвых то любить легче, они ничего не просят, ничего делать для них не надо, да и страдать по ним проще – диван, кальян и танец теней из «Баядерки»». А Виталик? - спрашиваю я, но тут же запрещаю себе про это думать. Слишком страшной мне кажется эта правда.

Вскоре мой нос улавливает запах еды. В экономе классе уже разносят завтрак, но здесь еще тихо и темно. Видя, что я не сплю, стюардесса приносит мне завтрак. Есть совершенно не хочется, прошу кофе. Кофе все такой же отвратный, выливаю в него два пакета сливок и высыпаю четыре пакетика сахара, но все равно он горчит на вкус. Вспоминаю, какой у нас замечательный кофе на работе. Воспоминания снова загоняют меня в тоску. Наконец начинают будить и бизнес класс. Хотя

еще не объявили о том, что мы снижаемся, я чувствую, как самолет начинает терять высоту. Пилоты выключают освещение в кабине и сквозь лобовое стекло виднеются огоньки городов. Я подвигаюсь поближе к проходу, чтобы лучше видеть, но стюардесса закрывает дверь в кабину пилотов.

Мы во Франкфурте. Шасси стучаются о посадочную полосу, и двигатели включаются в реверсный режим. Нас с Вовой выводят из самолета первыми, мы ждем, пока снимут наши чемоданы и садимся на электромобиль, который быстро мчит нас по летному полю. Наш рейс ждет только нас, стюардесса отдает наши паспорта, и мы садимся в самолет.

Самолет в Питер почти пустой. Пока я укладываю коробки с Лего в багажное отделение над своим креслом, Вова оглядывает меня критическим взглядом:

-А ты ничего, - говорит он, осматривая меня начиная с ног, у тебя мужик то есть?

Я поворачиваюсь к Вове, молчу, улыбаюсь и занимаю место у окна.

-У меня конечно лучше была, да я вот от нее ушел, достала она меня своими скандалами. Поеду в Питер, у меня там сестра живет в Купчино, ты знаешь где Купчино? Это где Бухаресткая, Будапештская, ну вообще где-то там. Ты сама то Питерская?

- Да, - киваю головой. У меня нет никакого желания с ним ни о чем говорить, но он своим грузным, стокиллограмовым

телом закрыл мне все пути к бегству. И я молча слушаю, не возражая, ожидая когда он наконец выговорится и замолчит.

- А в Америке что делала? Мужика себе искала? Интеллигентика небось! И чего вы все так любите этих интеллигентов, ну да разве они мужики, они ж и сделать ничего не могут. Я тут одному профессору туалет чинил, этот дурак не мог даже гайку поменять, я знаешь сколько с него взял? Пусть платит, раз он профессор. Нет ну ты подумай, ну какой же он умный, если не может даже в унитазе гайку поменять? А вот еще один,... - Вову понесло. - Я в Америке, десять лет был, кем я только не работал, я все умею делать, я на бензопиле работал, и сантехником работал, вот кто тебе дома сможет кран починить? А я могу! - Я уже не слушаю этот поток сознания, я думаю о том, что если у меня хватит денег купить квартиру, то уж на краны, которые не надо чинить я тоже денег наберу. Но Вова уже вошел в раж и не останавливается. Он говорит, говорит без конца. Наконец нам приносят еду, и Вова на время замолкает.

- Слушай, тебя как зовут,- говорит он стюардессе с набитым ртом, пытаясь поймать ее за ногу. Стюардесса ловко отскакивает, и Вовина рука беспомощно падает в проход.

- Я битте? - спрашивает очаровательное, белокурое, длинноногое создание мило улыбаясь.

- Слушай, ты по ихнему шпрехаешь, спроси ее как ее зовут, - говорит он обращаясь ко мне и запихи-

вая в рот остатки омлета.

- Ай ам ссори, - говорю я девушке и передаю, что Вова хочет с ней познакомиться. Стюардесса улыбается и показывает бирку с именем, приколотую к кофточке.

- Ха-на, по слогам читает Вова, ну это же Аня по-нашему.

- Анечка, - говорит он стюардессе по-русски, - принеси нам с - он оборачивается в мою сторону и понимает, что не знает, как меня зовут. Принеси нам что-нибудь выпить, а то...

Стюардесса улыбается, бросает:

- Айне моменте битте - и уходит. Вместо нее приходит уже другая. Это уже не юная белокурая красавица, а женщина средних лет, среднего телосложения и понятно, что она не будет отпрыгивать от Вовиных объятий и вполне может за себя постоять.

- Что вы хотите, - спрашивает она по-русски.

- Нам бы выпить чего - нибудь, - говорит Вова.

- Чай кофе, сок, кола, пиво - перечисляет стюардесса.

- Не нам бы водочки. Маленькую. Он показывает размер между мизинцем и большим пальцем руки.

- К сожалению, водки нет, есть виски, но только в бизнес классе.

Вова встает и слегка ее приобнимает.

- Тебя как зовут? Меня Вова зовут. Вот послушай. Он уводит ее на несколько шагов в сторону выхода.

- Я это виски, это ж хуже нашей самогонки, ты пойми, я десять лет в России не был...

Я рада, что Вова ушел и я не слышу о чем он говорит. Я ковыряю вилкой в омлете, пытаюсь выковырять из него кусочки колбасы, и размышляю на тему, почему у немцев такая любовь к яйцам. Возвращается очаровательная Хана и предлагает кофе. Кофе очень хочется, но этого кофе, нет не хочется, спасибо не хочу, можно чаю? С лимоном конечно, спасибо.

- Данке шон! - девушка стремительно проскакивает передние ряды, где расположился Вова с другой стюардессой. У них похоже все в порядке. Вова сидит ко мне спиной, и его лица я не вижу, а стюардесса сидит ко мне в пол оборота, и я вижу ее счастливые выражения лица, она вся покраснелась и загадочно улыбается.

Я смотрю вниз, в иллюминатор на ровные квадратики земли и думаю это еще Германия или уже Польша. Мне почему то ясно, что это не Россия, нет у нас таких квадратиков да и быть не может. Но вскоре квадратики пропадают в сплошной облачности. Какое-то время мы летим на встречу солнцу, и я люблюсь блестящими под солнечными лучами облаками, затем самолет немного меняет курс и солнце начинает светить мне в лицо, я закрываю шторку и пробую уснуть.

- Да кстати,- Вова плюхается на свое место,- ты где живешь, - давай вместе такси закажем, а то у меня русских денег нет - выдает он свое коммерческое предложение.

- Меня будут встречать, - заявляю я самоуве-

ренно, хотя совершенно никакой уверенности, что меня встретят, у меня нет. Но везти Вову в Купчино на такси я не хочу.

-А тебя что мужик здесь? – удивленно спрашивает Вова.

-Да, - отвечаю я, не желая вдаваться ни в какие подробности.

- А что ты в Америке делала? - недоумевает он.

-Работала, - спокойно отвечаю я.

-Работала? – Вова искренне удивлен

- Это этой, как ее там, аейпаер, с детьми что ли сидела?- продолжает он меня настойчиво допрашивать.

- Нет, не с детьми - мне не хочется ничего ему говорить, и я хочу, чтобы он отстал.

-Да что ты прям как китаец какой то – Вова надулся и покраснел, он просто вне себя от негодования,

- Ты что нормально сказать не можешь, почему из тебя нужно все клещами вытаскивать?

-Я работала на компьютере, программы писала - он меня уже достал, но я понимаю, что сбежать в самолете мне от него некуда.

-А ты в компьютерах шарить! Так за это сумасшедшие бабки платят.

У Вовы загораются глаза:

- Случай у меня друган есть, он как раз этим занимается, хочешь я тебя с ним познакомлю, ему позарез компьютерщики нужны.

- Нет спасибо, не надо, у меня все есть и работа тоже

Я уже не знаю как от него отделаться, и смотрю

по сторонам в надежде на спасение.

- Дай мне свой телефон,

Вова шарит по карманам, находит ручку, отрывает клочок бумаги от какого-то журнала, который лежит в кармане кресла и готовится записать номер.

-Нет у меня телефона, - я судорожно думаю, что бы такое поправдоподобнее соврать, - я буду квартиру покупать, - машинально произношу я.

Вова задумывается, и царапает телефон.

-Вот. Позвони, завтра, нет завтра лучше не надо, лучше послезавтра. Послезавтра обязательно позвони! У меня такой друган есть, ему во как (Вова проводит ладонью по горлу) компьютерщики нужны.

Я беру огрызок бумажки, кладу в карман. Наконец приходит мое спасение - загорается табло «пристегните ремни». Самолет ныряет сквозь облака, и в иллюминаторе появляются до боли знакомые очертания родного города. «Ну вот, я вернулась, в мой город, знакомый до слез», - выплывает из памяти. «Гуд бай Америка...».

Выхожу из здания аэропорта и попадаю в объятия Виталика. Боже как хорошо, я дома, я вернулась, я снова рядом с любимыми людьми. Тревоги и переживания разом уходят в небытие, меня захватывает волна простого человеческого счастья. Теперь все будет хорошо. Виталик тоже счастлив, он скучал, он не может разжать руки. Мы садимся в его машину. При виде своего автомобиля, настроение у Виталика пор-

тится. Он начинает жаловаться, но то, что машина совершенно сгнила, и он постоянно ее ремонтирует. Но раздираемый между двумя желаниями жаловаться и хвастаться одновременно, он тут же переходит к хорошим новостям. Он поменял работу, его пригласили на должность начальника управления в другой банк. Он, вздохнув, рассказывает о новой работе. Я спрашиваю, почему ж он тогда машину не поменяет, вроде бы не солидно на такой машине ездить начальнику управления. Выясняется, что денег пока платят не очень много, на новую машину не хватает. Мы приезжаем в дом моей подруги, где я жила до отъезда. Я распаковываю вещи и дарю Виталику подарок – электронный переводчик - записную книжку. Он в восторге от подарка, долго не может в него наиграться, наконец, убирает его в карман куртки, и я получаю свою порцию благодарности в виде объятий и поцелуев. Теперь моя очередь рассказывать, но я вместо этого делюсь своими планами, я предлагаю ему продать свою однушку, я добавлю денег, и мы купим нам квартиру в центре, машину и сделаем ремонт. И будем жить не хуже чем люди в Америке. Он молчит.

- Я так не поступлю, - говорит он после затянувшегося молчания.

-Почему? – мне очень хочется услышать его доводы, увидеть хоть какую-то логику в том, что между нами происходит уже не первый год.

-Тебе этого не по-

нять – он явно не расположен, что либо, мне объяснить.

-А ты сам, это понимаешь? – мне хочется получить хоть какие-то объяснения происходящему.

-Почему ты вечно все портишь? Все было так хорошо! Зачем нужно было заводить этот разговор? – он расстроен, он с трудом сдерживает слезы, но я не унимаюсь.

- Потому что мне 37 лет, у меня нет ни дома, ни семьи, ни машины, я устала скитаться. Я живой человек и я так больше не могу!

-А я тут причем? – он искренне удивлен – почему ты от меня, что-то требуешь?

-А с кого я должна требовать? – здесь уже я не понимаю.

-С бывшего мужа, с родителей, сама заработай, ну или – он на несколько секунд задумывается - найди себе кого-нибудь с деньгами.

-Виталик, а ты в качестве кого себя ощущаешь в этой ситуации, когда я кого-нибудь себе найду с деньгами? Друга семьи, коллеги по работе? Как ты видишь наши с тобой дальнейшие отношения в этом случае?

Он сидит молча, обхватив голову руками и смотрит в пол.

-Мне нужно идти, - говорит он после затянувшейся паузы.

- Иди, - я уже знаю эти игры, и они мне надоели.

Он встает, подходит к дверям, я продолжаю сидеть на месте. Он какое-то время смотрит в мою сторону молча, затем говорит:

-Нам нужно расстаться. Мне все это надоело. У нас каждый раз происходит одно и то же – сначала все хорошо, а потом ты все портишь.- он ждет. Я знаю чего он ждет, того что я подбегу, заплачу, повисну у него на шее, и начну его умолять. Но я молчу.

-Я больше не приеду, - продолжает он, мы больше не увидимся, - говорит он громче, но я все равно молчу и не двигаюсь с места. Но Виталик не уходит и продолжает:

-Ты слышишь меня? Я тебя не люблю. У меня остыли чувства, и я не хочу больше с тобой встречаться. Я за эти четыре с половиной, даже больше, почти пять месяцев, ни разу о тебе не вспомнил.

-Да я слышу, иди уже – я продолжаю сидеть на диване. «Ты бы еще дни посчитал», думаю я про себя, хотя наверняка ведь посчитал. «Остывшие чувства» тоже вызывают у меня язвительную улыбку, но я никак не комментирую весь этот бред. Слышно как он закрывает дверь, как долго стоит на площадке не вызывая лифт, как наконец кабинка начинает двигаться сначала вверх, а затем вниз. Я подхожу к окну, и вижу, как он садиться в машину, но никуда не едет. У меня в горле застревает воздух. «Господи ну за что!?!». Я всхлипываю, но заплакать не могу. Просто стою, прижавшись лбом к стеклу, и смотрю вниз на его машину.

За спиной раздается крик:

-Мамочка, ты привезла мне Лего!- у меня на шее висит мой сын – маму-

лик, спасибочки, как много наборчиков!

Я прижимаю к себе сына, улыбаюсь и думаю: «ну вот, есть мужчина, который будет любить меня всегда. Ну, хотя бы до тех пор, пока я буду покупать ему Лего.»

11 сентября.

Вечер. Я иду с работы пешком. В кармане жужжит телефон. Звонит Ленка, я на Невском, вокруг полно машин и очень шумно и я ничего не слышу из того что она говорит, сворачиваю на Садовую, ее все еще ремонтируют и здесь не так шумно. Ленка говорит взволнованным голосом. Спрашивает, слушала ли я новости, я отвечаю отрицательно. Она вкратце рассказывает, что произошло. Мне, сказанное, кажется какой-то журналисткой уткой, и я высказываю ей свои сомнения. Посмотрю телевизор, говорит она, уже крича мне в трубку, там показывают, как рушатся башни. Я прохожу мимо Апраксина, в витрине стоит телевизор, а внутри толпится много народа. Захожу внутрь, идет программа «новости», показывают падающие в Нью-Йорке небоскребы. Замираю перед экраном. У меня ощущение полной причастности к происходящему. Я физически ощущаю себя частью всего этого хаоса, и чувствую эту панику, безысходность. Мне кажется, что я тоже там, я дышу этой пылью и гарью и вот оно это чувство, уходящей из-под ног почвы – я тоже вместе со всеми падаю с высоты сотого этажа вниз. Мне совершенно нечем дышать, у меня темнеет в глазах, и я хва-

таюсь за стену и начинаю, как рыба хватать ртом воздух. Я перестаю видеть. Я моргаю глазами как филин, но передо мной сплошная темнота. Постепенно начинают появляться звуки и конторы предметов, и я слышу голос, который звучит совсем рядом со мной «женщине плохо, выведите ее на воздух». Воздух, мне нужен воздух. Я кидаюсь к дверям и выбегаю на улицу в состоянии полнейшего ужаса. Я жадно и тяжело дышу, словно кто-то сейчас лишит меня этой возможности. Постепенно зрение возвращается. Но я вся еще покрыта испариной и боюсь двигаться. Я чувствую, как кто-то берет меня за плечо и отводит в сторону.

-Я знаю милая, что случилось, твой друг тебя бросил, уехал в дальние края. Хочешь, красавица, я тебе погадаю. Я всю правду расскажу, что было, что будет, ни разу ни совру, все как на духу.

Я поднимаю глаза. Передо мной стоит цыганка и с жалостью смотрит мне в лицо. «О да!», идея послушать еще версию цыганки о том, «что было» возвращает меня к жизни. «Я порой собственным воспоминаниям с трудом верю», иронирую я просебя. Цыганка, видя мою нерешительность, тянет меня в подворотню, но я вырываю руку и говорю:

- Хочешь, я тебе сама погадаю?

На мгновение цыганка теряет дар речи. Ее глаза становятся огромными и смотрят на меня с изумлением. Но она быстро приходит в себя и отталкивает меня со словами:

- Во шмардовка!

И быстрым шагом уходит проч.

В кармане несколько раз жужжат смски. Засовываю руку в карман, чтобы достать телефон, но рука нащупывает какие-то бумажки. Это телефон Вовы и

письмо от Тома, бумажку с телефоном Вовы сразу выбрасываю, а письмо Тома, наконец, разворачиваю и читаю.

«Нина, ты излишне драматизируешь все происходящее. Ни у меня, ни кого из руководства нет к тебе никаких претензий, все, что произошло просто часть бизнеса. Я очень сожалею о том, что это создало тебе какие-то проблемы. Надеюсь, что это не повлияет на наши с тобой личные взаимоотношения. Я бы хотел завтра тебя увидеть, позвони мне. Том»

Я перечитываю текст несколько раз. Я не могу понять что это: цинизм, глупость, пошлость? Интересно, он сегодня там был, в этих башнях? И тем, кто погибал в этих башнях, тоже сказали, что они, это всего лишь часть бизнеса и не нужно все излишне драматизировать?

Автор: Нина Охард

Паразиты

Вторжение инопланетян — это форсмажор государственного или даже всемирного масштаба. Я должна сообщить об этом в ФСБ, пусть займутся профессионалы. Но прямо сейчас я сделать этого не могу, у меня слишком мало доказательств. Ситуация осложняется тем, что инопланетяне оказались не какими-нибудь зелеными человечками или чудищами с щупальцами, а они бесплотны.

Телесные твари рано или поздно выдали бы себя сами, но доказать существование сгустка информации, имеющего слой умысел, задача нетривиальная. Доказательства нужно найти, и сделать это необходимо как можно быстрее.

У меня была небольшая зацепка. Волна, которую я почувствовала, когда паразит подбирался к ишину Я — она была осязательной, как будто более плот-

ный воздух, как будто поле с редкими совсем слабыми электрическими уколами. Она прошла сквозь мое тело, я ее почувствовала изнутри. Мой план был таков: для начала научиться распознавать приближение паразита. Потом уже решу, что делать с этим дальше.

Я стала регулярно медитировать дома в одиночестве. Гуру как раз был в отъезде, и в наших занятиях образовался перерыв.

Хороший повод чтобы практиковать индивидуальный подход. Объектом своих медитаций я сделала наблюдение за пространством. Я "смотрела" сквозь призму Ид в окружающее пространство, и таким образом должна была улавливать любое колебание пространства, мнимое или реальное. Отрабатыв свою новую технику, я стала потихоньку включать ее в жизни. Когда техника отработана, нужный режим подключаешь без особых усилий, не обязательно при этом полчаса сидеть истуканом.

И знаете, я не хочу никого пугать, но я стала замечать эманации паразитов относительно часто. Не каждый день, но около десятка раз за те несколько недель, которые я проводила эти наблюдения. Как правило, паразит заводится в воздухе над некоторым скоплением людей, занимая выжидательную позицию. В какой-то момент резко начинается движение — та самая волна. Зависшим его засечь почти невозможно, как правило, я идентифицировала присутствие паразита как раз по этой волне — пронесшемуся сквозь тело уплотненному полю со слабыми коликами. Я не могу точно сказать, что раз прошла волна, то паразит обязательно в кого-то вселился. Я думаю, этот процесс для них не такой уж простой. Иначе меня бы они просто нейтрализовали сразу, без всяких предварительных угроз. Поэтому не нужно паниковать раньше времени. Я уже писала о том, что наше бессознательное постоянно делает

слежки Я, своеобразный бекап личности. Это обеспечивает довольно надежную пропускную систему безопасности. Для того, чтобы паразиту подселиться в ваш Ид, нужно, чтобы в системе безопасности была довольно серьезная брешь. Брешь может возникнуть в результате обезволивания, размывания границ, ослабления Я. Причем эта деградация должна иметь более-менее перманентный характер. То есть, если вы, например, напились в хлам один раз, то паразит возможно и займет на время ваше пространство, но удержаться ему будет сложно. Когда свое Я вернется, вся иммунная система Ид встанет на защиту полноправного хозяина, включившись в войну с чужаком. А вот если вы утративший адекватность алкоголик, все время либо пьяный либо в поиске гадуса, то инопланетному разуму будет гораздо реальнее вытеснить вас. Несомненно, в планах у инопланетян со временем вытеснить все человечество с лица Земли, поэтому их методы будут постоянно совершенствоваться и вероятность вторжения лично для каждого будет возрастать в геометрической прогрессии. Но пока опасность еще не столь критична. И это дает надежды, что еще не поздно дать отпор.

С доказательствами все еще было туго, а время шло. Я решила написать обращение в приемную ФСБ, вложив в изложение как можно больше логических обоснований. Пусть нет прямых доказательств, но есть же косвенные. На-

писание официальных писем в столь высокие инстанции — не мой конек. Получилось коряво и возможно неубедительно, но это лучшее, что я смогла сформулировать.

Обращение в приемную ФСБ.

Тема: Внимание! Готовится вторжение!

Здравствуйте. В этом письме я намереваюсь сообщить о готовящемся вторжении. Прошу не классифицировать это письмо как хулиганство или бред. Это действительно серьезно.

Над нашим государством и над всем миром нависла опасность вторжения инопланетного разума. Я догадалась об этом случайно, и когда начала ближе подбираться к правде, получила сообщение от инопланетян о готовящемся вторжении. Письмо прикрепляю во вложении. Как следует из сего сообщения, инопланетные сущности имеют намерение вселяться в человеческие оболочки, таким образом они собираются вытеснить человечество полностью. Мне удалось разработать методику распознавания присутствия инопланетного разума и я готова о ней рассказать и при необходимости провести обучение. Так же считаю необходимым запустить разработку оборудования, способного распознавать и нейтрализовать инопланетян. Со своей стороны готова оказать любое необходимое содействие.

Далее я указала все свои данные и контакты. Мне пришлось автоматическое уведомление с номером обращения, и стала

ждать обратную связь. На следующий день обратная связь пришла, но не от ФСБ.

На почту пришло письмо с темой: "ОТКРОЙ!". Адрес отправителя, естественно, скрыт. Я уже знала, от кого это письмо. Ладони покрылись холодным потом, в глазах помутнело. Я занесла правую руку над мышкой, но так и не могла нажать на кнопку. Казалось, пока я не открою письмо, его пока что не существует. Когда я наконец открыла сообщение, то прочла следующее:

МАЙЯ. МЫ ЗАМЕТИЛИ ЧТО ТЫ НЕ ПОДЧИНИЛАСЬ НАШИМ УКАЗАНИЯМ. ТЫ ПРОДОЛЖАЕШЬ ПРЕПЯТСТВОВАТЬ НАМ И ПРЕДСТАВЛЯЕШЬ УГРОЗУ НАМ. НАПОМИНАЕМ ЧТО МЫ ВЫСШИЕ СУЩЕСТВА. ТЫ СКОТИНА А МЫ СКОТОВОДЫ. ВЫРАЖАЯСЬ ТВОИМИ АНАЛОГИЯМИ ХА ХА. ПОЭТОМУ ЕЩЕ РАЗ НАСТОЯТЕЛЬНО ТРЕБУЕМ НЕ МЕШАТЬ НАМ. СМИРИСЬ СО СВОИМ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕМ. ТАК БУДЕТ ЛУЧШЕ ДЛЯ ВСЕХ. ИНАЧЕ БУДЕТ ХУЖЕ ТЕБЕ. И НЕ ТОЛЬКО ТЕБЕ.

БЕЗ УВАЖЕНИЯ
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ РАЗУМ
ВЫСШИХ СУЩЕСТВ.

Ого, какая честь, однако. Центральный разум. Ну по крайней мере, я теперь имею более подробное представление о врагах. У них оказывается, имеется централизованная структура. Есть разум центральный, есть, видимо, периферия. Удручает, что они продолжают читать мои мысли. И так ненавязчиво на

это намекают. Легко ли мне будет бороться с врагом, который знает мои шаги наперед? Очевидно, нет.

Я в срочном порядке отправила новую информацию в дополнение к своему обращению в приемную ФСБ, пометив сообщение, как очень важное. По идее, должны ответить в кратчайшие сроки. Если мне хотя бы на один процент поверили.

Через два дня я получила оповещение, что мне отказано в рассмотрении моего обращения в связи с тем, что предоставленная мной информация не нашла подтверждения. Мне не поверили и отправили мое обращение в корзину. Набравшись решимости, я позвонила на горячую линию. Назвала оператору номер обращения и попросила разъяснений. Мне показалось, что на том конце прыснули. Потом на несколько мгновений в трубке воцарилась тишина, будто нажали кнопку mute. После короткого ожидания мне ответили:

— Изложенная вами информация не нашла подтверждения. К сожалению, ваше обращение не подлежит дальнейшей обработке.

— Данное решение нужно пересмотреть. Обязательно! Поискать подтверждения еще раз!

На том конце похоже замялись. Потом продолжили:

— Изложенная вами информация не нашла подтверждения. К сожалению, ваше обращение не подлежит дальнейшей обработке.

— Девушка! Это очень серьезно! Прошу вас, передайте обращение вы-

ше, пусть разберутся профессионалы.

Мне показалось, там опять прыснули.

— К сожалению, ваше обращение не подлежит дальнейшей обработке.

Вот заладила. Как заезженная пластинка.

— Не решайте судьбу человечества вот так...

На этот раз несколько секунд была тишина, после чего в трубке раздались короткие гудки. Отлично, мне просто не поверили. Я повторила набор, ответила тот же оператор. Мне показалось, она удрученно вздохнула.

— Соедините меня, пожалуйста с руководством. По поводу моего обращения, это серьезно.

— Хорошо. Ожидайте на линии, я уточню, что можно сделать, — ответили на том конце. Зазвучала монотонная музыка. Ну наконец-то меня, кажется, поняли. Через несколько минут девушка появилась снова:

— Мы пришем к вам кого-нибудь для выяснения. Вы находитесь сейчас по тому адресу, который указывали в обращении?

— Нет. Но могу быть там через час. Я выезжаю, спасибо вам, — я говорила, на ходу выключая рабочий компьютер, хватая сумку, спотыкаясь, покидая кубикл, натягивая куртку.

— Ждите, к вам подъедут. До свидания.

— До свидания! — я говорила, выбегая в коридор, пытаясь втиснуться во второй рукав.

Коллеги поворачивали мне вслед свои вытянутые лица, потом отворачивались и шептались, но мне

было плевать. В коридоре я столкнулась с начальником. Вот черт...

— Ты куда? — задал он резонный вопрос.

— Форсмажор... очень надо. Сегодня не вернусь. Объясню все потом.

Видимо, вид мой был настолько форсмажорный, что начальник больше ничего не спрашивал.

— Хорошо, иди, — пробормотал он, неуклюже пятясь, чтобы пропустить меня.

Я мчалась домой. Я двигалась, как в замедленной съемке, как во сне, в котором ноги увязают в воздухе и не получается бежать. Даже ожидание лифта мне показалось целой вечностью. Через пятнадцать минут после моего прихода домой, проведенных в нервном марше по квартире, в дверь позвонили. На пороге стояли двое полицейских. Я пригласила их зайти и обосноваться на кухне. Один из них выложил на стол папку для протоколов и начал разговор:

— Это вы отправили обращение в приемную ФСБ, где сообщили о готовящемся вторжении?

— Да! Это я.

Второй полицейский принялся делать записи в папке.

— Вы понимаете, что ваше обращение может быть истолковано как заведомо ложное сообщение о теракте?

— Что?! — я подскочила с табурета.

— Мы навели справки. На учете в психиатрическом диспансере вы не состоите. Это так?

— Конечно, не состою. При чем тут это?

— Скажите... Майя, для чего вы написали данное обращение?

— Чтобы предупредить. Да как зачем? Вы бы не так поступили на моем месте?

— С трудом представляю себя на вашем месте. Но речь не обо мне. Как считаете, что следует делать с вами?

— Пусть решат люди, которые займутся проблемой. Я готова оказать любое содействие, которое от меня потребуется.

— Ну вот и отлично. Хорошо, что вы готовы к кооперации. Мне, если честно, вы очень симпатичны. Как человек..., — он запнулся, упершись взглядом в стол. Затем продолжил вновь тоном, подходящим официальному лицу, — поэтому давайте забудем про ложное сообщение о теракте, а будем считать, что вы просто слегка похулиганили.

— Похулиганила? О чем вы? И в мыслях не было хулиганить.

— Майя, вы сейчас все только портите. Лучше просто помолчите. Иначе хуже будет вам.

В голове сразу всплыло последнее письмо от инопланетян. "ИНАЧЕ ХУЖЕ БУДЕТ ТЕБЕ" — так написали Они. А сейчас вот этот полицейский практически цитирует то письмо. И что он имел в виду этим "симпатичны как человек"? Кажется, мне все стало ясно. У Них все схвачено. И этот полицейский, скорее всего, уже не человек. Мне действительно

лучше сейчас помолчать.

— Я поняла, — покорно согласилась я.

Полицейский достал какие-то бланки, почиркал ручкой, оторвал бумажку и протянул мне.

— Вот, возьмите. Это квитанция на штраф за мелкое хулиганство. Увы, это наименьшая мера, которую к вам возможно применить. Оплатите в сберкассе или через любой банк, как вам будет удобнее. И больше так не шутите. Мы не сможем вас так выгородить в следующий раз.

Я понуро приняла квитанцию из рук инопланетянина, выдающего себя за стража земного порядка. Проводила гостей на выход. После их ухода я безвольной тушей сползла на пол у стены, и долго рыдала, думая о том, что мой мир, наш общий мир, рушится, его просто отбирают у нас прямо из под носа. А я ничего не могу сделать, а другие просто этого не видят. Осознание собственного бессилия пульсирующей болью заполнило каждую клеточку моего организма. Я так и сидела, рыдая, долгие часы, пока нервное напряжение не трансформировалось в сонливость. Я кое-как доползла до дивана, и прямо в одежде уснула до самого утра. Всю ночь мне снились мутные кошмары про то, что инопланетный разум пытается пробить брешь в моем бессознательном и занять мою оболочку.

Автор: Волкова Елена

Лава-кейк

— Все, все, дорогуша, нам пора, — я тянула Чарли за рукав, приближая его на несколько сантиметров к выходу.

— Детка, нет... стой, — он то и дело складывался пополам, а его глаза открывались попеременно, — давай еще часик посидим, я так давно не видел Билла, а уж Дейва и Джоуи с девятого класса и во все не встречал...

— Пожалуйста! — я тяжело вздохнула и встала в позу, умоляюще посмотрев на Чарли, но тот лишь сдвинул брови и по утиному надул губки.

Терпеть не могу пьяных людей! Я оставила его в покое и демонстративно села, опершись на локти и недовольно потягивая свой коктейль. Друзья Рейя все как один начали повторять:

— Да ты что!! Так хорошо сидим!! Не надо никому никуда идти!! Все будет тип-топ!

— Вы как хотите, а в мои планы не входит проспать весь завтрашний день, сейчас и так уже... — я достала из своего маленького набедренного сумки-кошелька телефон и удивленно подняла брови, — уже.. Шесть?? Да быть этого не может!!

— Ксюшенька, — Чарли лениво запрокинул на меня руку и в упор посмотрел мне в глаза, взяв меня за руку, — я не хочу, чтобы ты уходила! Через пару часиков мы вместе уй-

дем и я стану твоим рабом, детка...

Я резко прервала Чарли, на что стая пацанов вокруг нас издали гнусные хихиканья! Я была не в себе от слов Чарли!

— Что такое? — Чарли посмотрел на меня, и я заметила, что его губы чуть было потянулись ко мне, — Ксюша, я так долго уже этого хочу... — он приблизился ко мне.

— Ты сдурел! — мое лицо наполнялось гневом к нему, и я встала из-за стола, убирая его руки с моих ног. — Ты... ты... Ох! Не звони мне завтра, Чарли! — я сорвалась на крик. — Тебе придется сильно постараться, чтобы я тебя простила!! — после этого я быстрыми шагами пошла на выход, ну а он не стал за мной идти.

Мне было неловко за сегодняшний вечер! Это было ужасно, я надеялась что, то, что сегодня произошло еще долго не должно было случаться! Чарли... Зачем он так, понимаю, он был пьян, но самое ужасное, что нам придется смотреть в глаза друг другу завтра, послезавтра и после-послезавтра! Черт! Я медленно шла, приближаясь к набережной, в одной руке я держала свою шляпу, а в другой — туфли! Почему то крепко держалось ощущение, что мною попользовались... Сама суть, что к тебе грязно пристають, когда кругом ржут пьяные быдло была отвратительна... Я

устало брела, загребая голыми ногами песок... Впервые мне пришлось наблюдать рассвет! Это было удивительно! Небо было похоже на клубничную глазурь, выражаясь моим в данный момент профессиональным языком! Кругом стояла тишина и лишь изредка где-то вдалеке чайки отчаянно кричали что-то. Казалось, что было нереальным поймать этот прекрасный утренний момент, так как с каждой последующей секундой к небу добавлялось все больше оттенков голубого. Меня дважды обогнали девушки в леггинсах и спортивных бюстгалтерах. «Молодцы, неплохо для 7 утра, - проговорила я им вслед». Далее, на обгон пошел мужчина и у меня чуть глаза на лоб не вылезли! Мужчина остановился на песке в пару метров от меня! Вот кого я точно не ожидала увидеть этим ранним утром так это его... Что тут скажешь, Дейв был как всегда на высоте! Спортивная майка, шорты, красные кроссовки. Просто божественно! Я села позади него на небольшой камень, облокотилась на колени и тупо уставилась на его спину. «Жизнь удалась, - смешно подумала я и театрально махнула головой, - а не слишком ли глупо я буду выглядеть когда он обернется? Думаю, что слишком.. сидит дама в миниюбке, в коротенькой черной жилетке и держит в руках

огромную шляпу с пером... Эх, хорошо хоть я додумалась убрать повязку с глаза...». Хотя, все что могло бы сейчас произойти было абсолютно не важно. Я довольно утомилась и понимала, что сама точно не стану ничего предпринимать, а буду лишь сидеть и ловить кайф от красавчика Дейва, от того как низко он наклоняется, отключивая свою филейную часть и как мило подтягивается, опираясь на «цыпочки». «А он и вправду очень даже ничего, пусть даже он не был бы Дейвом Гэаном, - еще раз признала я». Дейв встряхнулся, сделал глубокие выпады левой и правой ногами, потом выправил дыхание и снова побежал. «Красотень!». Я встала и так же растеряно направилась домой, должна же я сегодня наконец поспать.

Когда внезапно зазвонил телефон в шесть часов вечера, я с трудом заставила оторвать свою тяжелую голову от подушки. Звонил Чарли. Бодренько-то он уже проснулся!

— Чарли, я не желаю говорить с тобой! — мгновенно проговорила я ему.

— Я знаю-знаю, я просто хотел убедиться, что с тобой все хорошо, — Чарли говорил медленно и так заботливо, что я тут же сбавила уровень строгости в своем голосе.

— Спасибо...

— Это все...

— До свидания, — я положила трубку, не дожидаясь его ответа.

Спать больше не хотелось... Нет, конечно, при особом желании я могла бы подремать еще часиков пять, но что-то мне подска-

зывало, что тогда я буду похожа на половую тряпку. На Чарли я не то чтобы злилась, скорее я давала ему большое снисхождение за его немалую дозу выпитого вчера, я просто была слегка обижена... «И что это вчера было? — отчетливо и вслух проговорила я и заулыбалась». С этой фразой, я не заметила, как встала и уже стояла в голубой рубашке на голое тело и готовила себе завтрак-ужин из пары ломтиков бекона, яиц и листков салата. Вообще, чувствую, что пора вплотную приступить к попыткам познакомиться с Мартином, а может даже с мистером Гэаном раз уж он оказался в нашем сериальном городишке. Так интересно, может они собрались все вместе, чтобы записать альбом? В Интернете вроде бы ничего нет по этому поводу... наверное, я просто плохо ищу. Я кинула свою яйишенку на тарелку и уехала полуголая на балконе, размышляя: «Так-с, допустим, я могу просто тупо еще раз с ними заговорить, проходя в очередной раз мимо студии... И что? Что я скажу? Снова «Привет» и тупо удалюсь с места происшествия довольная и обескураженная? Нет, надо что-то с зацепкой. А может явиться в студию с какими-нибудь печеньками и сказать им «Салют! Не ваш заказ? А у меня написано что ваш!». А потом они просто скажут «А ну раз так, то спасибо, всего доброго, вот ваши чаевые!». Нет! Ужасно! Карл тоже молчит, даже не хочется его снова напрягать своими разговорами о Мартине. Уффф, не знаю что делать, -

я выдохнула и, взъерошив волосы, отправилась под прохладный расслабляющий душ, пожалуй, сегодня я хочу пахнуть цитрусами».

Будни на работе прошли совершенно тихо и спокойно! Заказов было не особо много. Розы еще не было, а Чарли до сих пор держался от меня подальше, он лишь учтиво прощался и здоровался, а также просил что-нибудь передать ему.

— Не могла бы ты передать мне, пожалуйста, воооон тот порошок, — максимально сдержано произнес он.

— Пудру? Держи!

— Как ты кстати? Все хорошо? — как бы между прочим спросил он.

— Да, все отлично, а ты? — я старалась придерживаться аналогичному поведению, хотя, понимала, что это глупо и иногда нечаянно на моем лице показывалась улыбка.

Окончательно помирились мы с ним лишь в четверг. Странное слово «помирились», ведь мы не ругались... Просто однажды, во время приготовления заготовок на завтрашний день остались с ним на кухне совершенно вдвоем. Мы стояли друг напротив друга и сосредоточено месили тесто, затянулась долгая оглушительно тихая пауза, через которую прорвался мой смешок, на что Чарли ухмыльнулся, а когда со мной это снова повторилось, он не выдержал и засмеялся в ответ!

— Ксюш! Не злись на меня дурака! — он по-доброму смотрел на меня все еще улыбаясь.

— Как же долго тебя

пришлось ждать! Разве похоже что я злюсь?

— Но я думал... — Чарли оставил тесто в покое и обогнул стол, приближаясь ко мне.

— Не надо тебе так много думать! — я коснулась пальцем кончика его носа.

Чарли обтер нос от муки и поджал губу.

— Я тебя обожаю!! — он поднял брови и блаженно запрокинул голову.

— Тааак, только вот этого больше не надо..

— Ахаха, хорошо-хорошо, обещаю, что больше этого не повторится!

В субботу утром мне позвонил Карл! Вау, как неожиданно, полная разных надежд я взяла трубку:

— Алло, Карл, рада слышать тебя!

— Да, привет, Ксюша! Как ты? Давно не виделись!

— Все отлично, вот работаю потихоньку... Как-то неважно себя чувствую сегодня, надеюсь это не простуда...

— Ой, правда? Все так плохо? Тебе нужна моя помощь?

— Нет, Карл, спасибо большое, но нет! Это только мои догадки, думаю это просто накопившаяся усталость и недосыпание!

— Хм, значит, хочешь сказать, что не сможешь завтра провести лучший вечерок в своей жизни?

— Таааак, — я вдруг подскочила и нервно стала ковырять ногтем спинку кровати, — ты что-то не договариваешь...

— Да так, мелочи, всего то хотел пригласить тебя на вечеринку по слу-

чаю предстоящего выхода сингла Депеш Мод, но я думаю, что это не настолько важно, лучше тебе отдохнуть...

— Каааарл, перестань, я тут и так на грани инфаркта!

— Хаха, я так и знал! Так что давай завтра в восемь вечера я за тобой заеду, я буду со своей знакомой - Джессикой.

— Джессикой? Кажется, мы и вправду давно не виделись... — мне показалось уместным не сильно циклиться при нем на Депеш Мод, пусть даже он и сам начал.

— Вот именно, что ты меня забросила!

Все что последовало далее, я как будто прослушала, лишь в конце сказала в ответ:

— Спасибо еще раз, Карл! До завтра, увидимся!

Я тихонько закружилась и легко упала на кровать! Я не верю что это возможно! Они выпускают альбом и завтра я смогу лично их увидеть! Наполняясь мыслями о предстоящем альбоме, меня захватило волной благодарности им за все то прекрасное, что они когда-либо исполняли! Боже, как же все прекрасно! Мартин.. Дейв... Как же я вас обоих люблю! Мне хочется сказать им это, прокричать, чтобы меня слышал весь земной шар!

Семь часов вечера! А я все бегаю по дому с бигудями на голове! Все ли я положила в сумочку? Накрасилась весьма по-вечернему. Открываем шкаф и ступор! Одежда!!! Что надеть? Я так и не придумала, что мне надеть? Что-нибудь вечернее? Или

скромное? А может наоборот вызывающее? А вдруг все гости придут в повседневных майках и шортах? Да нет, же, надев платье, я по-любому буду в теме! Голова раскалывается, я не знаю, что мне надевать! Скоро приедет Карл... Хм, он приедет с некой Джессикой! Вот кто мне сегодня даст урок вечернего маскарада!

С опозданием всего на 10 минут, я услышала как Карл заглушил мотор и через минуту в дверь позвонили. Я набросила на себя халат и выглянула за дверь:

— Карл! — я как безумная схватила его за рукав и затащила в дом. — Что мне надеть???

Карл удивленно молчал и вдруг проговорил:

— У нас не пижамная вечеринка...

— Правда? — подыграла я и снова бросилась в панику. — Скажи, что надеть!!! Как одета Джессика?

— Ксюш, надевай что хочешь, мы не на прием к английской королеве едем...

— Ха, если бы... Как тебе это? — я держала в руках темно-зеленое платье на брительках. — У меня к нему есть зеленые туфли! И еще я могу взять вот это, — я ринулась к комоду, откуда достала белый браслет из натуральных камней и тоненькую цепочку с маленьким кулоном в виде звезды.

— Шикарно, — серьезно посмотрел он, — одевайся и идем.

— Точно пойдет? Ты не ответил что на Джессике?

— На Джесс брюки, каблуки и что-то не то блуз-

ка с короткими руками, не то майка на пуговицах. Ты довольна?

— Да! Я мигом!

В машине я не могла уgomониться.

— Там много будет людей? Все их знакомые? А мне можно будет просто подойти и начать говорить?

— Человек пятнадцать, не думаю, что больше. Ксюш, единственное, что тебе следует иметь ввиду, так это то, что и Дейв, и Мартин и все остальные — обычные люди, такие, как я и ты! Просто не допускай мысли, что они Деш Мод и можешь совершенно обычно вести с ними беседу.

— На какие темы? Ведь если мне их принимать за обычных людей, то я могу далеко зайти...

— Вот и зайди! Не бойся, ребята собрали вечеринку, чтобы просто порадоваться предстоящему выходу сингла! А вот мы и подъезжаем...

Это было как за пару минут до экзамена, когда все что надо было уже сделано и остается лишь сделать еще один шаг и протянуть руку до ручки двери, чтобы увидеть разложенные перед тобой билеты. Сердце забилося, я старалась тихонечко повторять себе: «Спокойно!». Мы вышли из машины и у меня не вовремя зазвонил телефон:

— Чарли, я не могу сейчас говорить! Завтра все тебе расскажу...

Не знаю, кто устраивал вечеринку, наверное, кто-то из рабочего коллектива подсуетился, чтобы нанять обслуживающий персонал и снял особняк прямо на побережье. «Не

более пятнадцать человек говоришь... Этот особняк минимум на пятьдесят!». Мы зашли в открытую дверь, и виновники торжества стояли прямо перед нами с бокалами вина. Я быстро осмотрела комнату, где увидела массу знакомых лиц... Кто-то явно был из помощников над альбомом, я не знала их по имени. Кого-то я просто видела на Фэйсбуке и только догадывалась об их причастности к Деш Мод, так же я увидела Кесслера, Питера Гордено, Алекса Поллока, который так похож на нашего бывшего лаборанта в вузе. Я боялась поднимать глаза на Дейва или на Мартина. Карл близко подошел к ним, пожал руки всем и представил Джессику, я стояла сзади и мне вдруг стало слегка не по себе, что я стою сзади Карла и его девушки, никак не причастная к ритуалу знакомства. Все вежливо поинтересовались друг у друга «Как дела?» и Джессика прошла дальше по комнате, мне наконец открылся обзор. Все втроем Деш Мод смешно уставились на меня, как бы приоткрываясь услышать имя незнакомого им гостя. Карл представил меня, я кивала головой, заменяя тем самым свою вступительную речь. Энди и Дейв одновременно потянули мне руки, получилось смешно, Мартин отреагировал мгновенно, когда их руки столкнулись возле моей! Мы все рассмеялись! Дейв сделал жест аля «я тебе уступаю»! Энди поздоровался со мной! Далее Мартин переглянулся с Дейвом «кто следующий»? Мартин рассмеялся! Я тоже

не выдержала и засмеялась. Черт что происходит? Что за безудержное веселье? Дейв снова очень театрально повторил свой жест, на что Мартин одну руку положил себе на грудь, а вторую подал мне: «Меня зовут Мартин Гор, я очень рад тебя видеть тут!». Я заворожено смотрела ему в глаза, он тоже не отводил глаз, как же я боюсь долгих зрительных контактов, но в этот раз мне почему-то не было неудобно. Не успела я опомниться, как Мартин, наконец, обратил внимание на Дейва, тот прошептал: «Можно мне, да? Вы разрешаете, Мистер Гор?». «Да, конечно, прошу, — Мартин снова рассмеялся и отошел».

— Я Дейв! Приятно познакомится, — моя рука уж было потянулась, чтобы поприветствовать его, но Дейв незаметно перехватил мою руку и дотронулся до нее своими губами. Мне показалось, что это мгновение длится вечно, Дейв хищно посмотрел на меня исподлобья и медленно отстранился.

Мартин поднял брови: «Вот значит как!». Я осталась стоять, не шевелясь, наблюдала, как Дейв не прекращает смотреть на меня. Потом он облизнулся и предложил пройти к бару. Я посмотрела на Мартина с виноватой улыбкой, он же смотрел куда-то позади меня и вдруг я услышала: «Всем привет! Мартин иди ко мне!». Мне стало не по себе, я медленно повернула голову... Девушка улыбалась во весь рот и тянула свои руки к Мартину! Это была Керри! Как же мне в голову не пришло, что она

будет здесь, с ним! Керри была самой яркой персоной на нашем вечере. Но яркое не всегда круто! Такое чувство, что она наугад вытаскивала вещи из шкафа, а потом с завязанными глазами взяла в руки первую попавшуюся помаду! Мне полегчало от мысли, что она и вправду ужасна! Воистину, Аминь! Неужели Мартину действительно нравится проводить время с вульгарно накрашенной искусственной блондинкой с чересчур красными губами и совершенно неуместным обтягивающим платьем с зебровой расцветкой? Я посмотрела вниз... Боже ты мой!! Туфли! Нет, ну это правда слишком, кислотно розовые замшевые туфли, почему нельзя было выбрать их хотя бы под цвет ужасной помады? Я чуть заметно пожала плечами и как ни в чем не бывало, поздоровалась с ней! Она полностью перехватила Мартину, встав ко мне спиной, ну а я пошла к бару, где меня ждал Карл.

— Что будешь - мартини или виски?

— Может сок? А то я боюсь, что не смогу за себя отвечать...

— Да я же сказал - расслабься! Закажу тебе виски...

— Нет, я про то, что если выпью, то пожалуй высмею Керри прямо на глазах у гостей! Просто не смогу промолчать!

— Ахахах, Ксюш, не будь так сурова..

— Не могу! Хочу понять Мартину, но не могу! — я покачала головой.

— Никто не может, вот, держи мартини...

Я все же выпила и

пообщалась с Алексом, я ничего о нем не знала, так что могла действительно спокойно говорить с ним обо все на свете. Потом я поотвечала на вопросы вдруг заинтересовавшегося моей персоной Кесслера! Рассказала ему о своем выборе работать на благо сладкоежек, на что он весьма бурно отреагировал:

— Слушай, ты можешь... Нет... Ты обязана меня угостить!! — он так громко говорил, что рядом стоявшие люди прислушались. — А что? Все любят сладкое! Можно будет тебя просить приготовить что-нибудь эдакое? — Джонатан заговорчески подмигивал и подталкивал меня локтем.

— Конечно, почему нет! — я старалась быть максимально любезна.

За весь вечер я больше ни разу не видела Мартина. Дейв то и дело с кем-то болтал, и я не стала к нему подходить, хотя чувствовала, что теряю время, когда еще мне представится такая возможность? Заиграла медленная музыка и на середину комнаты вышел Карл с Джессикой! Все-таки между ними что-то есть, эх, почему Карл молчал! К ним присоединилась пара Питера с какой-то блондинкой. В комнате как-то стало мало народу и наконец, я увидела Мартину, он сидел за барной стойкой на другом конце бара с Керри, конечно! Я чуть расстроено наклонила голову и отвела от них глаза. Когда я снова подняла голову, то моя улыбка не заставила себя долго ждать. Передо мной предстал сам фронтмен, в руках которого был бокал вина. Нас разделяли

пара метров, он осторожно продвигался ко мне, сосредоточенно склоняя голову над бокалами. Я сделала шаг ему на встречу, как вдруг кто-то из нас немножко не рассчитал скорости и левая рука Дейва пошатнулась. Содержимое бокала выкрасило нас обоих в пурпурный цвет!

— Какой я неловкий! — Дейв поставил бокалы на стол и присел на корточки, стряхивая с моего платья капли вина. Мое состояние трудно было описать! Дейв Гэан сидит передо мной на корточках, а на моем лице снова застывает «?». —

— Дейв, не надо, — я опомнилась и опустилась к нему, — это я виновата, я тебя толкнула, — я улыбалась и не замечала, как убрала его руку со своего платья и до сих пор продолжаю держать ее. — Это так глупо, — Дейв с улыбкой посмотрел на меня и мы оба засмеялись, помогая друг другу встать.

— Знаешь, я вообще не пью уже очень давно, вот решил сделать исключение... Подумал, что разговор пойдет за бокальчиком вина...

— ... думаю, что и за соком пошел бы не плохо, — я развернулась к барной стойке и попросила налить два мандариновых сока.

Наверное, этот разговор с Дейвом оказался самым удивительным явлением за всю мою жизнь. Мое сердце не прекращалось бешено биться, когда он говорил, я ловила себя на мысли что, не всегда слушаю его, а лишь стараюсь держаться, чтобы не свалиться в обморок. Дейв

был таким веселым и живым, мы все же выпили сок с добавлением мартини, и я смогла выговаривать длинные предложения, повествующие о своей жизни. Когда я говорила, Дейв пытался приблизиться поближе, чтобы музыка не мешала ему слушать меня, он внимательно слушал, кивал и комментировал любую мою мысль! Мы выпили три стакана мартини, мне стало весело, и я стала вести себя свободно. Я уже не интересовалась, где Мартин, хотя пару раз заметила, что он дважды прошел мимо нас. Дейва также заинтересовал тот факт, что я кондитер, он обхватил меня за плечи и стал говорить с очень серьезным выражением лица:

— Давай сделаем что-нибудь совместно, — Дейв почувствовал, как я напряглась, и немного ослабил хватку, — что-то легкое, доступное даже мне, но при этом изумительное, восхитительное и очень вкусное... — его дыхание сразило меня наповал, от удовольствия я даже закрывала глаза.

— Я согласна, Дейв, согласна на все! Все что ты скажешь, — прошептала я словно во сне, потом открыла глаза и поняла, что это могло прозвучать довольно эротично, что немного не соответствует тематике наших «отношений», несмотря на то, что это сам вокалист Деш Мод.

— И обязательно шоколадное, да-да, обязательно, много шоколада, — он продолжал напирать и мне показалось, что у него тоже закрыты глаза. Его щетина немного царапала

мне лицо, но меня не сколько это не смущало, даже наоборот, добавляло пикантности его прикосновениям. Я открыла глаза лишь, когда Дейв сам остановился и залпом опустошил бокал, потом он снова обнял меня за плечи, вынуждая встать и пойти за ним через комнату к выходу. По пути нас остановил Гэри, с ним группа недавно познакомилась, он сутками сидел с Мартином и записывал его идеи пока, тот игрался с новыми установками. Гэри хотел остановить Дейва, начиная говорить о каких-то общих знакомых, что, мол кто-то хочет внести интересную задумку в пиар-компанию на этот год.

— Давай завтра, в студии... Я сейчас ничегошеньки не соображаю! Все! Давай, — Дейв похлопал его по спине и стал продвигаться дальше к выходу, у двери Дейв крутанулся на одной ноге и развернулся, громко крикнув «Всем доброй ночи!». Откуда-то появились желающие лично попрощаться с Гэаном. Я стояла от него в сторонке и когда тот закончил, я помахала ребятам, на что снова каждый стал протягивать мне руку. Дейв прыжками выбежал на улицу и, изображая из себя готовую к бою обезьянку, стал подтягиваться, тянуть руки вверх, изнеможенно крихтя. Мне тоже стало значительно лучше на свежем воздухе, чувствовала, что не владею своими мыслями, а тупо обожаю этого харизматичного подтянутого мужчину. Странное чувство, с одной стороны по всему телу бегали мурашки, а в животе появилось ощущение

схожее с той осторожностью, когда вырисовываешь шоколадные узоры тоненьким тюбиком на поверхности конфет. Этот трепет внутри меня не за что бы не позволил мне сказать Дейву «нет». Но также меня одолевали гигантские разрастающиеся внутри меня боязнь и стыд. Я понимала к чему может привести этот вечер, чем закончится ночь и с какими эмоциями я проснулась бы поутру. А именно, я никогда не мечтала о Дейве, будь сейчас на его месте Мартин, не было бы никаких преград накинуться на него самой здесь и сейчас.. Но Дейв... Конечно, определенно, безусловно, мне нравился он как мужчина, я думаю, что других эмоций он вызывать просто не мог. Вопрос лишь в том, правильно ли это будет по отношению к самой себе? Ведь сейчас, пока еще, мы едем в такси и у меня идеальная почва для будущего закрепления отношений с Мартином Гором, но я же, по совершенно удивительнейшему стечению обстоятельств везу к себе домой Девида Гэана! Мне надоело размышлять на тему «хорошо и плохо», в конце концов, я была с самого начала подавленна, увидев на вечеринке Керри. Отвернувшись от окна, я обернулась к Дейву, отвлекая его от аналогичного занятия:

— Знаешь, Санта-Барбара кажется мне восхитительным городом! Здесь так уютно и спокойно, жители все как один спортивные и благочестивы и вместе с тем здесь любят шумно и даже несколько развязно развлекаться каждый Бо-

жий день...

— Я согласен, здесь классно! А знаешь что еще круто? Так это то, что они все друг друга знают! Серьезно! Да, здесь, наверное, поэтому и уровень преступности крайне низок! Вот уже более десяти лет я приезжаю к Мартину и знаю тут каждую кошку по имени! Да простит меня Нью-Йорк, я всерьез задумываюсь приобрести недвижимость в Санта-Барбаре... А ты остановилась в гостинице или у друзей...? Прости, ты говорила, как-то вылетело из головы...

— Я снимаю небольшой домик! Сейчас сам все увидишь! — я наклонилась к таксисту и выждала пару минут, — вот, вот, вот этот домик! Да, все, спасибо!!

Я и фронтмен группы Дешеш Мод вышли из машины и направились ко мне. На улице было все еще темно и Девид неуклюже спотыкался обо все ступеньки. Я зашла первая и включила свет в коридоре.

— Ну что, вот здесь я и живу! Чувствуй себя как дома!!

Дейв оскалился:

— Хаха, хорошо... У меня складывается впечатление, что меня только что пригласили пожить здесь месяцок другой!

— Все для вас! — я загадочно улыбнулась и направились в спальню, Дейв последовал за мной. Я постаралась разрядить обстановку. — Так что будем готовить?

— Мм, мы же уже решили, — Дейв расстегивал рубашку, задумчиво запрокинув голову.

— Эээ, шоколадное... что-то.. ?

— Да! Только умоюсь...

«Он это серьезно? Мы приехали ко мне, чтобы приготовить «что-нибудь шоколадненькое? — я скорчила вопросительную гримасу и пошла на кухню проверять доступность ингредиентов». Что-нибудь быстрое и простое, без фанатизма. Я едва заметила шоколадку с лесными орехами на дверце холодильника и пару яиц. Отлично, десерту быть! Пирожное с жидкой шоколадной начинкой займет у меня не более двадцати минут, у нас мы зовем его лава-кейк, стройняшке Дейву хватит и пяти таких кексиков более чем.

— Я воспользовался красным полотенцем, это ничего? — вышел Дейв, вытирая моим полотенцем голову.

— Ни-че-го... — медленно прошептала я, сползая к духовке. — Ауч! — я прижалась рукой к дверце и вскрикнула.

— Эй! Ты поосторожней, — Дейв сдвинул брови, а потом выпрямился и подошел ко мне, взяв за руку, — дай посмотрю...

— Да нет, ты что, это же не раскаленная плита! Все хорошо, — словно не желая иметь близкого контакта с ним, я выскользнула из его личной зоны, и как ни в чем не бывало, стала сервировать стол.

— Точно? Ммм, чувствую, чувствую чем-то вкусным пахнет... — он закрыл глаза, вытянул шею, и его ноздри интенсивно задвигались. Дейв медленно нагнулся к духовке и сквозь дверцу как ребенок стал указывать мне на кексики, словно они появились

там каким-то чудесным образом. — Вот оно что! Это ты когда успела? Это ты... пока я...

— Да, зови меня волшебницей! — я нагнулась к Дейву и мы оба застыли перед духовкой. — Дай им еще 5 минут!

— Чем займемся эти 5 минут? — Гэан продолжил протирать мокрую голову. — Давай познакомимся поближе, устроим блиц!

— Ахаха, давай, начинай, — я удобно расположилась на стуле, наливая нам крепкий имбирный чай.

— Кем ты мечтала стать в детстве?

— Врачом! — как на перегонки я стала быстро отвечать, размахивая руками при подаче ответа, — Нет, стой! Поваром! — я развела руками. — Теперь я. У тебя есть домашние животные?

— Есть, два кота Джонсон и Джо! Звучит как компания по производству детского мыла, — Дейв весело прищурил глаза и отхлебнул чай. — Ты ...

— Стооой! — я встала и подняла указательный палец вверх. — Кексики!

Духовка распахнулась, выпустив чудный запах шоколада.

— Продолжай, Девид!

Дейв заглядывал мне на противень, пока я посыпала их сахарной пудрой.

— Как ты это делаешь? А мой вопрос к тебе — ты умеешь готовить Наполеон?

— Да.

— Тирамису?

— Да.

— Пончики?

— Да.

— Эээ печеньки?

— Ну, а ты как думаешь? — я наклонила голову и снисходительно улыбалась ему, выясняя, сколько он еще сможет назвать.

— Так... Ну я не знаю, конфеты? Шоколадные, как в магазинах продают?

— Да.

— Чизкейки?

— Дейв да, да и еще раз да! Думаю, при жела-

нии я смогу сделать совершенно все что захочу, кроме....

— ... кроме, — Дейв прищурил один глаз в надежде засадить меня.

— Кроме огромных декоративных тортов! Тут надо просто по совместительству работать садовником!

— Хаха, неплохо! Это реально круто... — Дейв

будто только вспомнил что перед ним стоят небольшие шоколадные формочки и поспешил взять себе один.

— Теперь так понимаю моя очередь? Как ты относишься к изменам? — наши лица в мгновение стали серьезными.

Автор: Тугучева

Ксения

История одного андрогина

XVI Глава

Дни летели невероятно быстро. Хотя с другой стороны Натаниэлю казалось, что они медленные, особенно в глобальном плане. Ему не терпелось осуществить задуманное. И чем дольше он этого хотел, тем больше впадал в состояние фрустрации.

Ему нравился его нынешний расклад жизни. Он жил под крышей благополучной семьи преподавателей, которых из-за напряженной научной и преподавательской деятельности почти никогда не было дома. Его работа заключалась в присмотре за вполне тихим и спокойным ребенком, который больше любил спать, чем играть или обращать на себя внимание взрослых. Натаниэль питался за счет Вишесов и при этом получал неплохую (как для него) зарплату. Иногда Натаниэль сам не верил в то, что с ним происходит, как у него

все получилось. И это было его лучшим временем после кончины матери. И поэтому это немного смущало его.

Он вспоминал кое-что из детства. Он вспоминал ту самую редкую улыбку Синди. Он вспоминал свою семью — Боба и Софи, рядом с которыми он чувствовал себя прекрасно. И он вдохновлялся этими воспоминаниями. Он набирался стремлением в себе.

«Ты не такой, как все!» — снова вспоминал Натаниэль, потирая пальцами своего ангела на шее. Но Натаниэль не смел долго задерживаться в своем прошлом. Он хотел двигаться вперед. И сейчас он решил зайти в кабинет Саймона, который, когда был дома, часто закрывался там, для работы над своими проектами.

Натаниэль постучал в дверь.

— Да, войдите! — ответил Саймон.

Натаниэль открыл дверь и увидел Саймона, сидевшего за столом. Он что-то скрупулезно писал, и при виде Евы, оторвался, немножко распрямив спину и сняв очки. Вокруг его глаз были темные круги от усталости.

— Мистер Вишес! Я не помешала? — спросил Натаниэль, подходя к его столу.

— Нет, что вы! — окинув ее беглым взглядом, сказал Саймон. — Что вы хотели, Ева?

— Саймон, у меня к вам небольшой вопрос. Можете сказать, где это? — немного кокетливо сказал Натаниэль, предоставив старую бумажку с тем самым адресом, который никто не мог подсказать Натаниэлю.

Саймон снова надел очки и нахмурился, что придало ему умный вид, после чего сказал:

— Хм... Не припоминаю я такой улицы... — вертя бумажку в своих руках,

- Хотя, Хаунслоу. Хаунслоу – это где-то на западной окраине Лондона, если я не ошибаюсь. К сожалению, я не силен в географии. А вам, собственно, зачем? – посмотрев на Еву.

- Мне туда нужно. Но я не знаю, где это, – сказал Натаниэль, пожимая плечами.

- А вам срочно туда нужно?

- Не особо.

- Тогда, давайте я уточню местонахождение этого адреса и скажу вам в течение недели. Хорошо?

- Да. Хорошо, – с вдохновением сказал Натаниэль, после чего удалился с глаз Саймона, приступив к своим обязанностям няни.

Маленький Брюс любил свою няню. Натаниэль был очень нежен и обходителен с ребенком. Буквально за несколько дней он научился тому, чему няни учатся месяцами с разными детьми. И он стал более женственным. Он, наконец, покрасил волосы нормальной краской для волос и прикупил себе несколько хороших вещей. Он стал чуть ли не настоящей леди, не смотря на то, что ему было шестнадцать лет и его имя при рождении – Натаниэль. И это ему льстило.

Он все также имел привычку смотреться в зеркало, любуясь собой, пока никто не видит, хоть часами. Его грудь казалась ему более развитой. Теперь ее поддерживали бюстгалтеры разных цветов и моделей. Хотя, Натаниэль любил поддерживать ее и собственными руками, по-

ка его взор и тело наполнялись наслаждением. Это было сильнее его. Даже сильнее мастурбации, которую он так же не бросил, возбуждаясь на самого себя.

Он восхищался новым собой. Он восхищался трансформациями собственного тела. Это все больше нравилось ему, идеализируя себя самого. Он смотрел на линии ключиц и плеч – «Они прекрасны, как у музы юного поэта». Он смотрел себе в глаза – «Они черны, как ночь». Он смотрел на свои пробитые уши с красивыми серьгами – «Они также прекрасны, как цветущий сад». И все это говорило в нем.

Он все больше стал увлекаться макияжем. Его лицо с каждым днем становилось все взрослее и стервознее. Его взгляд казался тяжелее. Казалось, все меньше остается от Натаниэля. Единственное, что не давало ему забыться в моменты самосозерцания, это его еле видный шрам на краю левой брови. Он напоминал ему о прошлом и о том, кто в этом теле и мозгах. И пока он знал, что он мыслит, и кто в нем мыслит.

На днях Натаниэль выбрался в парк, чтобы погулять с маленьким Брюсом. И он был в некоем изумлении оттого, что некоторые прохожие парни строили ему глазки и флиртовали с ним. Натаниэль понял, что все делает правильно. Это была его маленькая победа. Словно первая картина, от которой все ахнули, и теперь остается создать свою галерею.

Признанную галерею собственных работ из своей внешности.

Собравшись за ужином спустя несколько дней, Натаниэль желал услышать ответ от Саймона, который все это время никак не выходил на прямой контакт с Евой из-за работы. Он начал разговор:

- Мистер Вишес! Что по поводу того адреса? Помните, который я вам давала?

- Ах, да! Ева, извините, пожалуйста! Совсем вылетело из головы! Эта работа... - озадачено сказал Саймон, потеряв пальцами свой лоб, после чего, вспоминая, стал говорить ориентиры того места.

Благо, что Саймон вовсе не забыл этого сделать. И Натаниэль подумал нечто аналогичное, подумав: «Наконец-то!». Теперь ему нужно дождаться выходных, чтобы Вишесы были дома, а он отправился на поиски легендарного адреса, ничего для него не значащего, но так манящего.

Натаниэлю не терпелось узнать тайну этого адреса. «Что значил он для Синди, если она зафиксировала его на кусочке бумаги, причем оставив ее в своем шкафу? Ведь это все не просто так?» - думал он. Вряд ли он мог ожидать дворцы или хоромы, раз дом находился где-то, где его даже не знали. Что это может быть? Он должен был узнать. И, дождавшись удобного для себя дня, Натаниэль отправился на поиски.

Надев черные лосины, а поверх легкое пальто,

свисающее до колен; обув что-то спортивное на ноги и надев огромные солнцезащитные очки (в лучшей традиции Синди Уолкотт), Натаниэль пытался создать в образе что-то свое, в неком плане используя тренд супермоделей 70-х, при этом не желая быть ни в одном из трендов.

По улице шла смелая, уверенная в себе блондинка. Худошавая, в чем-то загадочная, но привлекательная. Ее поведение было осторожным, но ее походка выдавала ее как за перчинку. Это была Ева Адамс. И она хотела заявить о себе на весь мир.

В подобном решительном и боевом настроении, Ева отправилась в метро, чтобы искать иголку в стоге сена. Натаниэль не был достаточно знаком с Лондоном. Но люди могли подсказать ему. И выйдя из метро где-то в Западном Лондоне, язык стал вести его в нужном направлении.

Июньское солнце стало припекать. Натаниэлю становилось жарко. Но красота требовала жертв, и он даже не думал снимать с себя демисезонное пальто.

Он внимал частные дома и полупустые улицы. Местность не была настолько оживленной, как центр Лондона. Один из указателей показывал Натаниэлю улицу Виттон, которую он искал, и он подумал, что осталось совсем немного. Найдя ее, он шел, поворачивая голову то направо, то налево, пытаясь следить за адресами домов.

Впрочем, район был

благополучным. Дома здесь были ухоженными, имелись газоны, супермаркеты. Но людей здесь было мало. Здесь не играли дети, не лаяли собаки. И такая пустота угнетала Натаниэля, навеивая мысли о его первом доме, находящемся где-то на другом конце Лондона, который Натаниэль так и не смог пока посетить. Его мысли прервал дом с нужным адресом.

«Неужели он?» - произнес про себя Натаниэль, сверяя номер дома с написанным на листке бумажки.

Его взору предстал дом, укутанный трехметровыми кустами. С виду нечто мрачноватое и не внушающее какой-то оживленности внутри. Он был построен из старого серого кирпича, который выглядел так, будто его выжигали во времена Первой Мировой Войны. Слева от дома рос здоровенный дуб, ветви которого словно защищали крышу, окутывая ее и спускаясь на самое крыльцо. Это еще больше делало этот дом загадочным и неприступным. И Натаниэль, глядя на него, долго думал. Но собравшись с мыслями, он устремился к нему по едва видимой тропинке, ведущей к крыльцу. У него не было предлога, он не знал, кто откроет дверь и откроет ли вообще, и что говорить если ему откроют. Но Натаниэлю чертовски хотелось знать, что связывало Синди с этим домом.

И ступив на крыльцо, он постучал в коричневую дверь. Что-то закрутило в области живота. Он не

знал, чего ожидать. Его волнение увеличивалось с каждой секундой в геометрической прогрессии. Лишь через минуту по ту сторону двери появились признаки жизни.

- Кто там? – прозвучал недовольный женский голос.

- Извините! У меня есть ваш адрес... - неуверенно начал Натаниэль, не зная, что сказать.

- Проваливай! – сказала та.

- Нет-нет! Погодите! – сказал Натаниэль.

- Мне ничего не нужно! Идите другим впаивайте в уши!

- Я хотела поговорить о Синди Уолкотт! – сказал Натаниэль, пытаясь хоть как-то задержать внимание своей невидимой собеседницы, после чего настала тишина.

Обе стороны слепого диалога замолчали. Натаниэль думал, как бы он не сказал какую-нибудь глупость. Его дергало от ожидания. Почему та женщина замолчала? Видимо она думала. И спустя полминуты дверь чуточку приоткрылась и показалась половина лица седоволосой женщины, которая сказала тихим тоном:

- А ты, собственно, кто такая?

- Меня зовут Ева! Я... я родственница Синди Уолкотт! – сказал Натаниэль, импровизируя.

В этот момент он мысленно хулил себя за то, что не подготовился. Теперь он будет иметь в виду, что никуда и никогда нельзя отправляться данным образом.

- Родственница? – переспросила та.

- Да. На ферме я нашла ваш адрес и решила проверить, что это за место. Я думала, вы должны что-нибудь знать о Синди, – сказал Натаниэль, после чего почувствовал больше уверенности в себе.

Женщина смотрела на него, думая, а затем прикрыла дверь, чтобы снять цепочку и впустить юную леди в дом.

- Ты извини меня за не гостеприимство! Эти промоутеры меня достали! Ходят по домам, предлагают всякую ненужную хрень, будто я не смогу прожить без этого! Сама понимаешь, как это раздражает! – сказала та, проводя Еву в гостиную, после чего добавила: - Я кстати Мэган!

- Очень приятно! – ответил Натаниэль.

Перед ним стояла женщина в возрасте около сорока пяти лет. Ее волосы стремительно седели, они были длинными и собранными в свободный конский хвост. Она была одета очень просто, но сама она производила впечатление ухоженной дамы, пусть и не молодо выглядевшей.

- Я налью чаю, а ты пока можешь рассмотреть здесь все! – сказала Мэган, после чего скрылась на кухне.

Натаниэль, став посреди комнаты, стал осматривать все вокруг. Ему нравился скромный, но стильный винтажный интерьер дома. Атмосфера была абсолютно не напрягающей, а спокойной. Старые светлые обои довоен-

ных годов; винтажная мебель и старые серванты; картины, маятниковые часы. Все это говорило о консервативном, но не плохом вкусе хозяйки, что понравилось Натаниэлю. Здесь было тихо, чисто и спокойно. Видимо, Мэган жила одна.

Заглянув в один из сервантов, Натаниэль заметил несколько старых фотографий в рамке, в одной из которых он заметил знакомый силуэт. Его сердце быстро застучало. На одной из фотографий была Синди. И Натаниэль, оглянувшись посмотреть, нет ли рядом Мэган, протянул руку к фотографии и взял ее.

Посмотрев на нее внимательнее, он увидел на ней совсем молодую Синди, которой не знал и не видел. Ее лицо было подростковое и наивное, словно это была не сама Синди. Она стояла в обнимку с Мэган, тоже молодой и почти неузнаваемой, на фоне одной из лондонских улиц. Они обе были невероятно худы, одеты в мини-юбки и выглядели счастливыми, словно лучшие подруги. Повернув к себе фотографию обратной стороной, Натаниэль увидел надпись шариковой ручкой: «Лондон. 1966 год».

На тот момент Синди едва исполнилось восемнадцать лет. Поэтому она была такой молодой на фотографии. И Натаниэль не мог налюбоваться ею. Он смотрел на ее изображение и не мог оторваться. Он почувствовал некую близость с Синди и на него

начала накатывать ностальгия.

- Люблю эту фотографию! – прервала Мэган столь чувственный для Натаниэля момент, зайдя в гостиную с чайными принадлежностями.

Натаниэль тут же поставил фотографию на место, будто он ее и не трогал, после чего сел за маленький круглый столик для чаепития, вокруг которого стояли маленькие кресла.

Усевшись удобнее, Мэган смотрела своим опытным взглядом на художавую, миловидную блондинку, в которой что-то было от мальчика, и не могла оторваться от нее. Она сказала:

- И кем же ты приходишься для Синди? – взял в руки чашку чая.

Натаниэль, мешаясь в своих мыслях, также взял в руки чашку и сказал:

- Я ее племянница!

- Племянница?

- Можно и так сказать! – улыбнувшись, сказал Натаниэль.

- И о чем же такая замечательная племянница хотела бы узнать? – пригубив чашку чая, сказала Мэган.

Натаниэль смутился после этих слов, но именно это сделало его более раскрепощенным. Он сказал:

- Расскажите мне все и поподробнее! Прошу вас! Я хочу знать о Синди все! Какой она была на самом деле? Или какой она вам запомнилась? Откуда вы ее знаете? Она, похоже, никогда не говорила о вас!

- Ну, например, то,

что у нее есть племянница, она тоже никогда не рассказывала... - сказала Мэган, после чего Натаниэль от неудобства заерзал на стуле. - Хотя, черт ее знает, какие у нее были родственники! Единственное, что я знала, так это то, что она сбежала с фермы своих чокнутых родителей.

- Угу! - попытался поддержать разговор Натаниэль, отпивая горячий чай.

- Я знала Синди еще с первых классов, когда мы учились в школе в Брэйнтри, - более конкретно повела разговор Мэган, ее взгляд стал задумчив. - Она всегда была худой и длинной, над этим всегда смеялись остальные. Из-за этого она стеснялась своей внешности и пыталась не контактировать со сверстниками. Она была закомплексованной и неуверенной в себе милой девушкой, красоту которой пока не понимали. Многим казалось, что она так и будет прогнивать на своей ферме, выйдет замуж за какого-нибудь хозяйственного парня, нарожает кучу детей. Но она была вовсе не такой. Ее всегда было сложно вытянуть на откровенный разговор, поэтому никто не знал, что на самом деле творится в ее голове. Будучи восьмиклассницей, я потеряла мать. Она умерла от рака. Я была вынуждена переехать в Лондон, к своему старшему брату, который на тот момент, как раз поднимался по ступеням своей экономической профессии. С тех пор я не видела Синди и не знала, что с ней.

- Это все? Что было потом? - спросил Натаниэль, намекая на ту фотографию, сделанную в 1966 году, на которой Мэган в обнимку с Синди.

Ему хотелось узнать как можно больше о своей матери.

- Нет, не все, - так же вдумчиво сказала Мэган. - Спустя четыре года Синди сама пришла ко мне. Она приехала в Лондон. Будучи ее единственной подругой, я не могла просто так попрощаться с ней. Поэтому, в надежде на то, что мы еще когда-нибудь увидимся, я написала ей свой новый адрес в Лондоне. Хотя, если честно, совсем скоро я перестала верить в то, что когда-нибудь это произойдет, что она приедет. Но это случилось. Она явилась на пороге моего дома, и я сначала даже не узнала ее. Она была все также стройна, высокая и длиннонога. Но ее пышные волосы, дешевая мини-юбка и безобразный, как мне показалось, макияж - ранее это все не было ее. Теперь же она была таковой. Я долго думала, то ли передо мной проститутка, похожая на Синди Уолкотт, то ли Синди Уолкотт стала проституткой. Но когда она заговорила со мной, я узнала ту самую старую Синди, лучшую подругу детства. Она все также была милой и закрепощенной. Но, когда я ее спросила, почему она так изменила внешность, ведь я запомнила ее совсем другой, то она ответила мне, что хочет стать супермоделью, как Джин Шримптон, как Твигги. Ее очень вдох-

новлял прорыв Твигги 1966 года. Она хотела быть центром внимания, она хотела, чтобы все смотрели на нее, как на икону стиля. И в этом я не узнавала Синди.

Мэган сделала небольшую паузу, после чего прикоснулась пальцами к своему лбу и продолжила:

- Помню, как она повела меня в бар, чтобы отметить нашу встречу, - она слегка засмеялась. - Мы до чертиков напились и целовались так, будто у нас была любовь, а когда мы пришли ко мне домой, то у нее оказалось так мало сил, что она упала на меня и заснула прямо на мне.

- Интересно! - улыбаясь, сказал Натаниэль, увлеченный рассказом Мэган.

- О, да! У нас с Синди было много интересного. Я всегда ценила дружбу с ней. До тех пор, пока она перестала быть собой.

- В смысле?

- Понимаешь, Ева! Синди перестала быть той Синди, которую я знала. Она стала совсем другой. Она стала не просто раскрепощенной или наглой, каковой она никогда не была ранее, она стала стервой. По-настоящему стервой. Мне нравилось, что она живет у меня. Мой брат как год был в Америке, и мне было важно оставаться с ней, поддерживать дружбу и общение. Но Синди слишком часто начала перегибать палку.

Мэган замолчала. Видимо, она не знала, что говорить дальше. Ее лицо стало казаться более обеспокоенным. Натаниэль, по-

нимая, что Мэган, наверное, нелегко говорить, не торопил ее. Но позже, помявшись, ему пришлось сдвинуть с места диалог с ней.

- А что было не так? В чем она перегибала палку? – спросил Натаниэль.

- Во всем! У нее началась звездная болезнь – вот как это называется! Все больше фотографов цеплялись на нее. Все более известные журналы стали предлагать ей работу. Постепенно она становилась не только локальной знаменитостью, но всенародной. Ее любили, признавали. Она становилась моделью, именно тем человеком, которым она хотела быть. Она чувствовала свою важность, свою самостоятельность, свою значимость для общества. И в один момент это стало невыносимым для нас обеих, и мы поссорились.

- Но почему? Неужели нельзя было избежать конфликта?

- Трудно сказать, Ева! Наверное, нет! Понимаешь, если один из друзей превращается из скромного лебедя в гордого стервятника, то для второго, наверное, лучшим вариантом будет – не видеть всего этого, – с горечью в голосе сказала Мэган. - Было время, когда я подражала Синди и пыталась быть похожей на нее. Но я не захотела стать стервятником. Понимаешь?

Натаниэль молчал. Мэган тоже. Грустное молчание обоих повисло над ними в такт старинных часов. Каждый вспоминал что-то свое о Синди, пока

Мэган не решилась на слова:

- Та фотография, которую ты держала в руках, была сделана на следующий день, после прибытия Синди в мой дом. Когда же она покидала его, она даже не сказала мне «пока».

Натаниэль был в смятении. Ему неприятно было слушать все это. И ему хотелось выкрикнуть слова оправдания о своей матери в этот момент. Но он сдерживался. Он не хотел все испортить.

- И вы больше никогда не виделись? – сдержанно спросил он печальным тоном.

- Нет. Никогда, – сказала Мэган. - Конечно, иногда я наблюдала ее по телевизору. Особенно много ее стали показывать в 1972-73 годах, когда ее признали секс-символом Великобритании. А еще, когда начался скандал по поводу ее наркозависимости.

- А она действительно принимала наркотики?

- Конечно! Думаешь, зачем ей нужно было усыновлять того ребенка после всего этого?! Она не хотела пасть в грязь лицом! А зная Синди, мне, наверное, жаль того ребенка. Кстати, где он сейчас?

У Натаниэля накатились слезы. Он молча пожал плечами, желая как можно быстрее покинуть сей дом.

В вечерних сумерках он вышел от Мэган, полон разносторонних мыслей и пошел пешком по улицам. «Лучше бы, я всего этого не слышал», - пробежала мысль в голове

Натаниэля. Ему было больно, и он не хотел верить во все услышанное. Словно груз повис на его сердце – так он чувствовал себя. Ему даже не хотелось словить такси и подъехать к дому Вишесов. Он более чем два часа шел пешком, размышляя о Синди и о себе. Ему нужно время.

Вечерний Лондон кипел жизнью и сверкал развлечениями. Дойдя до центра, Натаниэль отвлекся оживленностью города. Он слился с толпой и понял, что ему пора домой, ему здесь не место, среди народа, среди людей. Он задумался о том, что он здесь делает. Он расстегнул пальто и устремился к Вишесам домой. Наплевать на все.

Придя домой, первое, что сделал Натаниэль, так это сходу устремился в ванную комнату. Ему нужно было зеркало. И сняв с себя пальто, он посмотрел на свое отражение. В тонкой обтягивающей кофте он увидел льстящие очертания своей фигуры, после чего сказал:

- Зачем мне пальто?

С привычной артистичностью он снова стал любоваться собой, меняя позы, тренируя мимику и жесты. Погладив себя по щеке, он почувствовал некое успокоение после столь тяжелых мыслей, и, заглянув себе в глаза, будто пытаясь рассмотреть в них что-то, он сказал:

- Все это чушь! Я знаю, ты меня любишь! – и улыбнулся сам себе.

Автор: Роттен Морган

Приключения в бункере

Найкращий
номер

Мануил сломя голову бежал по узкому коридору в сторону технических помещений. Планировка бункера мало чем отличалась от виденных им ранее, поэтому расположение всех помещений он знал досконально.

Следом за ним бежали три жутких костлявых монстра. Выпученные глаза, острые клыки, скелетообразные тела, обтянутые зеленовато-синей кожей – таких Мануилу еще не приходилось видеть. Разглядывать оголодавших тварей было некогда. Секунда промедления – и ты уже их обед. Или ужин. В кобуре на поясе болтался шестизарядный револьвер, но тратить патроны на эту мерзость было крайне расточительно. Поэтому наш герой предпочел бегство хорошей перестрелке.

И надо сказать, бегал он неплохо. Даже лучше, чем в бытность человеком. Инородные гены быстро прижились. Увы, точка невозврата была пройдена, и вместо хилого ветеринар-ботаника миру явился боевой кот. Жизнь разделилась на «до» и «после». Каких-то «мистических сил», конечно же, не прибавилось, а вот проблем – пожалуйста.

За три года в новом облики за его голову уже назначили награду три влиятельных бандитских шайки. Это и последователи отца Феофана, чьи религиозные чувства он успел оскорбить своим чужеродным видом.

Теперь они спят и видят изжаренный труп Мануила с яблочком во рту на трапезном столе. Чертовы психованные каннибалы тоже хотят обладать тайными знаниями «чародея-искусника». Хотя у него ничего такого не было, а поди докажи.

Но это не так страшно по сравнению с толпами мародеров, чей предводитель готов в награду за голову «чужака» отдать свой новенький «Харлей». С одной стороны, было даже лестно, что такое сокровище готовы отдать за какого-то средне-статистического мутанта, а с другой – толпы радиоактивных торчков в погоне за живой та еще головная боль. Кстати, о боли – люди полевого командира Саида также точат зуб, ибо пока жив хоть один «неверный нелюдь», не построить им новый лучший мир на окраинах бывшей Москвы. После знакомства с этими отбитыми на всю черепушку, прогулки по заброшенным и не очень бункерам превратились в сущие пустяки.

Между тем вдалеке показалась массивная железная дверь, ведущая в технический отсек. Чтобы ее открыть, требовалось как можно быстрее крутить огромный тугий вентиль. Немало сил пришлось приложить, чтобы сдвинуть с места проржавевший металл. Постоянная необходимость открывать и закрывать двери бункеров, обеспечила Мануила внушительной мускулатурой. Он так долго

мечтал о ней в студенческие годы, но, увы, долгожданная мечта сбылась с запозданием.

Подбежав к двери, он вцепился руками в ржавый вентиль и изо всех сил начал крутить. То, что он вообще сдвинулся с места, казалось чудом. Какой только идиот строил это «элитное» бомбоубежище, если не успело пройти и пятидесяти лет, как весь металл проржавел насквозь. Причем в этом бункере дела обстояли намного хуже, чем в других. Будто никто никого не собирался спасти вообще.

Лязгнул замок. Боевой кот ловко проскользнул в образовавшуюся щель и, в панике захлопнув дверь, крутанул ненавистный вентиль в обратную сторону.

Облегченный вздох. Оглядевшись по сторонам, искатель приключений уселся на пыльный пол. Ошибки быть не могло – это действительно было когда-то жилищем обслуживающего персонала. Компьютеры как ни в чем не бывало перемигивались друг с другом красными огоньками. Натужно гудели системные блоки, обмениваясь никому не нужной более информацией. В каком-то смысле жизнь продолжалась. Только виртуальная. А вокруг царили грязь и запустение. И ни одной живой души. Но расслабляться было рано.

Как показала практика, у техников всегда есть чем поживиться. Например, едой. Судя по бодрой работе

компьютеров, с электричеством здесь полный порядок, а значит, в холодильнике можно было найти что-нибудь съедобное. На самом деле сейчас Мануил был готов сожрать что угодно. Даже отвратительную на вкус, но вместе с тем питательную бурду из тюбиков, которыми обычно до отказа были забиты холодильники. Можно было попытаться взломать дверь кладовой и разжиться почти новенькими, обмазанными солидом банками с тушенкой и сгущенкой. Если повезет.

Пока удача была на его стороне.

В животе заурчало. Голод напоминал о себе все навязчивее. Третий день без еды, второй – без воды. Следовало пошевеливаться, пока еще оставались силы. Мануил немало повидал истощенных голодом мертвецов. Перед глазами до сих пор стояли их искаженные предсмертной агонией лица. Иногда внутренний голос уговаривал отведать подгнившей мертвечины, но здравый смысл успевал вовремя остановить начинавшийся внутренний диалог. По Москве и так сновали толпы полоумных каннибалов-извращенцев. И пополнять их увеличивавшиеся не по дням, а по часам ряды не было никакого смысла. Это словно вырвавшийся на свободу Уроборос. А дальше – безумие и смерть. Довольно безрадостная перспектива.

Внезапный шорох прервал поток мыслей. Картонные коробки с шумом обрушились на пол. Мануил вскочил на ноги и выхватил револьвер из кобуры. Взвел курок и, прицелившись в пустоту, замер в ожидании.

Долго ждать не при-

шлось. Из тьмы показалась фигура Чумного Доктора. Чуть прихрамывая, он шел навстречу незваному гостю, угрожающе помахивая увесистой тростью. Опасаться было нечего. Но и терять бдительность не стоило. «Живой» медик-андроид – хороший признак. Появился шанс найти какого-нибудь выжившего техника. Они всегда знали больше, чем нужно рядовому сотруднику – от паролей к компьютерам до мест с тайниками и «нычками». За три года путешествий Мануилу всего лишь раз удавалось найти живого обитателя бункера. Да и того позднее разорвали на части вырвавшиеся на свободу ожившие мертвецы.

Подойдя ближе, Чумной Доктор встал как вкопанный. Несколько минут он изучал новый объект. Убедившись, что он не опасен и относительно здоров, тут же потерял всяческий интерес и пошел бродить дальше.

Спрятав револьвер обратно в кобуру, Мануил отправился изучать обиталище.

На кухне его ожидал крайне неприятный сюрприз. Стоило открыть потертую деревянную дверь, как на боевого кота накинулся пугающего вида техник. Или точнее сказать бывший техник. Сквозь изорванный защитный комбинезон выглядывали покрывшиеся зеленой слизью внутренности. Кисти рук были покрыты сочившимися гноем ранами. На голову техника был напаян противогаз, сквозь окуляры которого проглядывала все та же отвратительная желтая слизь.

Издав хриплый вой, монстр кинулся на кота.

Грянул выстрел. Пуля прошла сквозь голову, разбрызгав по стенам дурно пахнувшие мозги. Тело беспомощно распласталось на полу и забилося в конвульсиях. Потом внезапно замерло и больше не шевелилось.

«Минус один патрон», – с грустью подумал Мануил, сплевывая на пол.

Осторожно обойдя труп, он прошел на кухню.

Холодильник был раскурочен, а продукты безжалостно раскиданы по кухне. Едкий запах тухлятины бил в ноздри. Долго находиться в помещении было физически невозможно. Быстро обшарив ящики столов и оглядев останки холодильника, Мануил продолжил поиски.

Результатом явились две чуть деформированные банки тушенки.

Припрятанный за голенищем сапога нож послужил открывалкой. Боевой кот вскрыл одну из банок и принялся жадно поедать содержимое. На вкус консервированное мясо напоминало подсоленную жеваную бумагу. Но голод не тетка. Даже царившее на кухне зловоние не перебило истинные зверский аппетит.

Насытившись, кот спрятал оставшуюся банку в карман плаща и побрел прочь.

Стоило ему выйти, как он вновь столкнулся с бывшими техниками. На этот раз их было двое. Они, присев на корточки, рассматривали валявшийся труп собрата. Завидев чужака, хрипя и фыркая от негодования, пошли в наступление.

Говорят, легкие пробежки после еды крайне полезны. Как минимум они

продлевают жизнь, а значит «стратегическое отступление» неизбежно.

Техников становилось все больше. Оставшихся пяти патронов было явно недостаточно, чтобы пробиться с боем к выходу. Лавируя между исходящих слизию монстров в противогазах, он бежал к выходу. Твари то и дело пытались кинуться под ноги, но кот умудрялся их перепрыгивать, проявляя чудеса ловкости.

Вбежав в комнату с компьютерами, он обнаружил слонявшегося Чумного Доктора. Тот, не проявляя эмоций, уставился на кота. Что-то в нем замкнуло. Вздвогнув, андроид встал в боевую стойку.

– Угроза! Угроза! – запричитал доктор металлическим голосом.

– Без тебя знаю, болван! – крикнул в ответ кот, пробегая мимо.

Размахивая тростью, доктор, прихрамывая, пошел на образовавшуюся толпу монстров. Силы были явно неравны, но на какое-то время он сумеет их задержать.

Оказавшись у выхода, Мануил с удивлением обнаружил, что дверь распахнута. Он даже не успел ничего сообразить, как за спиной раздались душераздирающие крики обтянутых кожей страшил.

Повинуясь рефлексам, кот отпрыгнул в сторону.

Реальность будто замедлилась. Разинув слюнявую пасть, костлявое тело с воем летело в дверной проем. Медленно сменяется кадр за кадром. Можно было даже различить на теле зверюги кровавые трещины,

покрытые коростой. А также подробно рассмотреть ужасающую клыкастую пасть, затянутые белой поволокой зрачки, превращавшие глаза в два выпученных шарика, и торчавшие в разные стороны белесые лохмы на обтянутой кожей голове. Не самое приятное зрелище.

Время возобновило привычный ход.

Кот на бегу резко развернулся на сто восемьдесят градусов и в панике побежал обратно. Потеряв к пушистому бегуну всякий интерес, анорексичные монстры решили сосредоточиться на бывших техниках. Последние в свою очередь успели повалить Чумного Доктора на пол и даже оторвать ему руку. Но док продолжал яростно сопротивляться.

За спиной беглеца раздались душераздирающие крики, звуки ломавшихся костей и довольного чавканья. Медлить было нельзя! Совершив еще один резкий разворот, запыхавшийся Мануил сбавил темп, но по инерции продолжал бежать, перейдя с галопа на легкую трусцу. Наконец, когда сил бежать совсем не осталось, он, облокотившись на изъеденную ржавчиной стену, принялся шарить по карманам плаща.

– Да черт! Где же она!?

Наконец в левом кармане рука нашарила знакомый предмет.

– Нашел!! – Кот извлек из кармана маленькую резиновую уточку.

– Кря-кря, – сказала забавная резиновая уточка, весело глядя на Мануила.

Из спины уточки

торчал небольшой ключик. Повернув его три раза по часовой стрелке, Мануил изрек:

– Ну что, Дора? Настало твое время!

И с этими словами закинул подозрительно тикавшую утку в образовавшуюся толпу чавкавших чудовищ.

И опять пробежка. То ли открылось второе дыхание, то ли охвативший страх и перспектива быть съеденным эти малосимпатичными ребятами, то ли готовая разнести все к чертям игрушка подгоняли кота.

Раздался мощный взрыв. Накатившей волной Мануила отбросило на пару десятков метров вперед, но появившаяся на пути стена прервала едва начавшийся полет.

Стены бункера угрожающе сотряслись, а с потолка посыпались ржавые пыльные хлопья. Но бункер выдержал.

В голове загудело. Одновременно зазвенели колокола и сотни тяжелых молотов ударились о наковальни. Потолок закружился, раскачивая пол из стороны в сторону. Пока, наконец, не раздался в ушах знакомый до боли металлический голос:

– КРИТИЧЕСКАЯ ОШИБКА! ОШИБКА! СБОЙ! НАРУШЕНИЕ СИСТЕМЫ! ОБРАТИТЕСЬ К СИСТЕМНОМУ АДМИНИСТРАТОРУ ЗА ПОМОЩЬЮ! ОШИБКА!

Надо было подняться посмотреть, что там вообще происходит. Но вставать совершенно не хотелось. Жесткий пол в этот момент казался мягче перины. Хо-

телось спать. Заснуть – означало подписать смертный приговор собственной рукой. Собрав силу воли в кулак, Мануил нехотя поднялся с пола и, шатаясь как алкаш, направился в сторону остервенелых криков Чумного Доктора.

От взрыва бункерную живность разметало и размазало. Как и большую часть ценнейшей компьютерной техники.

Раздался похожий на раскат грома электрический разряд. Свет погас. И вдали загорелся блеклый огонек. Глаза уже успели привыкнуть к полумраку убежища, так что сильных проблем крошечная тьма не вызвала.

Под подошвами сапог неприятно хлюпало. Иногда кот на кого-то наступал, норовя споткнуться. Утешало лишь одно – никто после этого не пытался подняться.

Наконец источник тусклого огонька был найден. Как Мануил и предполагал, им оказался Чумной Доктор. Взрывом ему оторвало оставшуюся руку, вырвало правую ногу и вспоролло брюхо, откуда теперь торчали искрившиеся во мраке провода. На ощупь маска врача сильно деформировалась. Док ослеп на один глаз, но продолжал функционировать.

– Что же с тобой делать? Говорят, на черном рынке за тебя готовы выложить много всего полезного. Не знаю, как ты, но я думаю тебя отсюда забрать. Вернее, то, что от тебя осталось. Авось, сменяю на что-нибудь годное.

Осторожно приподняв подергивавшегося андроида, кот взвалил его на

плечо и направился к выходу.

Андроид затих. Вместо криков об ошибке раздалось чуть слышное шипение. Будто патефонная пластинка. Сейчас их днем с огнем не сыщешь, но упрямая память продолжала хранить эти никчемные воспоминания.

Кое-как выбравшись из бункера, Мануил облегченно скинул тяжелую носу на землю.

Запустив руку в правый карман, он начал увлеченно в нем рыться, пока не раздался писк.

Из кармана он извлек еще одну резиновую уточку. На этот раз она была без ключика в спине. Она радостно уставилась на кота и крикнула: «Кря-кря». Тот ласково погладил ее.

– Ну, вот видишь, Дора. А ты мне не верила. Смотри, какой симпатяга! – Он вытянул руку с уткой в сторону Чумного Доктора. – Мы наверняка сменяем его на что-нибудь полезное. Слышишь?

И кот вновь приблизил утку к себе.

– Кря-кря, – ответила Дора.

Вечерняя прохлада опьяняла. Не смотря на то, что воздух отдавал падалью и жжеными покрышками, он казался самым лучшим воздухом на свете. Ночные сумерки придавали лесу зловещий вид. Жухлые желтоватые листья на ветках, изъеденная кислотными дождями кора деревьев, то и дело булькавшие густые лужи, покрытые маслянистой пленкой. Тут нет птиц, нет зверей в привычном понимании, а тех, что есть лучше не встречать.

Раздался хруст веток. Из кустов неподалеку, мыча, вылезло окровавленное тело. Перекаченный стероидами детина с частично ампутированным мозгом – еще одна жертва российской бесплатной медицины нового времени. Скорее всего, сердобольные врачи у него еще что-нибудь успели вырезать и даже худо-бедно зашить. Ходит теперь по лесу, охотясь на тех, кому повезло больше, промышляет каннибализмом и другими непотребствами. На чуть обломанном лезвии огромного тесака болтался чей-то недавно вырезанный ливер. Вечер переставал быть томным.

Резиновая уточка отправилась в карман.

Выхватив из кобуры револьвер, Мануил ощетинился, обнажив клыки, приготовился к бою. Зеленые зрачки вспыхнули рубиновым светом. Гнев клекотал! Он рвался наружу и требовал крови.

Завидев добычу, детина, размахивая тесаком, бросился в атаку. Вот-вот должен был прозвучать выстрел.

«Минус один патрон», – грустно подумал кот, нажимая на курок.

Выстрел...

Пуля вылетела из ствола. Мгновение, и она пробилась насквозь и без того проломленную голову каннибала. Вряд ли нашему герою удалось одним патроном утихомирить жертву российской медицины, но это уже совсем другая история.

**Автор: Аверин
Александр**

Над номером працювали:

Олександр Маяков—головний редактор

Надія Леоничева—старший редактор

Елизавета Панчишина—редактор

Расима Ахмедова—редактор

Максим Гайер—редактор

Зліна Кім—редактор-коректор

Катерина Львова—редактор

2016

На фото: Надія Глебова